

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

3

1992

Сайдяшева Зоя Имэовна. Прокурор отдела Прокуратуры г. Москвы (отдел по рассмотрению гражданских дел в судах).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

3

1992

Главный редактор
В. М. СИРЕНКО
Учредитель:
Международное неправительственное объединение «Союз юристов»
Редакционный совет:
АГЗАМХОД-ЖАЕВ А. А.
АЛИЕВ И. А.
БАЕКОВА Ч. Т.
БАРБАЛАТ П. А.
БУРЧАК Ф. Г.
ДАРБИНЯН В. С.
МИТЮКОВ М. А.
НУРМУХА-МЕДОВ Б. К.
САРТАЕВ С. С.
СОКОЛ С. Ф.
ХУВАЙДУЛ-ЛАЕВ Н. Х.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

В НОМЕРЕ

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

- Помочь прекрасному полу. О льготах и преимуществах работающих женщин 3
- С. ЕФИМОВ. Страхование на транспорте 64

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- Указ Президента Российской Федерации о мерах по усилению социальной защиты военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы 10

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Ю. ДМИТРИЕВ, К. ТОКМАКОВ. Зачем нам многопартийность! 13

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 18, 127

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

- В. ЛИТОВКИН. Похорожки из невоюющей армии 19
- А. МАСЛОВ. Когда больно мертвым и живым 92

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

Л. АРЕСТОВА. Без всякой вины 28

ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ 35

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

А. ВИНОГРАДСКАЯ. Смерть за смерть или!.. 37

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Как защищают права солдата в ФРГ. Беседа с военным судьей Р. ДИЛЛЬМАНОМ 49

А. СЫЧЕВ. В тюрьме коммуны Тэбю 53

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПЕРИСКОП 63,
68, 88

«...За отсутствием события преступления» 69

СУДЕБНЫЕ ДРАМЫ ПРОШЛОГО

Ю. ОРЛОВ. Дама с динамитом 74

А. АНОСОВ. Кривая жизнь 83

СУМЕЙ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ 89

РАССКАЗ

Т. МОСПАН. Сезон для самоубийства 106

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА 126

Редакционная
коллегия:

А. Т. АНОСОВ

Г. К. БОЛЬШАКОВА

(заместитель

Главного

редактора)

В. Н. ДОВЖУК

В. П. КОНОНЕНКО

О. Е. КУТАФИН

В. М. ЛЕБЕДЕВ

М. Н. МАРЧЕНКО

Л. А. ПЕТУХОВА

В. Д. ПОВОЛЯЕВ

Н. Т. РЯБОВ

А. Я. СУХАРЕВ

А. А. ТРЕБКОВ

М. М. ТРОИЦКАЯ

А. Е. ЮФЕРЕВ

(заместитель

Главного

редактора)

Художественный

редактор

М. В. ПАНКОВА

Технический

редактор

В. А. СЕРЯКОВА

Фото

В. С. ЗИМИН

Корректор

Л. И. УШАНОВА

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

ПОМОЧЬ ПРЕКРАСНОМУ ПОЛУ

Милые женщины, вот уже несколько лет подряд, поздравляя вас в мартовском номере с вашим светлым, весенним праздником, мы желали, чтобы несчастья, неприятности и печали обходили вас стороной. Но, вероятно, не суждено было исполниться нашим пожеланиям. И прошедший год, по большому счету, опять ничего хорошего, кроме новых тревог, забот и хлопот, большинству наших женщин не принес. Чтобы в этом убедиться, достаточно выйти на улицу и взглядеться в лица куда-то спешащих, идущих, едущих либо стоящих в очередях представительниц прекрасной половины. Какие они? Хмурые, растерянные, озабоченные, задумчивые, уставшие, недовольные, злые. И очень редко улыбающиеся, веселые и счастливые. Эти наблюдения мы могли бы проиллюстрировать цитатами из писем бабушек, матерей, жен. Но не будем этого делать. Ведь о том, как нелегко живется нашим женщинам, вы,

уважаемые читательницы, знаете лучше кого бы то ни было. От того же, что мы в очередной раз расскажем о высоких ценах, низких зарплатах, пустых магазинных прилавках, нехватке квартир и детских садов, положение ваше не изменится и проблем меньше не станет. Так не будем сыпать соль на раны.

Но все-таки нам хочется хоть чем-нибудь помочь вам, дорогие женщины. Наверное, в нынешней ситуации совсем не лишне знать о своих правах и преимуществах, льготах и социальных гарантиях.

О том, какими трудовыми льготами и преимуществами пользуются работающие женщины, мы попросили рассказать нашего постоянного автора ВЯЧЕСЛАВА ДЕМИНА. Сотрудники же редакции поздравляют вас, милые читательницы, с наступлением весны. И желают вам здоровья, счастья, любви, исполнения всех ваших желаний. Будьте терпеливы и мужественны.

Ни для кого не секрет, что у наших женщин двойная, даже, можно сказать, тройная нагрузка. Чтобы хоть как-то помочь слабому полу нести эту непосильную ношу, законодательство предоставляет женщине возможность работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Так, согласно статье 49 КЗоТ Российской Федерации по просьбе беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет (в том числе находящегося на ее попечении) или осуществляющей уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским

заключением, администрация обязана устанавливать ей неполный рабочий день или неполную рабочую неделю.

Неполный рабочий день предполагает сокращение продолжительности ежедневной работы (смены) на определенное количество часов во все дни недели. А неполная рабочая неделя — сокращение количества рабочих дней при сохранении нормальной продолжительности ежедневной работы (смены). Кроме того, по соглашению между работницей и администрацией может быть сокращена продолжительность ежедневной работы (смены)

на определенное количество часов при одновременном сокращении количества рабочих дней в неделю. По желанию женщины неполное рабочее время устанавливается либо на длительный срок, либо на небольшой период (например, на время зимних или летних школьных каникул).

Конкретные условия оговариваются в соответствующем приказе (распоряжении).

Следует иметь в виду, что женщинам, занятым неполное рабочее время, оплата труда производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. Однако им предоставляется ежегодный нормальный продолжительности отпуск. На общих основаниях им начисляются премии, предоставляются выходные. Время работы на условиях неполного рабочего дня (недели) засчитывается в общий и непрерывный стаж, а также в стаж работы по специальности, в том числе при назначении пособий по государственному социальному страхованию и государственных пенсий; при выплате единовременного вознаграждения или надбавок к заработной плате за выслугу лет и вознаграждения за общие результаты работы по итогам за год; при установлении окладов (ставок) работникам просвещения, здравоохранения, библиотечным работникам и некоторым другим специалистам, которым оклады (ставки) определяются с учетом стажа работы; при предоставлении льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, а также в Архангельской области, Карельской и Коми республиках.

Женщинам, имеющим детей

в возрасте до 15 лет, также предоставлено преимущественное право на заключение трудового договора о надомной работе.

Статьей 160 КЗоТ запрещается применение труда женщин на тяжелых работах и на работах с вредными условиями труда, а также на подземных работах, кроме некоторых их видов (нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию).

Не допускается привлечение к работам в ночное время (с 22 часов до 6 часов утра), к сверхурочным работам и работам в выходные дни, а также направление в командировку беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

Женщины, имеющие детей в возрасте от трех до четырнадцати лет (детей-инвалидов — до шестнадцати лет), не могут привлекаться к сверхурочным работам или направляться в командировку без их согласия.

Особой защитой пользуются будущие матери и женщины, имеющие маленьких детей. Так, беременным женщинам в соответствии с медицинским заключением снижаются нормы выработки, нормы обслуживания либо они переводятся на другую работу, более легкую и исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе (статья 164 КЗоТ Российской Федерации).

Если решение вопроса о предоставлении беременной женщине более легкой работы затягивается, она освобождается от своей работы с сохранением среднего заработка за все пропущенные вследствие этого рабочие дни за счет

предприятия, учреждения, организации.

Но бывает так, что и после рождения ребенка женщина не может выполнять прежнюю работу. Ведь малыша нужно кормить, ухаживать за ним, а при некоторых условиях труда (разъездной характер работы, ночные смены и т. д.) заниматься этим невозможно. В таких случаях женщину до достижения ребенком возраста полутора лет переводят на другую работу (и не обязательно более легкую). Причем на этот период ей сохраняется средний заработок по прежней работе.

Однако забота о будущих мамах и женщинах, имеющих малышей, этими мерами не исчерпывается. Законодательством предусмотрены отпуска по беременности и родам продолжительностью 70 календарных дней до родов и 56 (в случае осложненных родов или рождения двух и более детей — 70) календарных дней после родов. Отпуск по беременности и родам исчисляется суммарно и предоставляется женщине полностью независимо от числа дней, фактически использованных до родов.

Женщинам, усыновившим новорожденных детей, отпуск по беременности и родам предоставляется на 56 календарных дней со дня рождения ребенка, указанного в свидетельстве о рождении.

В соответствии со статьей 166 КЗоТ Российской Федерации перед таким отпуском или непосредственно после него женщине, по ее заявлению, может предоставляться ежегодный очередной отпуск независимо от стажа работы на данном предприятии.

По желанию женщины предоставляется частично оплачи-

ваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет.

Матери, обучающиеся с отрывом от производства в высших, средних специальных, профессионально-технических учебных заведениях, а также в аспирантуре, клинической ординатуре, на курсах и в школах по повышению квалификации, переквалификации и подготовке кадров и продолжающие учебу с отрывом от производства в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, имеют право на получение в полном размере стипендии и пособия по уходу за ребенком.

В местности, где установлены районные коэффициенты к заработной плате, размер пособия определяется с применением коэффициентов, установленных к заработной плате рабочих и служащих непродовольственных отраслей народного хозяйства.

По уходу за ребенком в возрасте до трех лет работающим матерям и женщинам, обучающимся с отрывом от производства, предоставляется отпуск, в период которого выплачиваются пособия на детей и ежемесячные компенсационные выплаты самой матери.

Частично оплачиваемый отпуск и дополнительный отпуск без сохранения заработной платы по уходу за ребенком могут быть использованы (полностью либо по частям) не только матерью, но также отцом ребенка, бабушкой, дедом или другими родственниками, фактически осуществляющими уход за ребенком. При этом закон не связывает возможность предоставления таких отпусков со степенью родства и совместным проживанием

родственника ребенка с его родителями (родителем).

По желанию женщины или других родственников в период их нахождения в отпуске по уходу за ребенком они могут работать на условиях неполного рабочего времени или на дому, причем за ними сохраняется право на получение пособия.

Время частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком засчитывается как в общий, так и в непрерывный стаж работы и в стаж работы по специальности. Но в стаж, дающий право на ежегодные очередные отпуска, этот период не засчитывается, то есть предоставление ежегодного отпуска отодвигается на время, равное продолжительности отпуска по уходу за ребенком. Однако это не лишает женщину права пользоваться в дальнейшем очередным отпуском в любое время года авансом согласно графику.

Если в период частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет у женщины возникает право на получение оплачиваемого отпуска в связи с обучением в учебном заведении, то, по ее желанию, отпуск по уходу за ребенком прерывается и предоставляется оплачиваемый отпуск, после окончания которого женщина вправе получить прерванный отпуск, но без его продления за счет времени учебного отпуска.

Если же мать не воспользовалась отпуском по уходу за ребенком, не достигшим полутора лет, и продолжает работать, то помимо общего перерыва для отдыха и питания ей предоставляются дополнительные перерывы для кормления ребенка не реже чем через

три часа и продолжительностью не менее тридцати минут каждый. Перерывы для кормления ребенка включаются в рабочее время и оплачиваются по среднему заработку. Сроки и порядок их предоставления определяются администрацией совместно с профсоюзным комитетом с учетом пожеланий матери.

Итак, вы теперь сами видите, что льгот у женщин действительно не мало. Именно поэтому для некоторых руководителей женщина с детьми не слишком желанный работник. Учитывая это, законодательство устанавливает особые гарантии трудовых прав женщин. Запрещается отказывать женщинам в приеме на работу и снижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до 3 лет, а одиноким матерям — с наличием ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида — до 16 лет). Отказ в приеме на работу может быть обжалован в народный суд.

Не допускается увольнение беременных женщин, женщин, имеющих детей до трех лет (одиноких матерей — при наличии у них ребенка в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида в возрасте до 16 лет), по инициативе администрации. Увольнение возможно лишь в случае полной ликвидации предприятия, учреждения, организации, но с обязательным трудоустройством. А любая реорганизация, связанная с изменением структуры предприятия, упразднением определенных подразделений, сокращением штатов, не дает основания для увольнения этих женщин.

Обязательно трудоустраиваются такие женщины и в случаях увольнения по окончании

срочного трудового договора. На период трудоустройства за ними сохраняется средняя заработная плата, но не свыше трех месяцев со дня окончания срочного трудового договора.

Как известно, при увольнении по собственному желанию определенное значение имеет причина, по которой вы решили поменять работу. Наличие уважительных причин дает определенные преимущества (сокращение срока предупреждения об увольнении, сохранение непрерывного стажа в случае повторного в течение года увольнения и т. п.). Так вот необходимо иметь в виду, что беременность женщины либо наличие у нее ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида до 16 лет) всегда является уважительной причиной для расторжения трудового договора. Причем при расторжении трудового договора беременными женщинами или матерями, имеющими детей (в том числе усыновленных или находящихся под опекой или попечительством) в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида в возрасте до 16 лет, непрерывный трудовой стаж сохраняется при условии поступления на работу до достижения ребенком указанного возраста.

Важное значение имеет предоставляемая женщинам возможность ухаживать за больными детьми. Больничный листок по уходу за больным ребенком, не достигшим 14 лет, выдается на период, в течение которого он нуждается в уходе, но не более чем на 14 календарных дней. Первые 7 календарных дней (одиноким матерям, вдовам, разведенным женщинам (мужчинам) и женам военнослужащих срочной службы — первые 10 календар-

ных дней) оплачиваются в соответствии с действующим законодательством с учетом непрерывного стажа работы, а начиная с восьмого и по четырнадцатый календарный день или соответственно с одиннадцатого по четырнадцатый день — в размере 50 процентов заработной платы, независимо от непрерывного трудового стажа.

При стационарном лечении детей в возрасте до трех лет и тяжело больных детей старших возрастов, нуждающихся по заключению врачей в дополнительном уходе, матери (отцу) или другому родственнику ребенка предоставляется возможность находиться с ним в лечебном учреждении с выплатой пособия по социальному страхованию.

Работающие женщины, имеющие двух и более детей в возрасте до 12 лет, могут пользоваться дополнительным отпуском без сохранения заработной платы продолжительностью до двух недель.

Следует подчеркнуть, что все льготы, предоставляемые женщинам в связи с материнством, распространяются на отцов, воспитывающих детей без матери (в случае ее смерти, лишения родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и т. п.), а также на опекунов или попечителей несовершеннолетних.

Особо выделим льготы для женщин, работающих на селе.

С 1 января 1991 года продолжительность ежегодного основного отпуска у них не может быть менее 28 календарных дней.

Продолжительность рабочего времени для женщин, работающих в сельской местности, установлена 36 часов в неделю. При этом заработная плата выплачивается им в том же раз-

мере, что и при полной продолжительности еженедельной работы. По заявлению женщины ей предоставляется один выходной день в месяц без сохранения заработной платы.

Продолжительность отпуска по беременности и родам работающим в сельской местности установлена 140 дней (70 календарных дней до родов и 70 календарных дней после родов) при нормальных родах, 156 дней (70 календарных дней до родов и 86 календарных дней после родов) при осложненных родах и 180 дней (70 календарных дней до родов и 110 календарных дней после родов) при рождении двух и более детей, независимо от фактической продолжительности дородового отпуска.

На работах, где по условиям труда рабочий день разделен на части (с перерывом более двух часов), оплата труда женщин повышена на 30 процентов.

Беременным женщинам и кормящим матерям бесплатно выдаются продукты питания, производимые хозяйством, по нормам, установленным трудовым коллективом.

С 1 января 1991 года запрещается использование труда беременных женщин в растениеводстве и животноводстве. По новому месту работы за

ними сохраняется средний заработок на весь период беременности.

С 1 января 1992 года запрещено привлечение женщин в возрасте до 35 лет к выполнению операций в растениеводстве, животноводстве, птицеводстве и звероводстве с применением ядохимикатов, пестицидов и дезинфицирующих средств.

С 1 января 1991 года запрещено обучение и с 1 января 1992 года прием на работу женщин трактористами-машинистами и водителями грузовых автомашин.

За счет средств хозяйств возмещается кредит, выданный молодым семьям на строительство собственного жилого дома, в размере не менее двух тысяч рублей при рождении первого, не менее трех тысяч рублей — при рождении второго ребенка и не менее пяти тысяч рублей — при рождении третьего ребенка.

Таковы основные льготы и преимущества, которыми могут пользоваться женщины. Вряд ли они смогут обеспечить нашему прекрасному полу достойные условия жизни, но пусть хоть несколько облегчат их труд, позволят пережить наше сложное и противоречивое время.

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**О мерах по усилению
социальной защиты военнослужащих
и лиц, уволенных с военной службы**

В целях усиления социальной защищенности военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, и обеспечения надлежащих условий для выполнения обязанностей воинской службы постановляю:

1. Установить с 1 февраля 1992 г. минимальные должностные оклады по первичным офицерским должностям в Вооруженных Силах (командир взвода и ему соответствующие должности) в размере 1800 рублей в месяц.

Утвердить размеры должностных окладов лиц офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы по основным типовым должностям, исходя из установленных настоящим Указом минимальных должностных окладов.

Индексацию денежного довольствия военнослужащим в связи с ростом розничных цен и тарифов производить в установленном порядке.

2. Выплачивать военнослужащим срочной службы при увольнении с военной службы единовременное пособие в размере 500 рублей, а указанным лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,— 2000 рублей.

3. Правительству Российской Федерации, правительствам республик в составе Российской Федерации, органам исполнительной власти краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга погасить в первом полугодии 1992 года задолженность по выделению жилой площади военнослужащим, в том числе по долевному участию Вооруженных Сил в строительстве жилья.

4. Передавать безвозмездно в собственность занимаемые жилые помещения в домах государственного и ведомственного жилищного фонда лицам офицерского состава, прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы Вооруженных Сил, прослужившим на военной службе 20 лет и более в календарном исчислении, и лицам, уволенным с военной службы по возрасту, болезни, сокращению штатов или по ограниченному состоянию здоровья и имеющим выслугу 20 лет и более в календарном исчислении, участникам войны, воинам-интернационалистам, а также членам семей военнослужащих, погибших или умерших вследствие ранения, контузии, увечья и заболевания, связанных с исполнением обязанностей военной службы.

5. Повысить лицам офицерского состава, прапорщикам, мичманам, военнослужащим сверхсрочной службы Вооруженных Сил, не обеспеченным жилыми помещениями для постоянного проживания, денежную компенсацию за поднаем (наем) временных жилых по-

мщений до 300 рублей, а лицам, имеющим семью свыше 3 человек,— до 350 рублей в месяц (в зависимости от проживания в различных населенных пунктах).

6. Установить, что лица офицерского состава, прапорщики, мичманы, военнослужащие сверхсрочной службы Вооруженных Сил, состоящие на военной службе, а также уволенные с военной службы по возрасту, болезни, сокращению штатов или по ограниченному со-

стоянию здоровья и имеющие выслугу 20 лет и более в календарном исчислении, оплачивают занимаемую ими и проживающими с ними членами семьи жилую площадь в домах государственного и ведомственного жилищного фонда и коммунальные услуги в размере 50 процентов.

7. Оказывать безвозмездную финансовую помощь по месту службы в размере 50 процентов стоимости кооперативного жилья или кредита банка, полученного на строительство индивидуального жилого дома военнослужащим Вооруженных Сил, безупречно проходящим военную службу непрерывно 15 лет и более в календарном исчислении, не обеспеченным жилыми помещениями или нуждающимся в улучшении жилищных условий, вступившим в жилищно-строительные (жилищные) кооперативы или осуществляющим строительство индивидуальных жилых домов.

8. Предоставлять военнослужащим, лицам, уволенным с военной службы по возрасту, болезни, сокращению штатов или по ограниченному состоянию здоровья, имеющим выслугу 15 лет и более в календарном исчислении, а также участникам войны, воинам-интернационалистам, членам семей военнослужащих, погибших или умерших вследствие ранения, контузии, увечья, заболевания, связанных с исполнением обязанностей военной службы, безвозмездно земельные участки под строительство индивидуальных жилых домов и садово-огородные хозяйства площадью 0,10 га — в поселках городского типа и 0,25 га — в сельской местности.

Освободить от уплаты земельного налога в части, поступающей в республиканский бюджет Российской Федерации, военнослужащих, которым земельные участки предоставлены для строительства индивидуального жилья в соответствии с настоящим Указом.

9. Освободить все категории военнослужащих Вооруженных Сил от уплаты подоходного налога по денежному довольствию, денежным вознаграждениям и другим выплатам, получаемым ими в связи с исполнением обязанностей военной службы.

10. Правительству Российской Федерации в месячный срок:

определить размеры денежного вознаграждения за особые условия службы и классную квалификацию, а также добавочных видов денежного довольствия стимулирующего характера;

определить порядок предоставления безвозмездной финансовой помощи военнослужащим на приобретение жилья, а также порядок контроля за целевым использованием выделенных средств;

представить предложения:

о порядке предоставления военнослужащим и лицам, уволенным с военной службы, льгот по налогам, связанным с приватизацией жилых помещений;

о повышении в 1992 году тарифных ставок и должностных окладов рабочих и служащих воинских частей, предприятий, организаций и учреждений, военно-учебных заведений;

об изменениях и дополнениях действующего законодательства, вытекающих из настоящего Указа.

11. Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН.

Москва, Кремль.

19 февраля 1992 года.

ЗАЧЕМ НАМ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ?

Вопрос кажется устаревшим. Многопартийность в нашей стране уже стала фактом. Путь к этому был долгим и трудным. Новая редакция статьи 6 Конституции СССР, принятая в марте 1990 года, допускала существование наряду с КПСС других политических партий. А 1 января 1991 года с вступлением в силу Закона СССР «Об общественных объединениях» альтернативные политические партии, фактически возникшие несколько раньше, юридически получили право на существование. Но дело в том, что главный критерий многопартийности состоит в обес-

печении всем партиям равных условий в борьбе за политическую власть. Очевидно, что, пока в стране существовала такая мощная в организационном, экономическом и политическом отношении структура, как КПСС, ни о какой реальной конкуренции с ней ни одной из политических партий не могло быть и речи. И только приостановление деятельности КПСС, роспуск ее руководящих органов, изъятие имущества и департизация государственного аппарата, ставшие составной частью демократических процессов, вызванных попыткой государственного перево-

рота в августе 1991 года, создали условия для реальной многопартийности.

К сожалению, в условиях монополии КПСС на государственную власть вопрос о принципах и содержании многопартийности не получил в правовой науке должной разработки. И сегодня мы вынуждены экстерном «проходить» то, на что в иных государствах ушли целые столетия.

Еще издревле человек в борьбе за существование объединялся с себе подобными. Постепенно племена и племенные союзы преобразовались в самое могущественное из всех существующих объединений — государство. Но с развитием общественных отношений круг интересов и потребностей человека становится шире и разнообразнее и далеко не всегда совпадает с интересами государства. Постепенно формируются объединения в сфере экономической — ремесленные цехи и купеческие гильдии — и духовной — образы современных общественных организаций, массовых движений, религиозных обществ и политических партий. Среди объединений партии занимают особое место.

Традиционно политическая партия воспринималась нами как объединение, насчитывающее в своих рядах тысячи людей с фиксированным членством, четкой программой и уставом, партками на производстве, сбором взносов и строгой дисциплиной. Однако на Западе существуют партии, не имеющие постоянной структуры и фиксированного членства. И в нашей стране уже созданы городские и районные партии, партии, существующие не на взносы своих членов, а на добровольные пожертвования и доходы от партийной печати и т. д. Думается, что эти внешние признаки не могут быть главным критерием, отличающим партию от других видов общественных объединений.

Главное отличие в том, что партии — это единственные общественные объединения, ставящие своей целью борьбу за политическую власть. В цивилизованных странах эта цель реализуется путем создания парламентских партий. К этому необходимо стремиться и нам.

В наших условиях борьба за власть парламентскими средствами видит-

ся следующим образом. Зарегистрированные в установленном порядке партии формулируют предвыборные программы и выдвигают своих кандидатов в депутаты. Кандидаты от партий выступают не просто со своей программой, а отстаивают предвыборную программу партии, которая их выдвинула. Та партия, которая сформулировала наиболее реальную конструктивную программу, учитывающую интересы избирателей, набирает на выборах наибольшее число голосов, а следовательно, и мест в соответствующем представительном органе власти.

Депутаты, избранные таким путем, находятся под двойным контролем: со стороны избирателей и со стороны выдвинувшей их партии. Депутаты, избранные от одной партии, объединяются во фракцию. Это способствует их большей консолидации и более эффективной работе органа власти в целом. И, наконец, последнее преимущество таких выборов — депутаты в своей деятельности опираются на поддержку всей партии, всех ее членов. В результате и избиратели могут реально убедиться в том, пра-

вильный ли выбор они сделали. Если предвыборная программа партии оказалась не реализованной, на следующих выборах она теряет голоса избирателей и нормальным, законным путем лишается власти, переходит в оппозицию или вообще уходит с арены политической борьбы.

Однако депутатские места в органах власти — не единственная сфера борьбы партий за власть. В нашей стране медленно, со скрипом, но все же идет разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. При этом замещение ключевых постов исполнительной власти — президента и мэра — все чаще происходит путем альтернативных выборов непосредственно избирателями. Здесь тоже поле деятельности политических партий. Фактически выборы президентов и мэров уже происходят на многопартийной основе. Осталось только юридически закрепить это.

Но чтобы добиться ключевых постов в органах власти и управления, партии необходимо иметь влияние на массы, авторитет. Только в период избирательной кампании его не заработаешь.

Как существо социальное и способное к абстрактному мышлению человек не может жить только сегодняшним днем, он так или иначе планирует свое будущее. При этом происходит обмен мнениями, вырабатываются общие точки зрения, жизненная позиция, мировоззрение, в конечном счете — идеология. Все это находит практическое воплощение в программе партии. Наличие программы — это то, что отличает политическую партию от всех других общественных формирований. Именно программа помогает партии не затеряться среди себе подобных, искать союзников и сторонников. Поэтому на митингах, манифестациях, благотворительных мероприятиях, в печати партии должны уделять максимальное внимание пропаганде своих идей. Недостаточное внимание к этой работе можно объяснить только молодостью новых партий.

Надеемся, мы убедили читателя, что политические партии — весьма специфический вид общественных объединений граждан, и поэтому их деятельность требует особого правового регу-

лирования. К сожалению, Закон «Об общественных объединениях» его не обеспечивает. Необходимы законы о политических партиях. По нашему мнению, эти законы должны обеспечивать равные условия для создания и текущей деятельности политических партий, гарантировать их от конфликтов друг с другом и с государством.

Но, предположим, будет принят закон о политических партиях, где записано, что все партии имеют равные права. А как на практике? Ведь различные политические партии имеют неодинаковое число членов, а следовательно, и разный политический и экономический вес. Чтобы преодолеть это естественное неравенство, законодательство некоторых стран, например ФРГ, предусматривает возмещение партиям затрат в предвыборной борьбе либо, как в Венгрии, государственное финансирование их деятельности.

Ни для кого не секрет, что имущество КПСС не только состояло из членских взносов, но и включало доходы от партийной печати и хозяйственной деятельнос-

ти, длительное время освобожденные от налогов, а также прямые дотации государства и иные поступления, не имевшие прямого отношения к ее уставной деятельности. Решения об изъятии находящихся на балансе КПСС материальных и денежных средств, безусловно, справедливы. Было бы целесообразно за их счет образовать государственный фонд финансирования деятельности политических партий, общественных объединений и массовых движений. Из этого фонда партиям можно было бы доплачивать до минимума, необходимого для организаций предвыборной кампании. При этом средства, выделяемые на агитационную кампанию кандидата от партии, должны быть равны средствам, выделяемым на эти цели независимому беспартийному кандидату. Необходимо законом обязать указанные формирования публиковать сметы расходов и доходов и особенно тщательно контролировать расходы на предвыборную деятельность.

Новое законодательство о выборах должно, наконец, преодолеть и давнее противоречие нашей избирательной системы,

включающееся в том, что кандидатов в депутаты выдвигают одни люди — члены трудовых коллективов, а избирают другие — граждане по месту жительства. Пока на один мандат претендовал только один человек, это противоречие не имело принципиального значения. Но с введением альтернативных выборов вопрос обострился. Предоставление избирателям по месту жительства права выдвигать кандидатов в народные депутаты положения практически не изменило. В России в 1989—1990 годах на собраниях членов трудовых коллективов было выдвинуто 76 процентов кандидатов, от общественных организаций — 21 процент, а на собраниях избирателей по месту жительства — только 3 процента кандидатов. И дело здесь не только в низкой активности избирателей, но и в отсутствии организационных и материальных условий: нет помещений для сбора необходимого числа избирателей, мало возможностей для агитации, существует территориальная разобщенность граждан и т. д. Поэтому надо не только менять избирательное законода-

тельство, но и решать все эти вопросы.

И последняя проблема — хозяйственно-экономическая деятельность партий. Для «богатых» партий велик соблазн вложить свои деньги в коммерцию, чтобы быстро и без особого труда получить дополнительный доход. На наш взгляд, для обеспечения равных условий для текущей деятельности и при наличии государственного субси-

дирования политических партий должна быть запрещена всякая хозяйственная деятельность, кроме той, которая прямо соответствует их уставным целям. Кстати, программы и уставы политических партий при официальной государственной регистрации должны проходить специальную юридическую экспертизу, строго фиксирующую любое их несоответствие закону.

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

Задача 1

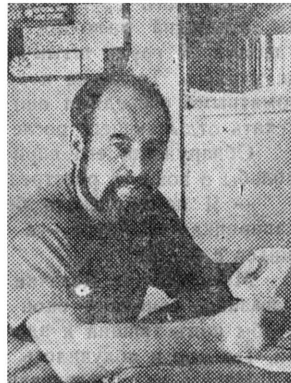
Коротков написал заявление об увольнении из института по собственному желанию. Через две недели он передумал менять работу и хотел забрать заявление обратно. Однако в отделе кадров ему сказали, что на его место уже подобрали другого работника, так что Короткову придется уволиться.

Может ли Коротков остаться в институте?

Задача 2

Антонову приняли на завод технологом с месячным испытательным сроком. Через три недели по представлению начальника цеха директор издал приказ о ее увольнении как не выдержавшей испытательный срок. Профсоюзный комитет завода согласия на увольнение Антоновой не дал, сославшись на то, что причиной увольнения явились не упущения по работе, а личные неприязненные отношения, сложившиеся между ней и начальником цеха.

Законно ли дачное увольнение?

Виктор ЛИТОВКИН

ПОХОРОНКИ ИЗ НЕВОЮЮЩЕЙ АРМИИ

Об этом диком случае писали многие газеты. Произошел он 9 октября 1990 года недалеко от Феодосии.

Трое солдат последнего года службы — рядовые В. Дзябура, А. Маевский и В. Козачка решили дезертировать из армии. Но для того, чтобы план побега удался и их исчезновения никто не обнаружил, решили инсценировать нападение на караул «неизвестной бандитской группы».

Начала осуществление своего плана троица в два часа дня, когда очередная смена часовых во главе с разводящим младшим сержантом Кожокару отправилась на посты, а начальник караула подполковник Педина лег в своей комнате на часок отдохнуть после бессонной ночи.

Часовой наружного поста рядовой Нистратов зашел в караулку. Дзябура выхватил у него автомат, передернул затвор и очередь в упор расстрелял Нистрагова и находившегося тут же, в ком-

нате, рядового Гришаксва. Как только прогремели первые выстрелы, Маевский заскочил в комнату начальника караула и двумя ударами в грудь штык-ножом пытался убить офицера. Ему это не удалось. Тогда на подмогу прибежали Дзябура и Козачка. Автоматными очередями они добились подполковника, потом бросились искать отдыхающего после смены рядового Исаева.

Обнаружили его спрятавшимся под топчаном. И несмотря на мольбы о пощаде, расстреляли сразу из трех автоматов.

— Я пойду искать бензин, чтобы поджечь караулку,— сказал напарникам Дзябура,— а вы приготовьтесь к встрече возвращающихся с постов.

Маевский и Козачка «приготовились». Снарядили патронами магазины, заняли у окон караульного помещения боевые позиции, чтобы подъехавший к зданию автомобиль был у них, как на ладони. Так оно и получилось.

Ничего не подозревавшие солдаты напоролась на хорошо спланированную и тщательно подготовленную засаду. Младший сержант Кожокару, рядовые Корбяк, Олюков, Зайцев были практически сразу же расстреляны. Маевский и Козачка «сжалились» только над рядовым Некрасовым, который, истекая кровью, умолил их оставить его в живых ради жены и маленького ребенка.

Дзябура, пока шла стрельба перед входом в караульное помещение, успел дать деру. Обнаружив его исчезновение, пытались скрыться на захваченном грузовике и Маевский с Козачкой, но в тот же день были задержаны. На третьи сутки на станции Мелитополь был арестован и Дзябура.

11 июня 1991 года военный трибунал Одесского военного округа на открытом заседании в расположении части рассмотрел дело по обвинению рядовых Дзябуры, Маевского и Козачка в разбойном хищении оружия и боеприпасов, а также в умышленном, совершенном с особой жестокостью убийстве семерых военнослужащих и приговорил их к исключительной мере наказания — расстрелу...

А буквально через месяц похожая трагедия разыгралась в одном из гарнизонов Приволжско-Уральского военного округа, расположенном в сотне километров от Ульяновска.

О кровавых происшествиях в караулах, как и о других несчастных случаях со смертельным исходом в нашей невоюющей армии, можно вспоминать бесконечно много. И хотя никто из официальных лиц не может с абсолютной точностью назвать число похоронок, приходящих ежегодно в родительские дома (цифры эти до сих пор составляют строжайшую государственную и военную тайну), широко известно: они давно перевалили за несколько тысяч.

На лозунгах, транспарантах, с которыми выходят на митинги и демонстрации представители Союза «Щит», Комитета солдатских матерей, на самодельных плакатах, которые вывешивают женщины у Белого дома — здания Верховного Совета России или на Пуш-

кинской площади, у кинотеатра «Россия», бросаются в глаза цифры: «За годы перестройки число жертв в Советской Армии — 50 тысяч человек, втрое больше, чем за десять лет войны в Афганистане». В газете Комитета родителей военнослужащих «Плач Ярославны» (№ 5 за 1991 год) утверждается, что ежедневно в «казарменном ГУЛАГе гибнет до 25 наших сыновей», а другое издание — газета «Хроника» (№ 70 за тот же год) называет такие данные: 6000—8000 смертей ежегодно.

В восьмидесятых годах наша армия составляла около четырех миллионов человек, и приблизительная цифра «небоевых потерь» ежегодно — около четырех тысяч.

Структура причин гибели на военной службе распределяется следующим образом:

вследствие общих заболеваний — 21 процент; в результате самоубийств — 18,5 процента; из-за нарушений правил техники безопасности на занятиях, во время работы и в бытовых условиях — 17 процентов; в дорожно-транспортных происшествиях по вине военных водителей и других участников движения гибнет 15 процентов воинов; вследствие убийств и других умышленных преступлений — 5,5 процента, среди них на почве неуставных взаимоотно-

шений — 2,3 процента; из-за нарушения правил обращения с оружием и от других преступлений, совершенных, как утверждают военные юристы, по неосторожности, — 9,5 процента и по другим несчастным случаям — 13,5 процента смертей.

Нетрудно заметить даже при беглом взгляде на эти цифры, что среди причин, приведших к гибели людей, совершенно упущены или «спрятаны», вольно или невольно, смертельные прощшения по «вине» сырой, не доведенной до ума, до полной безопасности в использовании и в обращении современной боевой техники. Хорошо известно, что одной из причин гибели 47 членов экипажа атомной подводной лодки «Комсомолец» в апреле 1989 года и целой роты (80 человек) воздушно-десантных войск, разбившихся через год под Баку на самолете Ил-76 Т, были конструктивные недостатки и «усталость» боевой техники. Но об этом почему-то умалчивают.

Вызывает сомнение и большой процент самоубийств. Не исключено, что непрофессионально поставленная в войсках система проведения расследования чрезвычайных происшествий с помощью штатных дознавателей, нежелание командования выносить сор из избы и прямая заинтересованность в этом должностных лиц самого разного уровня привели к тому, что под самоубийствами в тех или иных случаях скрывается умышленное, но нераскрытое убийство или доведение до самоубийства «незамеченным» никем из командиров или скрытым от них издевательством.

Но оставим в стороне эту «убийственную» арифметику. Задумаемся, где корни такого явления, в чем истинные, глубинные причины гибели военнослужащих в мирное время, что и как необходимо сделать, чтобы покончить с этим позором Вооруженных Сил, с трагедией общества?

Мы беседовали на эту тему с независимыми экспертами. Вот их мнение.

— Действительно, в трагических случаях на военной службе проявляются многие недостатки лечебно-оздоровительной и воспитательной работы с допризывной молодежью, в обучении призывников воинским специальностям, необоснованность медицинских норм и поверхностность медобслуживания при призыве в военных комиссариатах. Широко распространен в армии и формализм в организации безопасности работ и условий воинского труда. Непосредственное руководство людьми, особенно на стройках и при иных хозяйственных работах, нередко осуществляют необученные этому должностные лица. Отрыв солдат и сержантов от боевой учебы на всевозможные работы, прикрытый лозунгом «в интересах народного хозяйства», а гочнее для прикрытия бесхозяйственности, тоже сопровождается травматизмом и гибелью при выполнении этих работ, а в добавок ко всему еще и мешает приобрести необходимые навыки в обращении с оружием, боеприпасами и боевой техникой. Это оборачивается чрезвычайными происшествиями и несчастными случаями. Немало претензий вызывает качество поступаемой в войска боевой техники, вооружения, кораблей и спасательных средств,

недостаток тренажеров и приспособлений для обучения, а все это тоже становится причиной групповой гибели воинов при авариях и катастрофах. И хотя они наносят значительный ущерб, комплексный анализ их до сих пор не проводится.

Мы еще вернемся к анализу причин гибели людей от «не доведенной до ума» боевой техники, как и к осмыслению всего того, что приводит к смертности в армии, а сейчас давайте обратим внимание на самую большую цифру в структуре причин гибели — смерть от общих заболеваний. Практически каждый пятый из доставленных домой в цинковом гробу воинов умер от болезни. Страшная статистика.

В этом напрямую виноваты и ситуация в Вооруженных Силах, и наше запущенное до беспредела народное здравоохранение, и низкая квалификация врачей, и, в буквальном смысле, большое общество.

Начальник штаба Ленинградского военного округа генерал-лейтенант Сергей Селезнев привел такие данные по осеннему призыву 1991 года в Санкт-Петербурге:

14 процентов призывников не готовы исполнять конституционный долг по медицинским показателям. Около 70 процентов имеют различные ограничения к службе с повышенными требованиями к состоянию здоровья. Из числа признанных негодными к службе почти 20 процентов имеют психические и нервные заболевания...

Не армию жалко, обидно и горько за народ, страну, нацию, у которой такой генофонд.

Пьянство, наркомания, распущенность в среде молодежи, отсутствие у нее малейшей физической подготовки или трудовой закалки — ни для кого уже давно не секрет и не новость. Добавьте сюда 50 процентов разведенных или неполных семей, «женское воспитание» мальчишек и экипажи, злым насмешкам и всевозможным издевательствам. К сожалению, в нашем обществе, а армия только часть его и далеко не самая лучшая, часто действует «закон стаи», где самый слабый, беззащитный и болезненный становится изгоем, «мальчиком для битья».

«Неженки», или «хлюпки», как их называют солдаты, и подвергаются чаще всего в сугубо мужских коллективах, какими являются роты, батареи и экипажи, злым насмешкам и всевозможным издевательствам. К сожалению, в нашем обществе, а армия только часть его и далеко не самая лучшая, часто действует «закон стаи», где самый слабый, беззащитный и болезненный становится изгоем, «мальчиком для битья».

Было бы, наверное, вопиющей несправедливостью обвинять в неприятностях, происшествиях, драмах и трагедиях солдатских одни только жертвы, их непригодность к жизни, несамостоятельность, духовную незрелость и физическую слабость, плохое здоровье. К сожалению, принцип всеобщей воинской обязанности, кое-где превращенный в поголовную солдатскую повинность, при-

вычное административно-бюрократическое равнодушие многих государственных структур к людям, отношение к ним, как расходному материалу, и порождает ту криминально-ЧэПэшную среду, где человек не застрахован от самого тяжелого несчастья.

Два года назад тогдашний Министр обороны СССР издал приказ, по которому на воинскую службу не призываются юноши, страдающие сахарным диабетом, бронхиальной астмой, энурезом, близорукостью и дальновзоркостью свыше 6 диоптрий, те, у кого удалена селезенка, умственно отсталые — больные олигофренией, а также страдающие другими заболеваниями центральной нервной системы. 12 сентября 1991 года издан новый приказ № 436, во многом расширяющий список болезней, по которым не должны брать в строй.

Начальник медслужбы Вооруженных Сил генерал майор Эдуард Нечаев сказал мне, что этот приказ (книга в 450 страниц) должен быть в каждом военкомате и по первому требованию родителей призванного выдаваться им на руки для консультаций.

Но попробуйте выбить его у работников военкомата. Попробуйте получить разъяснение по поводу того или иного медицинского термина, который указан в этой книге и непосвященному кажется «китайской азбукой», — в восьми случаях из десяти наткнетесь на бюрократический отказ или обман, что таким приказом военкомат не располагает.

Нет должного контроля за работой призывных комиссий и у местных органов власти. Родители не знают, что записано в медицинской карте их сына-призывника, соответствуют ли эти записи его реальному состоянию здоровья. Вот и получается, что среди призывников попадают ребята, которые по медицинским показателям не должны служить или обязаны получить отсрочку до полного выздоровления.

Особенно много юношей с ослабленным здоровьем и физически неготовых к трудностям попадают служить в военно-строительные части. Чаще всего те, которые прикомандированы к различным министерствам и ведомствам.

О положении солдата в этих отраслях мне рассказывал начальник одного из управлений военной прокуратуры генерал-майор юстиции Вячеслав Кауниц, который возглавлял комиссию военных юристов, проверявших состояние законности в таких частях.

— Многие руководители отраслей и ведомств абсолютно наплеватьски относятся к элементарным правам и нуждам военных строителей, — говорил он. — Это выражается в полном равнодушии к бытовой неустроенности воинов, к тем санитарно-гигиеническим условиям, в которых они живут и трудятся.

Военные строители, размещенные в Перми, живут в здании гостиничного типа, предназначенном для летнего отдыха детей. В комнатах, рассчитанных на четверых ребятишек, поселено по 12—14 парней. Зимой стены помещения промерзают насквозь и

покрываются коркой льда. Но никого из руководителей министерства такое положение не тревожит.

Более того, сто строителей из этого же отряда откомандировано в Рубаху и поселено в камерах бывшей тюрьмы, расположенной в санитарно-гигиенической зоне местного химзавода, где концентрация вредных веществ в воздухе превышает допустимые нормы в 50 (!) раз.

Вдумайтесь, что получается. Преступникам жить в таких условиях нельзя, а военным строителям — в самый раз. Разве это не издевательство над людьми, логикой и здравым смыслом?!

Не лучше обстоят дела с питанием военных строителей. Нормы их довольствия не соблюдаются. Свежих овощей, лука, картофеля люди не видят даже в разгар сезона. Вместо мяса их потчуют рыбными консервами. Из-за перебоев в энергоснабжении выдают сухие пайки.

Так создается обстановка не только для чрезвычайных происшествий и преступлений, но и для травм и гибели людей. К тому же надо учесть, что военным строителям не созданы элементарные условия безопасного труда. Нет средств личной защиты, не хватает комбинезонов, инструмента, большинство солдат не обучены правилам безопасности. Только в первом полугодии прошлого года потеряно 5 тысяч человеко-дней из-за травм и болезней. Более 684 человек погибли.

На 300 тысяч военных строителей — это удручающие цифры.

— Однако, — утверждает Вячеслав Владимирович, — я не уверен, что эти цифры правдиво отражают фактическое положение дел, так как руководители строительства не заинтересованы в правдивой информации и тщательно скрывают ее. Достоинством гласности становятся только факты, которые скрыть уже невозможно, или те, которые обнаружены в ходе прокурорской проверки.

Одной из основных причин, мешающих наведению в воинских частях должного уставного порядка и укреплению дисциплины, часто называют отсутствие действенного контроля над ситуацией в Вооруженных Силах и крайнюю слабость прокурорского надзора за соблюдением законности в армии и на флоте.

С таким выводом нельзя не согласиться. Комиссия, изучавшая объективность и полноту расследования причин гибели и травматизма военнослужащих и военных строителей, установила такие серьезные недостатки в деятельности военных прокуратур, как отсутствие должного надзора за органами дознания (проверяется менее половины уголовных дел); при их расследовании нарушаются процессуальные требования: несвоевременно возбуждаются дела, отказы в их возбуждении в достаточной степени немотивированы; обстоятельства преступлений исследуются поверхностно, сбор и оценка доказательств проводится неквалифицированно, а главное — в процессе дознания не исследуются причины и условия, способствующие совершению преступления, в результате чего не принимаются необходимые меры по наведению порядка.

Комиссия выявила грубые нарушения законодательства и при

проверке конкретных уголовных дел. В большинстве случаев они расследовались неполно, необъективно и не всесторонне.

Четырежды выносилось постановление о прекращении уголовного дела по убийству рядового Н. из-за поверхностного анализа материалов, халатности следователя, который потерял даже вещественные доказательства — нож, которым было совершено преступление, одежду со следами злоумышленника. А при эксгумации трупа голова убитого была отделена от туловища и не возвращена в могилу.

И такие факты, к сожалению, не единичны.

Государственные эксперты пришли к выводу, что работа следственных органов военной прокуратуры по крупным авариям и катастрофам с боевой техникой и вооружением, кораблями и арсеналами, в том числе и в случае массовой гибели людей, проводится, как правило, в рамках выводов и версий правительственных комиссий, в составе которой всегда есть заинтересованные лица из военных ведомств и ВПК, а потому своевременно не возбуждаются уголовные дела, не проводится объективное и полное расследование, не выявляются истинные причины больших потерь, их конкретные виновники не привлекаются к ответственности, никто из руководящих работников, повинных в аварии и катастрофе, не несет ответственность за это.

Я давно сотрудничаю с военными юристами, знаю: они горячо поддерживают многие предложения по реформе органов военной юстиции, сами были их инициаторами, но никак не могут согласиться, что во времена специализации и профессионализации с них нужно снимать погоны.

— Ломать — не строить, — говорит мне полковник Леонид Смертин, начальник отдела законодательства военной прокуратуры, — военная юстиция создавалась почти семьдесят лет, в ней сосредоточены лучшие специалисты в области военного права, что же теперь в них нет нужды? Долой погоны! Они их снимут, тем более что нынешние кооперативы, ассоциации, корпорации очень нуждаются в толковых и опытных юристах, да и платят там раза в два больше, чем у нас. Только кто потом будет заниматься солдатскими и офицерскими проблемами? Ведь преступность в армии и в стране от этого не уменьшится. Не уменьшится и число жертв...

Не решусь взять на себя роль третейского судьи, хотя, думаю, к доводам Леонида Алексеевича прислушаться не мешало бы. Может быть, эффективней было бы усилить военную юстицию, а не разрушать ее?

Военные прокуроры проверяют ежегодно около 10—15 тысяч воинских частей имея в наличии всего 3 тысячи 200 офицеров и хронический некомплект в 320 человек. В США, например, в каждой дивизии служат 15 военных юристов, у нас — только один. В Штатах создана мощная военно-юридическая служба, обеспечи-

являющая правопорядок в войсках. Есть военная полиция, расследующая воинские преступления.

Да и военные судьи в США — тоже в погонах. Правда, они являются независимыми от военного командования. Не мешало бы и нам пойти по этому пути, так как компетентность и профессионализм никогда не мешали, а только помогали успешно применять законы.

И тогда, безусловно, действенность прокурорского надзора, своевременность и объективность следствия и судебного разбирательства станут гарантиями эффективности борьбы с преступностью в армии и на флоте.

Нельзя исключать и право военнослужащих обращаться для защиты своих прав, чести и достоинства, законных интересов непосредственно в гражданский суд, право и возможность этого суда проводить расследование в воинской части, привлекать к ответственности виновных в том или ином происшествии командиров. Возможность выбора только усилит гарантию справедливости правосудия.

Но, думаю, даже самая эффективная юридическая служба в Вооруженных Силах или вне их сама по себе еще не может пресечь преступность, стать непроходимым заслоном на пути гибели и травматизма людей. Она имеет дело только с последствиями этих явлений, а не с их истоками и профилактикой.

Где же выход? Как остановить поток похоронок из нашей невоюющей армии?

Один из наиболее эффективных, на мой взгляд, путей — проведение радикальной военной реформы, принятие законов, защищающих жизнь, здоровье, честь и достоинство воина, создающих условия для призыва на службу только практически здоровых и готовых физически и морально к трудностям армейской жизни парней, перевод наших Вооруженных Сил на профессиональную основу. Хотя боюсь, что комплектование армии полностью на добровольных началах — еще не панацея от трагических происшествий.

Страна, призывающая на государственную службу своих граждан, должна нести моральную и материальную ответственность за их жизнь и здоровье, за социальное положение, бытовую устроенность и благополучие их семей.

Сегодня я убежден только в одном: нельзя навести порядок в армии, не реформировав само общество, не изменив его психологию, социально-экономические отношения, не избавившись от межнациональных, межгосударственных конфликтов, от преступного равнодушия к судьбе каждого конкретного человека.

Но это — тема уже другого разговора.

А пока меня, чей сын служит в армии, как и сотни тысяч других солдатских отцов и матерей, ни на минуту, ни на час не покидает тревога: как они там, в боевом строю? Живы, здоровы?

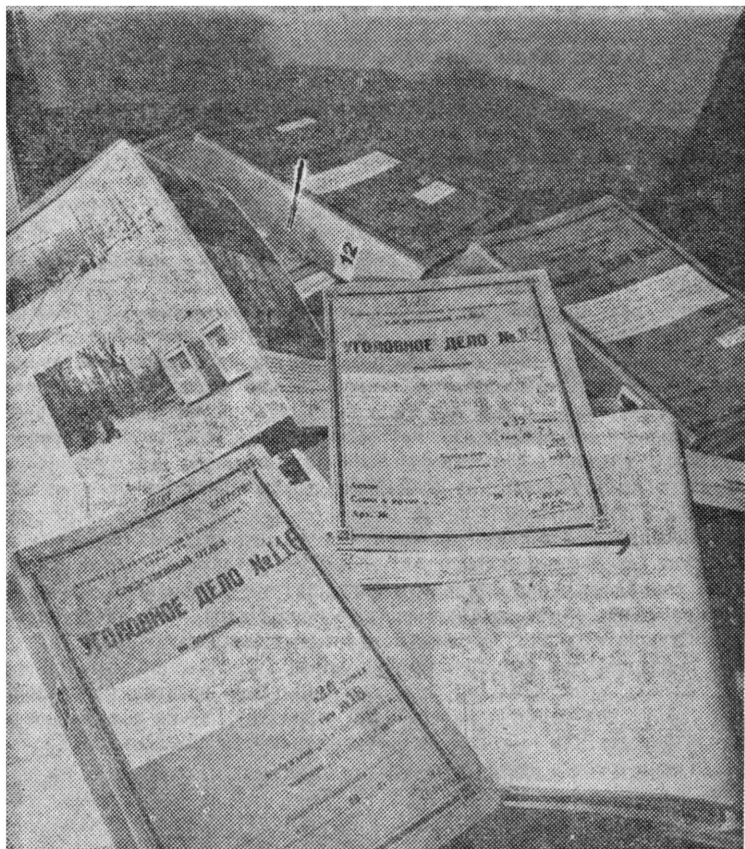
Такая тревога не на один год.

Без грифа
СЕКРЕТНО

Любовь АРЕСТОВА

БЕЗ ВСЯКОЙ ВИНЫ

Жены. Часто в годы страшных репрессий, прозванных в народе «сталинщиной», разделяли они горькую судьбу мужей своих — жертв кровавой мясорубки. Иногда их участь была даже еще более горькой.

Анна Васильевна Успенская. Родилась в Петербурге в 1903 году, вышла замуж и оказалась на Украине в том страшном тридцать седьмом. На Украине она жила вместе с мужем. А муж-то — А. И. Успенский — нарком внутренних дел Украины. Но не о нем речь. Скажем лишь, что летом тридцать восьмого над Успенским, уже бывшим наркомом, висел дамоклов меч «пролетарского возмездия» за измену Родине. Обвинение, конечно, липовое. Но Успенский хорошо знал свое ведомство и понимал, что отвести меч будет непросто. Боясь ареста и расправы, он вместе с женой в сентябре 1938 года уехал из Киева. Доехали до Житомира и возвратились. До ноября перебивались в Киеве, с минуты на минуту ожидая ареста. Бывший нарком метался, пока не решился бежать. Жена купила ему другую, не знакомую шпикам одежду, приобрела билет, и он уехал.

Анна Васильевна не знала, где он, что с ним, и одно было ей в утешение — помогла, сделала все, что в ее силах. Помощь была мизерной, совсем малой, но что могла она, молодая женщина, домохозяйка.

Даже сейчас, когда вся эта трагедия в далеком прошлом, страшно представить, что она перенесла, перечувствовала, сколько переплакала и переболалась.

21 октября 1939 года за «активное участие в подготовке и совершении перехода Успенского А. И. на нелегальное положение» суд приговорил Анну Васильевну к высшей мере наказания — расстрелу.

Но она была женой, которая давала клятву на верность супругу в счастье и в горе тоже. Неужто должна была отказать ему в помощи, когда жизнь загнала его в угол?

Не могла она принять такую философию. Не поверила суду, что виновна в чем-то и заслуживает казни. Написала правительству, к самой большой справедливости взывала. Четыре месяца с лишним, пока бюрократическая машина крутила смертоносные свои маховики, дали ей отсрочку. Четыре месяца женщина ждала решения своей судьбы и не очень спешили чиновники. Зато, когда Президиум Верховного Совета СССР отказал Успенской в праве на жизнь, все свершилось невероятно быстро.

Анну Васильевну Успенскую расстреляли 27 марта 1940 года в Москве.

Раиса Мироновна Гай была ровестницей жены наркома Успенского и тоже беспартийной. Работала в учебной части Московского инженерного института. В июне тридцать седьмого по постановлению Особого совещания при НКВД СССР Раису Мироновну выслали в Оренбург, потому что арестовали мужа. Жена врага народа Гая не была обойдена вниманием НКВД. Ее арестовали 1 июля 1937 года в Оренбурге и этапировали в Москву по указанию Ежова. Такое указание не требовало ни вины, ни доказательств. Их и не было в деле Раисы Мироновны Гай. Один голько протокол допроса сокамерницы, допрошенной через три с лишним месяца после ареста Гай. В протоколе записано, что Гай в тюрьме высказывала ненависть к Сталину, по вине которого уничтожены Тухачевский, Камнев, Зиновьев и другие.

Это записано в протоколе.

А в приговоре указано, что Гай, «будучи осведомлена об антисоветской деятельности своего мужа — врага народа Гая, являлась сторонником террористических методов борьбы против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, проводила антисоветскую агитацию с призывом к совершению террористических актов».

Это обвинение 26 августа 1938 года суд сформулировал в приговоре и распорядился убить Рансу Гай.

Она была расстреляна в тот же день, 26 августа 1938 года. Ей было и осталось тридцать пять лет.

Анаиду Артемьевну Сукиасову расстреляли в день приговора 31 декабря 1937 года.

Даже в новогоднюю ночь исполнялись такие приговоры.

Своеобразный «новогодний подарок» женщине, убитой в 34 года.

В партию большевиков Сукиасова вступила семнадцатилетней девочкой и почти столько же лет состояла в ней, пока не причислили к троцкистской оппозиции. Тогда и пошло. Начальника Шламовского цеха Кыштымского электролитного завода Сукиасову обвинили в том, что она проводила «подрывную вредительскую работу на электролитном заводе в г. Кыштыме, направленную на срыв добычи цветных металлов» (из приговора). О том, что никаких конкретных действий «по срыву» ей не вменили и никаких доказательств не привели, и говорить не стоит, ясно без слов.

Анаиду Артемьевну в первый раз судил Челябинский областной суд, и 9 июля 1937 года ей дали за это 7 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на 3 года.

Она уже всякого насмотрелась в тюрьме и была, наверное, даже рада такому исходу. Видела ведь, как ночами уводят из камер. Ладно, думала Анаида Артемьевна, переживем. Не знала, что предстоит ей такая новогодняя ночь. Да и кто же мог знать, кто мог думать, что до такого беспредела можно дойти?

Ей не предьявляли нового обвинения. Внезапно вызвали на новый суд. Наверное, она ехала туда в радостном ожидании. Думала: наверняка разобрались в ее деле и отпустят на свободу. И будет она встречать Новый, 1938 год среди друзей и родных. И забудет ужасы тюрьмы, и простит несправедливость...

В большинстве своем люди верят в хорошее, наверное, верила и Сукиасова в добрый исход своего дела. Она же была невиновной! Она это знала так же хорошо, как сейчас это знаем мы. Поэтому верила.

Смертный приговор показался ей злым розыгрышем недобрых людей. Конечно, трудно поверить в такое.

Пуля была новогодним подарком Анаиде Артемьевне Сукиасовой, которая половину своей 34-летней жизни отдала делу ВКП(б).

Они жили долго и счастливо и умерли в один день. Так заканчиваются сказки о любви, победившей невзгоды. Трогательно и как-то особенно убедительно звучит финал — печальный, но не страшный. Просто любящие не желают разлуки и после земной жизни.

Так бывает в сказках. В жизни тоже бывает, но она вносит много страшные коррективы.

...Они жили недолго и убиты в один день. Это о любви двух молодых людей — Бориса и Ольги Прохаска.

Где и когда встретились, нам неизвестно. Он родился в городе Ачинске. Она — в селе Тарноруда Винницкой области. Можно лишь предположить, что встретились в Москве. Знаем, что жили на Большой Дмитровке в доме 9, в квартире № 70. Ольга работала редактором-переводчиком. Борис занимался наукой пивоварения. Предначертано им было судьбой встретиться, полюбить друг друга, прожить вместе счастливо, но недолго.

В приговоре по делу Ольги Михайловны Прохаска записано, что она «принимала участие в подготовке террористических актов в отношении руководителей советского государства». В деле ее мужа указан конкретный «руководитель», на жизнь которого так мечтала покушаться семья Прохаска, — Лазарь Моисеевич Каганович. В каких-либо конкретных действиях Ольгу не обвиняли — принимала участие и все. Оно и понятно — не было никаких конкретных действий, помыслов таких даже не было. Потому и обвинения не удосужились придумать.

Бедная девочка, на следствии она признала бы что угодно, такое это было специфическое следствие. Немецкая шпионка — это она-то, русская беспартийная, уроженка села Тарноруда. Откуда в том селе шпионы? А вот призналась — шпионка! В суде еще надеялась, что здравый смысл, возможно, восторжествует. Пыталась рассказать, что ни в чем таком не виновата, что шпионов видела только в кино, но следователям НКВД, если они потребуют, признаешься даже, что ты Богородица. Но это был не суд. Сборище, имеющее одни задачи со следствием.

16 августа 1937 года. Что было в тот судный для Ольги и Бориса день? Увиделись ли они в последний день жизни? Может, их везли вместе на этот страшный «суд»? Хотя вряд ли: женщины ведь содержали отдельно, судили, видимо, тоже. Но, может быть, где-то в темных закутках судейских катакомб смилостивилась судьба, бросила их навстречу друг другу, дав тем самым силы выстоять в последний час.

Представить страшно, что было в тот день.

16 августа 1937 года Ольга и Борис Прохаска приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение в тот же день, 16 августа. Я не знаю, как их убили. Переживая до сердцебиения, не могу решить, как было бы лучше: чтобы встретились они после приговора или чтобы не знали о предстоящей казни друг друга? Понимаю, что это не имеет никакого значения сейчас, но почему-то об этом все время думается.

Где вы, стрелявшие в Олю Прохаска? Где, стрелявшие в Бориса? Несгибаемые борцы революции, где вы?

Супруги Ольга и Борис Прохаска, расстрелянные в один день, реабилитированы полностью через пятьдесят три года. Не были они ни террористами, ни шпионами, никого, тем более вождей, убивать не собирались. Они стали жертвами сатанинской эпохи, потому что чем-то не походили на полноценных ее представителей. Не хотели походить. И казнены за это.

Трагична история государства, трагичны и судьбы тех, кто волею случая к ней прикоснулся.

О жизни и гибели Л. Троцкого много и подробно пишут сейчас, но не менее трагична участь его близких, о которой известно гораздо меньше.

В 1925 году молодая Анечка Рябухина, полюбив, сочеталась браком с Левой Седовым, и родился у них сын. Молодая пара жила, как все, принимала гостей у себя и сама к друзьям навещалась. Навещала Анна Самойловна и родителей мужа — странно было бы иначе. Но в тридцать седьмом все было поставлено с ног на голову, Лев Седов был не только мужем Анечки Рябухиной, он был сыном Троцкого и Седовой — случайность эта стоила жизни его несчастной жене. Несколько месяцев терзали в НКВД Анну Рябухину-Седову. Не отреклась она ни от мужа, ни от родителей его, объясняла просто душно, что да, конечно, ходили к ним в дом люди, видела многих, но никакой контрреволюцией и не пахло. Да, естественно, переписывалась с мужем, а когда его выслали из страны, он — а как же иначе! — посылал деньги и кое-какие вещи сыну и ей, помогал, ибо верен был отцовскому долгу.

За многие месяцы тяжелой отсидки и ужасающей неизвестности Анну Самойловну допросили один только раз. Это было 17 ноября 1937 года. Тогда-то и пыталась она объяснить, что чисто родственные отношения связывали ее с семьей мужа. Объяснения эти не потребовались. Пришел Новый, 1938 год. Как встретили заключенные женщины Новый год? Вспоминали близких, плакали, особенно остро чувствуя свою беспомощность перед силой, заточившей их в тюремную камеру, беспокоились об оставленных неизвестно где детях — это я знаю точно, потому что иного не могло быть. Возможно, доносились до них веселые крики свободных граждан, имеющих обыкновение в новогоднюю ночь гулять по улицам, радуясь жизни. Возможно, какой-нибудь сердобольный надзиратель — были и такие, сочувствуя женщинам, сунул в дверное оконце кусок праздничного пирога. Это из области предположений. Потом пришла рождественская неделя и с ней новые воспоминания. Рождественские елки, подарки, каникулы, друзья. Воспоминания кружили по камере, не давая успокоиться и уснуть измученным узникам. Минула и рождественская ночь с ее ворожкой и предсказаниями будущего. Предчувствовала ли что-нибудь Аня Рябухина?

8 января 1938 года, в первый день после Рождества Христова, ей объявили, что ее ожидает казнь. В тот же день и расстреляли невестку Троцкого, мать его внука, Анну Самойловну Рябухину-Седову, вся вина которой состояла в том, что любила и не предала мужа и семью.

«Учитывая, что, кроме признанных теперь сфабрикованными показаний о наличии в аппарате ЦИК СССР контрреволюционной организации, куда якобы входила Трещалина, других доказательств виновности осужденной в деле не имеется, руководствуясь ст. 5 Закона Союза ССР «О прокуратуре СССР», прошу приговор от 16 июля 1937 года в отношении Трещалиной Елены Сатировны отменить и дело прекратить за отсутствием события преступления». Это строки из протеста Генерального Прокурора СССР.

Пленум Верховного суда СССР согласился с протестом прокурора. Приговор отменен, и дело прекращено за отсутствием события преступления. Слава Богу, вздохнет читатель, счастливый конец! И женщина оправдана, и дело прекращено, да и преступления не было. Хэппи-энд? Но 16 июля 1937 года Елена Трещалина, 27 января 1896 года рождения, уроженка города Ярославля, русская, беспартийная, работавшая референтом секретариата Президиума ЦИК

СССР, приговорена к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Елену Трещалину признали виновной в том, что она якобы была участницей антисоветской террористической организации правых, замышлявшей свергнуть Советскую власть, вербовала в эту организацию террористов и поддерживала связь между ними и ее руководителем Енукидзе. Это из приговора. Кровавые брызги «Кремлевского дела», пожравшего сотни судеб, задели и скромного референта секретариата. «Кремлевское дело», как установлено, созрело в недрах НКВД, и Елена Трещалина стала одной из многочисленных жертв страшной мистификации. Так что хэппи-энд не состоялся. Спустя 53 года вещи названы своими именами. Не было преступления, и Елена Трещалина знала об этом в тот последний свой день 16 июля 1937 года. Каково же было ей умирать? Как и где упала она, сраженная пулей? О чем кричала или шептала помертвевшими губами? Кто стрелял в беззащитную, невинную женщину? Пуля, лишившая ее жизни, мне кажется, свистит до сих пор.

Лихницкая Анастасия Семеновна жила в Ленинграде и была детским врачом, сама имела двоих детей. В тридцать восьмом году ожидал ее 60-летний юбилей. Собралась бы семья, взрослые дети, Может, и внуки были уже у Анастасии Семеновны. Поздравить доктора прибыли бы маленькие пациенты и благодарные родители. Детский врач — это всегда очень почетно. Мне представляется она русоволосой, полненькой, с добрыми морщинками вокруг внимательных глаз. Доктор же, детский доктор!

Конечно, двери у доктора закрывались редко — дети болеют ведь часто, особенно маленькие. Вот и приводили их к ней папы и мамы. На беду Анастасии Семеновны многие из них попали затем в застенки НКВД как «враги народа». Оказалась там и она, детский врач. Раз к ней ходили, значит, рыльце в пуху. Короче, выслали ее в Оренбург, без всякого суда. Дети болеют и в Оренбурге. Врач детской консультации Лихницкая вела прием в поликлинике, и дома тоже отбою от посетителей не было ни днем, ни ночью. Она никому отказать в приеме не могла. Лихницкая была настоящим доктором.

Но обратимся к документам. «Она установила связи с резидентом разведки одного из иностранных государств, завербовав несколько агентов для шпионажа и сосредоточив их явку у себя на квартире, давала им задания по сбору секретных сведений о количестве воинских частей одного из гарнизонов, их вооружении, техническом оснащении, о состоянии железнодорожного транспорта, а также о политическом и экономическом положении колхозов, получала от агентов шпионские сведения, которые передавала резиденту иностранной разведки. Играла руководящую роль в сборе шпионских сведений, давала задания агентуре о проведении диверсионных актов как в мирное, так и в военное время путем разрушения путей сообщения, совершения крушений поездов, организации срыва мобилизационных планов». Что это? Отчет знаменитой Мата Хари деятелям НКВД? Сценарий фантастического детектива? Нет, это приговор трибунала в отношении детского доктора. Набор бессмысленных, бредовых обвинений, на основании которых 60-летняя Лихницкая 9 июля 1938 года приговорена к расстрелу.

Кем были ее «агенты», которые расстреляны и реабилитированы посмертно? Друзья по несчастью или просто родители маленьких пациентов, стучавшиеся ночью к доктору в поисках помощи? И то и другое одинаково вероятно. Все они на первых допросах категорически отрицали малейшую связь с «резидентом одного из иностранных государств». Сама же Лихницкая повторяла в отчаянии: «Я никогда резидентом иностранной разведки не была и шпионажем не занималась» (из протокола допроса).

Следствие вели сотрудники УНКВД по Оренбургской области. Надругательство и истязания несчастных сделали свое дело. Через короткое время все подследственные, объявленные агентами Лихницкой, признались в шпионаже, хотя и приходили ночью к детскому доктору с просьбой сделать ребенку укол или даже клизмочку от несварения желудка. Таким путем добывались признания, что на суде Анастасия Семеновна говорить не могла и судья вынужден был зачитывать протоколы ее допроса на следствии. А она лишь односложно повторяла: «Да, правильно...».

Невозможно спокойно представить все это. Люди ли окружали ее в те страшные дни? Люди ли пытали 60-летнюю женщину, выбивая нелепые признания, люди ли приговорили к кровавой кончине?!

Может быть, лучше всего этого не знать? Сделать вид, что не было, а если и было, то очень давно и не стоит ворошить прошлое. Как там у Некрасова: «Знаете, зрелищем смерти, печали, детское сердце грешно возмущать. Вы бы ребенку теперь показали светлую сторону...» И раздаются же голоса: надоело! Но хочется спросить: чьи голоса? Кому надоело? Не бойтесь, не к мести взывает память убитых! Это было бы слишком просто. Они страдали не затем, чтобы быть просто отомщенными. Их память кричит: оглянитесь! Опустите поднятый для убийства топор, довольны крови. Не кивайте на свергнутое божество, ища оправдания или объяснения, всмотритесь в себя. Это не сам усатый вдохновитель советского народа следил за пожилой врачом, не он регистрировал входящих и выходящих. Другие советские граждане следили, доносили, пытали, судили, стреляли. Добровольно. Массовые репрессии — массовые! Сегодня раз и навсегда, узнавая о прошлом, каждый должен решить для себя, что нельзя быть ни жертвой, ни палачом. Поэтому не будем усыплять свою память.

...Надежда на то, что здравый смысл возобладает, не оставляла доктора Лихницкую. Ввело, видимо, в заблуждение оставленное ей редкое по тем временам право на жалобу, и она не знала, что это была пустая формальность. Она написала жалобу, прося сохранить жизнь. Тщетно. Вышестоящий суд и не мог быть иным, судил он по тем же меркам. Жалобу Лихницкой не удовлетворили.

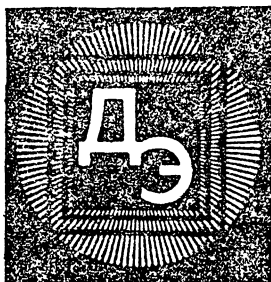
Анастасию Семеновну расстреляли 3 октября 1938 года.

Она убита без всякой вины.

ВИДАПОЛЖИТНЄ ЯНІПІАМОД

ВЫЗЫВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО — судебный порядок восстановления прав по утраченным документам на предъявителя. Один из видов особого производства в гражданском процессе.

Ценная бумага на предъявителя — это документ, по которому любое лицо, владеющее ею (являющееся ее держателем), может потребовать реализации предоставляемых ею прав, а организация, обязанная произвести исполнение, не правомочна проверять, законно ли данная ценная бумага находится в руках ее держателя. Сложно? Не пугайтесь. Сейчас объясним «на пальцах». Ценными бумагами на предъявителя являются: лотерейный билет, облигация, сберкнижка на предъявителя и т. п. Уже понятнее: счастливицк предъявляет выигрышный лотерейный билет и получает часы, телевизор, деньги... И никакие инстанции не должны выяснять, его ли это билет, как он его приобрел, не украл ли. Держатель и все тут. А если действительно ук-

рал? Или нашел? То все равно выигрыш выдается ему, а не законному владельцу. Несправедливо? Но иначе уж слишком хлопотно, да и не подозревать же в каждом жулика.

А допустим (не дай бог), вы потеряли сберкнижку на предъявителя. Тут доказать, что она ваша, а не того, кому посчастливилось ее найти, все же возможно (хотя и весьма непросто). Вот здесь-то вам и поможет вызывное производство.

Однако в порядке вызывного производства могут восстанавливаться права не по утраченным документам на предъявителя, а только по **сберегательным книжкам на предъявителя и сохранным свидетельствам на предъявителя о передаче на хранение облигаций в сберегательный банк.**

Итак, если эти документы вами утрачены или они пришли в негодность (разорваны, залиты краской до такой степени, что сбербанк отказывается производить по ним операции), то надлежит обращаться в суд по месту нахождения отделения сбербанка, выдавшего документ. В заявлении, помимо обычных реквизитов, надо указать отличительные признаки утраченного документа, наименование учреждения, его выдавшего, а также изложить обстоятельства его утраты. По возможности к заявлению прилагается оставшаяся часть доку-

мента (если он испорчен).

Получив такое заявление, судья выносит определение о запрещении отделению сбербанка, выдавшему документ, производить по нему платежи или выдачи и о публикации в местной газете. Публикация (за ваш счет) должна содержать сведения о том, в какой суд поступило заявление об утрате документа, фамилию и адрес лица, его подавшего, наименование и отличительные признаки документа, а также главное— **предложение держателю этого документа в трехмесячный срок со дня публикации подать в суд заявление о своих правах на данный документ и предъявить его в подлиннике.** (Теперь поняли, почему это производство называется вызывным? Вы как бы ищите обладателя утраченного документа, вызываете его.)

Дальнейшее развитие событий зависит от того, объявится держатель документа или нет. В первом случае суд устанавливает срок (не свыше двух месяцев), в течение которого отделению сбербанка, выдавшему документ, запрещается производить по нему платежи и выдачи. В этот период вы (лицо, подавшее заявление о восстановлении прав по утраченному документу) вправе в общем порядке предъявить к нынешнему держателю этого документа иск об его истребовании. Если же в суде будет установлено, что

законный владелец документа — его держатель, вам (заявителю) придется возмещать ему убытки, причиненные принятыми судом запретительными мерами.

Во втором случае, когда по истечении трехмесячного срока со дня публикации держатель документа не объявился, суд будет рассматривать дело о признании утраченного документа действительным. И решение об удовлетворении такой просьбы лица, утратившего документ, является основанием для выдачи вклада или нового документа.

Но не исключено, что вы (ну не вы, конечно, а некий абстрактный заявитель) — человек нечестный, никакой сберкнижки не теряли, просто знаете, что есть такая у вашего знакомого, который либо в командировку уехал, либо газет местных не читает. Вот и провернули «вызывное производство». Была его сберкнижка, а стала ваша. Как тут быть? По закону держатель документа, не заявивший по каким-либо причинам своевременно о своих правах на него, после вступления в законную силу решения суда о признании документа действительным может предъявить к лицу, за которым признано право на получение нового документа взамен утраченного, иск о неосновательном приобретении или сбережении имущества. Что это за иск, вы еще узнаете.

В первые минуты, как только покинула следственный изолятор, я ощутила не радость свободы, а невыносимую тяжесть на душе от всего пережитого.

Каюсь, было время, и я облегченно вздыхала, узнав, что убийца приговорен к смертной казни. Мне казалось, что именно так торжествует справедливость: смерть за смерть!

Однако бывают поступки, которые трудно объяснить. Во Владимирском Соборе я разыскала икону святого Сергия и... зажгла свечку. В руках — письмо, передан-

ное мне перед выходом из изолятора, написанное осужденным к исключительной мере наказания. Его зовут Сергей, 23 года. В момент совершения преступления исполнилось 22. Начиналось письмо продолжением нашего неоконченного разговора при встрече.

«Решил написать вам то, что не смог сказать.

Никогда жизнь не кажется такой хорошей, а прошлое таким прекрасным, как перед смертью!

Пишу эти строки не для того, чтобы оправдать себя. Я участвовал в преступлениях. Два человека погибли. Но чувствую, что я еще не конченный человек. Если мне поверят и оставят жить, буду просить прощения у Бога и делать людям только добро.

Нужно много работать над собой, чтобы изжить «равнодушие и безразличие» к окружающим меня людям.

Вера в Бога играет большую роль в жизни нашей. Вера дает многое: делает людей чище и сближает их. Человек, верящий в Бога, не способен на убийство. Хорошо, что я это понял, но, к сожалению, с опозданием. Если бы меня воспитали духовно и с детства привили любовь к Богу, я никогда не совершил бы этих страшных преступлений, в которых так горько теперь раскаиваюсь.

И все же...

Если жизнь моя не получилась,

В неудачах прошла и скорбях.

*И душа моя истомилась — есть у Господа и для меня
И любовь, и прощение, и милость!*

С уважением, Сергей КУШНИР».

...Молодой священник Владимирского Собора отец Иоанн, перечитав письмо, многозначительно спросил:

— Где содержится осужденный?..

...Геннадий Черемных, заведующий отделом гражданства и помилования бывшего Секретариата Верховного Совета СССР, сообщил:

— Должен сказать, что смертные приговоры не редкость. В 1990 году Президентом СССР рассмотрены ходатайства о помиловании 226 осужденных к исключительной мере наказания. С учетом молодого возраста, первой судимости, степени участия в преступлении, иных смягчающих обстоятельств жизнь сохранена восемнадцати. В республиках удовлетворены 11 ходатайств. Если

брать за последние пять лет в целом по стране, смертных приговоров вынесено около двух тысяч и помиловано 212 человек.

На сегодняшний день 100 государств сохраняют смертную казнь, в 35 странах она вообще отменена, а еще в 27, законодательно сохраняя, фактически ее не применяют. В 18 государствах смертная казнь отменена за общеуголовные преступления и может быть назначена лишь за воинские преступления, совершенные в военный период, и за преступления при чрезвычайных обстоятельствах.

Смертная казнь как уголовное наказание крайне жестока, а главное, необратима. И когда она применяется в рамках системы, не свободной от человеческих ошибок и предубеждений, результатом ее может стать не утверждение справедливости, а напротив — отход от нее.

К сожалению, современная практика имеет случаи осуждения, в том числе и к исключительной мере наказания, невиновных. Не видеть этого сегодня — значит обманывать самих себя. Вот почему общественность, и в первую очередь юридическую, серьезно беспокоят вопросы, как скоро и в каком направлении пойдет правовая реформа.

При обсуждении и в дискуссиях по этому вопросу разумно учитывается судебная практика последних лет, поддерживаются предложения исключить смертную казнь за преступления экономического характера: хищения, взяточничество, валютные злоупотребления, оставив ее лишь за преступления, связанные с умышленным убийством, но при этом не применять ее не только к несовершеннолетним и беременным женщинам, как сегодня записано в законе, а и ко всем женщинам и мужчинам старше 60 лет.

Хочу отметить, что практика бывшей Комиссии по помилованию, образованной распоряжением Президента СССР, была такова, что не отклонялась просьба о помиловании, если по делу имеются какие-либо сомнения в плане доказанности обвинения. Она не пересматривала приговоры, для нее единственный, главный вопрос — можно ли проявить милосердие, гуманный акт со стороны государства в отношении конкретного лица. Мнение Комиссии докладывалось Президенту, который принимал окончательное решение.

Жизнь человеку дается только один раз, и никто не

вправе ее отнять, даже государство. Смертная казнь лишает последней возможности исправление преступника и является самым простым и дешевым способом отделаться от него, вместо создания условий для осознания и искупления своей вины. Убийство человека, во имя чего бы оно ни совершалось, все равно остается убийством.

Что изменилось в последнее время? Может, на убыль идет преступность? Отнюдь. В прошлом году по сравнению с предыдущим, по информации МВД СССР, умышленные убийства с отягчающими обстоятельствами увеличились на 15 процентов.

Многие считают, что преступность можно «загнать в угол» путем ужесточения мер наказания. Будто бы с помощью жестокости и немилосердия кому-либо удавалось посеять зерна добра.

«Общественное мнение пока не готово к отмене высшей меры наказания», — твердят ученые. Но в любом случае смертная казнь — это прямое нарушение права человека на жизнь. Попытка защиты этого права не должна зависеть от общественного мнения: любое мнение нужно формировать, или хотя бы начинать это делать сегодня, само оно еще долго не сформируется.

...В Верховном суде Украины я ознакомилась с уголовным делом № 60181. На каждом из девяти увесистых томов фамилии: Костырев Сергей, Кушнир Сергей, Куприянов Леонид, Иванов Артем. Вверху справа крупными буквами — РАССТРЕЛ.

Из материалов следствия. 17 февраля в 23 часа Кушнир, Костырев, Куприянов, находясь в состоянии опьянения, остановили кооперативное такси, заехали во двор одной из улиц Киева и... придушили водителя. (Позже экспертиза установит: смерть наступила не сразу — через полтора-два часа.) Овладев машиной, катались до утра, потом спрятали ее на дачном участке Артема Иванова.

...6 марта эти же молодые люди совершили аналогичное преступление, участие в котором принял и Артем Иванов. Покатавшись, утром разбитую машину бросили на одной из улиц.

Листаю страницы уголовного дела: справки на розыск пропавших водителей, опознания в морге, показания свидетелей, фотографии с места преступлений. Вот одна из них. Полуразваленный сарай и рядом машина,

накрытая старым одеялом. Недоумеваю: игра в детство или?.. Покатались — машину бросили или спрятали под одеяло, а водители погибли.

Следую за хронологией событий.

17 марта в 20 часов возле мотеля-кемпинга «Пролисок» при ограблении автомашины «Фиат» югославского туриста задержан в состоянии опьянения Артем Иванов. Изъяты продукты питания и спиртное.

...20 марта арестованы остальные участники преступления: Кушнир, Костырев, Куприянов.

И вот финал: 29 ноября Киевский городской суд приговорил всех четверых к расстрелу.

Четверо друзей. Старшему из них, Куприянову, 30 лет, остальным — по 23. Разрешение на свидание с осужденными я получила в Верховном суде только на четыре часа.

...И вот закрылась за моей спиной тяжелая тюремная дверь. Потом вторая, третья, еще и еще. С автоматическими защелками, с охраной, с сигнализацией и без... Сбилась со счета, сколько дверей осталось позади. Какая-то невыносимая тоска вдруг охватывает меня, и я начинаю понимать значение слова «свобода», которая осталась там, за чертой этого учреждения.

— Встреча с этими осужденными невозможна, — строго сказал начальник следственного изолятора. — Представьте: после вынесения приговора прошло уже полгода. «Смертники» в полной изоляции от людей. Действия их непредсказуемы, а я отвечаю за вашу жизнь.

После длительного разговора смягчается суровое лицо начальника. Он рывком снимает телефонную трубку, отдает команды: «...Кинолог... охрана... наручники не снимать — полная безопасность. Строго... строго по инструкции. Приводить по одному ко мне».

Минут 20 времени в запасе. Знакомлюсь с корпусом, где расположены камеры «смертников». Сопровождающий — обаятельный капитан. Трудно поверить, что в таких нечеловеческих условиях работы сотрудники изолятора не разучились еще улыбаться и шутить, а главное — не потеряли человечность.

Проходим территорию. На ходу узнаю краткие справки о ее «жильцах».

...Расстрелял, потом порубил топором на части трех человек. Второй — смертельно ранил ножом на улице, в полдень, двух человек, еще один в тяжелом состоянии скончался в больнице. Третий — порезал жену, детей, тестя и тещу... Зверюги!!!

Миновав охрану, несколько кодовых замков, поднимаемся на второй этаж.

— Тише ступайте,— произносит полусшепотом «мой телохранитель» и показывает рукой на обе стороны длинного коридора номерных камер: — Здесь они.

Несколько вооруженных автоматами сотрудников несут службу. Нелегкая эта служба: каждую минуту на чеку, ни секунды расслабления. Вспомнила только что рассказанный случай и с опаской оглянулась по сторонам: несколько дней назад четверо несовершеннолетних подследственных при возвращении в камеру внезапно напали и избили до полусмерти железными ножками от стола, заранее припрятанными под одеждой, двух сопровождающих контролеров. Преступники и здесь остаются преступниками.

Подходим к одной из камер. Прислоняясь к двери, глядявваюсь в увеличительный глазок и... Какая-то сила мгновенно отбрасывает назад.

— Не бойтесь, он вас не видит,— успокаивает «телохранитель», и я подхожу опять. Никогда так близко не видела убийцу-зверя, который, не задумываясь, убил пятерых. Быстрыми шагами измеряя камеру взад-вперед, он надолго останавливается напротив двери. Взгляд, холодный и колючий, пронизывает насквозь, и как-то зябко становится на душе.

Еще камера и еще... «Смертники» ждут исполнения приговора.

Жуткое, тягостное впечатление — «кладбище живых могил». Сколько невинных жизней они погубили? Кого только здесь не встретишь. Быстрее, быстрее хочется отсюда уйти.

В кабинет вошли два вооруженных офицера. Третий, с овчаркой, остался в коридоре. За ними следовал Артем. Не ожидавший увидеть меня, он в нерешительности остановился. Руки, защелкнутые наручниками, за спиной. Высокий, стройный, можно бы назвать — красивый, если бы не страдальческие глаза, глядящие как бы из другого мира, отрешенного от всего земного человека.

Страшный рок судьбы: в день оглашения смертного приговора Артему исполнилось ровно 23 года.

Садится напротив. «Общий язык» находим не сразу. Иногда разговор превращается во взрыв эмоций. Понимаю: трудно ему говорить и снова вспоминать пережитое. И тем не менее...

— Артем, поражена последним фактом: две недели спустя после убийства ты был задержан за грабеж в чужой машине.

Долгое молчание, которому, кажется, не будет конца.

— Страшно об этом вспомнить, очень страшно. На следующий день показалось — кошмарный сон приснился. Я больше не мог находиться трезвым, пил каждый день. Он мне снился постоянно. Я не мог вспоминать об этом, он перед глазами все время стоял. Я хотел забыть. Тут мне сказали: в машине иностранца есть спиртное. Уже не думал тогда, что лезу в чужую машину воровать, хотелось поскорее напиться.

— Теперь сознаешь, какое несчастье принес потерпевшим? Что могло остановить тебя в роковую минуту?

— Утром знакомые ребята позвонили и попросили спрятать машину, якобы угнанную покататься. Не смог отказать, понимаете, не смог. Я рос во дворе по особым законам мальчишеской дружбы. Если бы сразу сказали, что водитель убит, я никогда бы не согласился помогать им с этой машиной. Но об этом я узнал только через два дня, а перегнать машину в другое место оказалось невозможно, она сломалась. Удивляюсь нашей «доблестной» милиции, так долго искала, хотя мы рядом все были. В прессе сообщили: «В предельно короткие сроки обезвредили банду преступников». Никого они не обезвредили и не нашли. Даже никто не поинтересовался в течение месяца, почему на моей даче оказалась машина убитого человека. Увы, не искали они, а сам не мог предать друзей. Если бы меня вызвали тогда, спросили, уверен, второго преступления не произошло бы.

В тот день, 6 марта, мы созвонились, договорились встретиться у общих знакомых. Вначале попросили: посоветуй — их мучил страх за убитого водителя. Потом еще сильно выпили и поздней ночью оказались на безлюдной улице. Мне предложили тут же совершить подобное преступление, чтобы намертво с ними «повязаться». Я мог повернуться, уйти, мог сказать «нет», но то

напряженное состояние, в котором я постоянно находился, и хмель подавили мою волю. И вот уже резко тормозит такси. А дальше...

Артем надолго замолчал, склонив голову. Я не прерывала его молчание. Возможно, он вспоминал самую страшную в своей жизни ночь. Потом тряхнул головой и посмотрел на меня глазами, полными слез.

— Я ничего не взял тогда, мне ничего не нужно было. Когда самое страшное произошло, мне хотелось вернуть жизнь убитому человеку. Но это невозможно. Я презираю себя — лучше бы меня тогда задавили. Если бы можно исправить, если бы он жил... я согласен умереть. Почему все произошло? Первый раз попросили помочь, второй — посоветовать, и... сам очутился здесь.

Слушала его рассказ в оцепенении, как будто все доносилось ко мне издалека.

— О чем вы думаете сейчас? О том, что перед вами сидит подлец, закоренелый преступник или конченный уголовник? Вот о чем вы думаете! Почему вы молчите! Говорите!!! — он срывается и кричит... Подходит вооруженный охранник. За дверями, прыгая на поводке, рычит овчарка. Эхом доносятся слова: наручники не снимать... полная безопасность.

Господи! Имела ли я моральное право лезть в душу ему, почти переступившему невидимую черту между жизнью и смертью?

— Не уходите,— просит Артем, и мы продолжаем наш трудный разговор.

— Полгода прошло после оглашения смертного приговора. Чем ты занимаешься в тюремной камере?

— Читаю. Много думаю. Больше, чем за всю прошедшую жизнь. Эти дни, недели, месяцы, которые провел в камере-одиночке, не прошли даром. Я осознал, что такое человеческое горе. Понял, какое горе постигло семью потерпевшего, а теперь — мою. Если меня расстреляют — наказание родным, меня ведь просто уже не будет... Очень редко человек может причинить боль и горе двум матерям сразу: чужой — потерявшей сына из-за меня и своей — готовой потерять... Иногда жду смерти как избавления... Вижу: пустеют одиночные камеры. Знаю: из этих «одиночек» «смертники» выходят очень редко: два человека из ста. Какая может быть надежда! Но если живу — еще надеюсь... на чудо.

Артема уводят. В коридоре он поворачивается и смотрит

рит прощальным взглядом. Мне показалось, он что-то еще не сказал... По возвращении в камеру он напишет эти строки:

«Хочу попросить прощения у вас, если чем-то обидел. Я не мог ответить на многие вопросы и сердился...

Трудно говорить о себе. Никто не считал меня злым и жестоким. Однако я соучастник страшного преступления.

Я не был закоренелым преступником. Все происшедшее — стечение обстоятельств. На моем месте мог оказаться кто-то другой. Я не хочу себя оправдывать. Нет! Нет! Нет! Но исправит ли что-нибудь расстрел? Тоже нет!

Для меня страшен не сам расстрел, а его бессмысленность. Я бы с радостью отдал свою жизнь, если бы знал, что моя пролитая кровь принесет кому-либо облегчение. Если бы дали мне самый длительный срок заключения, уверен, что прожил бы эти годы не зря, я сделал бы все, чтобы искупить свою вину перед Богом и людьми.

Я такой же, как все: жил, работал, с сыном ходил в зоопарк. И вдруг — такая яма! Вы спросили меня, почему я упал на дно. Однажды ошибся в друзьях, и за дружбу оплатили предательством.

Простите еще раз за все. До свидания.

А может, прощайте! Навсегда!!!

Артем ИВАНОВ».

...Рядом, в комнате с зарешеченным окном, в присутствии охраны ожидал Леонид Куприянов. Худой, в полосатой одежде смертника, держа руки за спиной, он сидел за маленьким, прибитым к полу столиком, как за барьером.

— Может, вы пришли понять, как все произошло, — немного оживают глаза на мертвенно-бледном лице осужденного. — Для вас я убийца и «смертник», которого больше никто не услышит. Я хочу поговорить с вами в последний раз. Расстрела мне не миновать, отсюда не возвращаются. Нет, не слышал, чтобы кого-то здесь помиловали. Недавно Верховный суд Украины рассмотрел наши кассационные жалобы, и только одному из четверых, Костыреву, расстрел заменен пятнадцатью годами лишения свободы. Для меня уже надежды никакой не осталось.

Когда нас привезли в суд, сразу стало ясно — «вышка». Показательный процесс: пресса, телевидение, люди, заполнившие зал, скандируя, требовали смертной казни. Суд дрогнул под напором эмоций. Расстрел как исключительная мера наказания применяется, когда доказано, что человек — конченный для общества: садист или маньяк. Сейчас я как-то понимаю людей, которые нас тогда ненавидели, для них мы были только убийцы. Но что исправит расстрел? Секунда, миг — и смерть! Это просто месть! Расстрел лишит последней возможности доказать, что я еще человек. До конца жизни помнил бы горе, причиненное людям, искупая вину тяжким трудом; помогал бы детям погибшего. Раскаиваюсь. Не могу простить себе, что оказался подлецом. А тогда...

Сначала встретились втроем, выпили. Ночью вышел друзей проводить. Кто-то предложил еще выпить. Я не соглашался уезжать, был раздетый, но уже остановилось такси... Знакомого дома не оказалось. Начали советоваться, куда возвращаться. Тут водитель называет семикратную цену проезда и предлагает «выметаться» из машины. Какая-то злоба внутри поднялась... Мы не хотели его убивать. Придушили... Катались пьяные до утра. Что там чувствуешь, если выпьешь? Когда в машине нашли фотографию детей — вздрогнули все, осознали: произошло самое страшное, непоправимое. Трудно передать состояние... Мне жаль Иванова. Мы вовлекли его в эту историю. Обманули... Сделали заложником преступления. Он пострадал за нас. Глупо и печально заканчивается и моя жизнь. Кому-то везет. Мне не повезло. Все произошло не случайно. Я всегда учился на своих ошибках.

Вырос во дворе среди таких же беспризорников, как сам. Отчим ненавидел меня. Дома был лишним всегда. И вот — камера «смертника». Я — соучастник преступления. Человек погиб. Дети остались без отца. Теперь и я один. В ожидании смерти. Бог со мной. Каюсь. Люди не прощают зла. Может, Бог простит? Очень виноват перед людьми. Понимаю: много зла причинил, а зло — вся моя жизнь прошедшая...

«В свое время взял на себя ответственность за судьбу этого парня, — напишет отчим после оглашения смертного приговора. — Так уж сложилось, что не стал отцом ему, о чем сожалею теперь. Если говорить откровенно, не любил я его. Рос он сам по себе, как бурьян при

дороге... Раскаяние пришло ко мне поздно, когда прозвучал суровый приговор. Мое чувство вины перед ним никогда не угаснет. На старости лет не будет мне покоя, что не уберег его от жизненных бурь и с моей помощью он оказался в бездне. Теперь и у него остался сын, который станет чужим для кого-то. И пусть через годы полусиротская жизнь его сына не повторит несчастную судьбу отца своего».

...Сергей Кушнир, третий соучастник преступления, не обрадовался моему приходу, а еще больше поник.

После долгого разговора посмотрел на меня какими-то безжизненными глазами и тихо сказал приглушенным голосом обреченного человека:

— Зачем вы пришли ко мне? Да, я подонок! Сволочь Скотина! Вы это хотели услышать?! Вы повторно вынесли мне приговор — моральный! Я ненавижу вас! — он замолчал и опустил на запястья, впереди защелкнутые наручниками, стриженую голову.

— Простите!!! Может, вы действительно хотели меня понять? — произнес полупшепотом Сергей. — Я хочу умереть... Суд вынес высшую меру наказания. Возможно, правильно. Больше нет силы убеждать, доказывать, объяснять случившееся. Я сам бы исполнил сейчас приговор, если бы условия позволили. Нет более страшного суда, чем суд человека над самим собой... А тогда... я шел за всеми, как в стаде, и никто из нас не остановился. Трудно, очень трудно все объяснить. Я соучастник преступления, но не убийца, словом, что говорить, водил машины убитых. Можно по-разному относиться к отдельным поступкам, но если люди считают, что за это преступление надо лишить меня жизни, — значит так надо. Скорее бы все закончилось, силы не хватает ждать... Иногда вспоминаю жизнь прошедшую. Родители были глухонемые, умерли уже давно. Трудно с ними жилось...

Слушая рассказ о его покаянной жизни, я все чаще задавалась вопросом: кто же более всего повинен в том, что трагедия стала возможной?

— Никогда не смог бы ответить сыну, почему очутился здесь. После смертного приговора разрешили свидание с женой. Тут, в зарешеченной комнате, помнится, сын впервые назвал меня «папой». Страшно подумать, я

не хотел бы, чтобы он помнил обо мне, когда меня расстреляют. Пусть вырастит другим.

В тот момент я невольно подумала: какое извращенное, по-видимому, представление о дружбе надо иметь, чтобы так слепо, без содрогания души принять участие в страшных преступлениях и предать себя, ребенка, семью. Вероятнее всего, душа прозрела лишь сейчас, когда наступил час расплаты за содеянное такой дорогой ценой.

— Полгода прошло, как впервые закрылась у тебя за спиной камера «смертника». Ты помнишь тот день?

— Я испугался одиночества. Остался сам с собой, посмотрел со стороны на свою прошлую жизнь и понял: очень виноват перед Богом.

— Ты верующий человек?

— Кажется, странно звучит: после суда стал верующим... Как очутился в «одиночке», почувствовал: перед Богом мы все равны. Только он рассудит, кто виноват. Я некрещеный. Безусловно, хотел бы покреститься, но это невозможно здесь осуществить: дорого и хлопотно. Я у жены не могу просить одолжения, она в декретном отпуске с маленьким сыном. Я так перед ними виноват... Очень не хочется уходить из жизни. Жалею, что так быстро она закончилась.

— Как ты проводишь время в тюремной камере?

— Иногда читаю. Начал плохо воспринимать. Не помню прочитанных книг. Читаю, сдаю и опять беру, потом вспоминаю, что уже прочитал. Раньше любил зарубежную классику. Раньше... Остальное время молюсь. В камере икона осталась. Случайно ее купил, как календарь. Прощу прощения у Бога, и легче становится на душе.

— Сергей, последнее желание, какое хотел бы исполнить?

— Встретить священника. Объяснить все случившееся, рассказать, снова покаяться. Вы могли бы меня понять? Я хотел бы встретить священника...

...На днях в Прокуратуре Украины мне сообщили: молодой священник Владимирского Собора отец Иоанн посетил следственный изолятор и выполнил последнее желание приговоренного к смерти человека...

В конце прошлого года в Москве состоялась международная конференция «Вооруженные силы и военная служба в правовом государстве». В ее работе приняли участие около 300 ученых различных специальностей, политиков и офицеров более чем из 20 стран Европы, Азии и Америки. Среди участников конференции был и военный судья из ФРГ **РОБЕРТ ДИЛЛМАНН**, выступивший с одним из основных докладов. С ним встретился наш корреспондент.

КАК ЗАЩИЩАЮТ ПРАВА СОЛДАТА В ФРГ

Встреча произошла в одной из аудиторий Гуманитарной академии Вооруженных Сил (так теперь называется бывшая Военно-политическая академия имени В. И. Ленина). Только что завершилась работа «круглого стола» про проблемат защиты прав военнослужащих, и гости академии — участники международной конференции отвечали на вопросы хозяев: слушателей и преподавателей. Особо острые вопросы доставались, естественно, военному судье — наместнику справедливости, как пошутил кто-то.

Один диалог с ним молодого майора я даже записал:
— Так что же делать солдату, если он понял, что не может убивать?
— Заявить об этом.
— Прямо в бою?
— Зачем же? В бою такие чувства могут быть расценены и как трусость. Потому что убеждения совести и страх — не одно и то же. Вещи эти имеют разное происхождение. Хотя конечно, гибель людей, свидетелем которой ты являешься,

гоже способна подвинуть и пацифистскому мировоззрению. Хотя у других подобное «зрелище» пробуждает доблесть и самоотверженность в борьбе за правое дело, которое солдат отстаивает с оружием в руках.

— Но если это правое дело!

— Разумеется. Поэтому-то чаще всего сложный вопрос: убивать — не убивать решается (должен решаться) задолго до применения оружия, при призыве молодого человека на военную службу. Он ведь знает, зачем его призывают, и именно в этот момент должен заявить о своих антивоенных убеждениях.

— И кто же решает его вопрос?

— Призывная комиссия. А в спорных случаях — суд...

Вот после такого импровизированного интервью началась моя беседа с заместителем председателя (вице-президентом) военного суда южной группы войск НАТО Робертом Диллманном.

Ему за шестьдесят, однако бодр, энергичен, напорист. И улыбка — это видно по фотографии, которая запечатлела нашего гостя у выхода из академии. Почти вся трудовая жизнь «наместника справедливости» связана с военной юстицией. Вскоре после сдачи экзаменов на самостоятельное ведение дел (а это гораздо позднее выпускных экзаменов на юрфаке) уже обретший опыт юрист был назначен Президентом Республики на должность советника по правовым вопросам при командире одного из корпусов бундесвера. Такие советники (из гражданских лиц) есть при каждом военном начальнике — от командира дивизии и выше. Затем Диллманн работал в адвокатуре, а с 1971 года — в военных судах.

Любопытная деталь. Когда мы знакомились, я назвал свое воинское звание. Диллманн, усмехнувшись, назвал свое: ефрейтор. До этого чина он дослужился на срочной службе. А посерьезнее, добавил, что он — «просто судья» и этому званию каких-либо дополнительных атрибутов не требуется. И, любя точность, сообщил, что у них, в Германии, вес должности определяется тем, сколько на ней зарабатывают. Мы с переводчицей поняли, что судья в правовом государстве — очень высокая должность и зарабатывает мой собеседник неплохо.

Чтобы читатель не запутался в разнообразных юридических структурах, процедурах и терминах, и Диллманн, и я сошлись на том, что не будем касаться роли НАТО, да и в правовой модели бундесвера выделим лишь один элемент, обращенный к защите прав военнослужащих непосредственно в войсках. И не вообще прав, а только тех, что ущемляются подчас в повседневном воинском быту — во взаимоотношениях с начальниками и сослуживцами.

— Конечно, и у нас есть преступники в военной форме,— сказал судья.— Они подпадают у нас под действие общих федеральных законов, как все другие граждане. Но не преступники же определяют лицо бундесвера. Так что не будем больше о них. Качество воинской жизни определяют так называемые мелкие конфликты: кого-то несправедливо наказали, кого-то против желания направили в командировку, кому-то не заплатили, как положено... Вот тут, на мой взгляд, как раз и проявляется уровень правовой защищенности солдата и офицера.

Итак, кто же и каким образом охраняет права и законные интересы военнослужащих бундесвера?

— Чтобы уяснить сущность нашей системы,— начал рассказывать Роберт Диллманн,— нужно исходить из того, что солдат или офицер, являясь полноправным гражданином своей страны, связан с государством особыми отношениями — военно-служебными. Поэтому все недоразумения в сфере этих отношений решаться должны тоже особым способом. У нас этот принцип зафиксирован в статье 96 Конституции ФРГ, в которой, в частности, сказано: «Федерация может учреждать для лиц, находящихся в общественно-правовых служебных отношениях, федеральные суды по разбору дисциплинарных и спорных дел». И такие суды созданы и действуют. Это так называемые дисциплинарные суды.

Тут я проинформировал собеседника, что некое подобие таких судов имелось и у нас — в период создания Красной Армии. Но впоследствии дисциплинарная практика была полностью передана на усмотрение командира. Считалось, что так укрепляется единоначалие. Увы, за счет прав подчиненного ничей авторитет возвысится нельзя. Беда в том, что и сегодня это поняли еще не все, и в проектах наших новых воинских уставов о дисциплинарных судах пока ничего не сказано.

Диллманн между тем продолжал:

— Естественно, эти суды занимаются прежде всего делами о служебных проступках военнослужащих. У нас считается, что военнослужащий совершает проступок, если намеренно пренебрегает следующими своими обязанностями: верное служение государству, вплоть до проявления воинской доблести (малодушие, нерешительность на поле боя — это тоже проступки, а иногда и преступления), повиновение начальникам, добрые отношения с сослуживцами, правдивость и забота о неразглашении военной тайны. Для командного состава этот перечень дополнен еще обязанностями быть примером для подчиненных и заботиться о них, отдавать приказы только в интересах службы и некоторыми другими. При нарушении любой из этих обязанностей солдат или офицер может предстать перед военным судом.

Впрочем, тут нужно дать еще одно пояснение. В зависимости от тяжести совершенного проступка (проступка, а не преступления) виновному грозят так называемые простые или судебные меры дисциплинарного воздействия. К простым относятся выговор, строгий выговор, дисциплинарный штраф, частичное или усиленное ограничение выхода из казармы и дисциплинарный арест. К судебным — снижение жалования, запрет на продвижение по службе, понижение в звании, изъятие служебных полномочий, лишение военной пенсии или снижение ее размера.

Так вот, если командир ограничился в отношении солдата простой мерой воздействия, тот может либо молча признать ее справедливой, либо обратиться с жалобой в дисциплинарный суд. Этот суд состоит из судьи (гражданский юрист) и

двух военнослужащих, один из которых по своему положению не ниже офицера штаба дивизии, а другой — представитель воинского коллектива (товарищества), причем в том же звании, что и подавший жалобу. Рассмотрев дело, суд принимает решение, которое считается окончательным.

Но, допустим, командир считает, что за совершенный проступок подчиненный заслуживает не простого, а более строгого — судебного — наказания. Тогда он ходатайствует о возбуждении судебного-дисциплинарного производства. Решение об этом вправе принять лишь начальник от комдива и выше. Дело расследует соответствующий советник командира по правовым вопросам, который затем и представляет в суде интересы командования. Но на этот раз, если решение дисциплинарного суда не удовлетворило одну из сторон, оно будет либо обжаловано обвиняемым, либо опротестовано представителем командования в высший военно-дисциплинарный суд. Этот суд в отличие от предыдущего, находится уже не под воинской юрисдикцией, а в системе федерального министра юстиции, непосредственно при Федеральном административном суде. Понятно, что таким образом исключается возможность какого-то влияния на его решение со стороны командования. В составе этого суда уже три профессиональных юриста и два военнослужащих (на общественных началах).

Итак, любой, даже мелкий, конфликт в сфере воинской дисциплины решается или может быть решен с участием специального независимого органа, что, конечно, служит достаточной гарантией охраны прав и законных интересов военнослужащих.

Необходимо добавить, что тот же дисциплинарный суд рассматривает и прочие жалобы военнослужащих. Например, на приказ, который солдат считает незаконным, или на решение о внезапном переводе к новому месту службы, ошибочном расчете и т. д.

— Практика показывает, — сказал, завершая наш разговор, Роберт Диллманн, — что правильное и быстрое разрешение конфликтов непосредственно в гарнизоне не позволяет им обостряться, минутная обида солдата или офицера не отражается на его делах, проступки не перерастают в преступления, что очень важно для нормального течения воинской жизни.

С этим трудно не согласиться. Наверное, создавая в нашей армии систему социально-правовой защиты военнослужащих, нелишне учесть и опыт, накопленный в других странах.

**Беседу вел полковник юстиции
Игорь ВАШКЕВИЧ**

Александр СЫЧЕВ

В ТЮРЬМЕ КОММУНЫ ТЭБЮ

Невольно по коже пробежали мурашки, когда за спиной звякнул металлом запор калитки, а за каждым шагом внимательно следили телекамеры. Свобода «отделилась» от меня и осталась там, за сеткой забора, увенчанного колючей проволокой. Однако первичное неприятное чувство вскоре улетучилось.

Все вокруг успокаивало и радовало глаз, если такое можно сказать о тюрьме. Стены тюремного корпуса в коммуне Тэбю, облицованные розоватым песчаником, аккуратные зеленые газоны с цветниками и сама архитектура «не столь отдаленного места» более приличествовали хорошему отелю на престижном курорте. Ничто не говорило о том, что именно здесь разыгрывается финальная часть извечной драмы жизни — «преступления и наказания».

Итак, первично — преступление. Но, чтобы за ним последовало наказание, необходимы три слагаемых: сыск, суд, «палач».

В Швеции ведомства, представляющие первые две ипостаси, в своем наиболее концентрированном виде представлены в одном месте — в районе Кунгсхольмен в Стокгольме. Здесь в образующих плотное каре зданиях, занявших целый квартал, разместились прокуратура, стокгольмский суд, центральный аппарат шведской полиции, следственный изолятор, иначе говоря — тюрьма.

НЕМАЛО ХОДИТ АНЕКДОТОВ...

О своей полиции шведы рассказывают немало анекдотов, высмеивая, не знаю, насколько уж справедливо, чуть ли не дилетантский уровень сыска. Но как бы они ни хулили ее, шведские полицейские в своей черной униформе, в фуражках или пилотках, с белыми портупьями, дубинками, пистолетами и рацией смотрятся внушительно. Специального отбора по физическому цензу в Швеции не проводится. Однако как-то получилось, что в среднем шведские «бобби» не ниже 180 сантиметров. Во всяком случае, такое складывается впечатление.

И все же, несмотря на добрый заряд иронии, шведы относятся к собственной полиции с уважением. Дело тут не только в импозантности полицейских. Поводов более чем достаточно. Полицейские строго блюдут честь мундира. На их стороне и закон. Любое публичное оскорбление отольется «обидчику» в крупную сумму штрафа по суду. Полицейские неподкупны. Они получают солидную зарплату. Небольшая деталь — полицейские не занимаются «стрельбой» штрафов и автолюбителей. За превышение скорости проштрафившийся платит не на месте «преступления», по сути дела в карман полицейскому, а через почту соответствующей инстанции в коммуне. За этим следят не только вышестоящие правовые органы, но и пресса.

Качество работы полицейских также не заслуживает особых нареканий. Патрули встречаются, пожалуй, только в центре крупнейших городов. Но случись «ЧП», и белые машины с желтыми и синими поло-

сами возникнут на месте происшествия через считанные минуты, как из-под земли.

Оперативность, высокий профессионализм, хорошая техническая оснащенность — все это есть и в других странах. И тем не менее шведская полиция существенно отличается от своих зарубежных аналогов. Историческая особенность социального устройства Швеции наложила на нее неизгладимый стпечаток. Швеция обладает значительной территорией и не соответствующим ей маленьким населением. Здесь истари жили уютными изолированными поселениями и хуторами. Из центра охватить надзирающим оком всех никогда не представлялось возможным. Веками крепили система местного самоуправления, самосознание, уверенность в собственных силах, подкрепленная отсутствием какой-либо массовой формы крепостного права. Брать под козырек при каждом слове из столицы? Увольте. Напротив, все шведские короли хаживали на поклон, вымаливая деньги, к своим подданным, в том числе к хуторянам-фермерам, заседавшим, наравне с дворянами и духовенством, в парламенте с первого дня его существования.

Хуторская Швеция требовала от блюстителей порядка оперативности, знаний местных реалий и функциональной независимости от кого бы то ни было. Так и повелось. Хотя значительная часть полицейского бюджета покрывается из центральных источников, полиция считается коммунальной, и никто, даже самое высокое начальство в Стокгольме, да и на месте тоже, не смеет ни непосредственно, ни косвенно вмешиваться в оперативную ра-

боту. Профессиональная независимость — вообще характерная черта всей системы государственного управления в Швеции. Лишь в 1965 году шведская полиция обрела централизованную структуру, но и тогда традиции не изменились.

ПО ДОРОЖКЕ «ГНИЛОЙ ЛИБЕРАЛЬНОСТИ»

Судья — самая гарантированная персона в шведском обществе. Кандидат в судьи должен обладать солидным опытом работы в различных правоохранительных органах. Сев в судейское кресло, он сохраняет его до пенсии, если, конечно, сам не пожелает освободить его досрочно или не совершит уголовно наказуемое действие. Экономическая и политическая независимость судей привела к тому, что суд стал конечной инстанцией. В суд подают жалобы на отдельных граждан, организации и членов правительств. Правда, не припомню, чтобы иски против кабинета завершались публичными процессами.

Вся система судов Швеции подчиняется, исключая сферу непосредственных функций судей, администрации национальных судов. Это ведомство занимается решением организационных вопросов, наймом персонала, финансами и другими аспектами жизнеобеспечения судов, а также публикует популярные брошюры о деятельности судов, рекламирует профессию среди молодежи. Занятие весьма важное, так как в последние годы интерес к судейской мантии сильно пошатнулся. Все более популярной у молодых юристов становится адвокатура, приносящая солидный доход и известность.

Суды делятся на Верховный,

шесть апелляционных, 97 региональных — низшая и самая загруженная работой инстанция. Апелляции на рассмотрение Верховного суда могут приниматься только в случаях, если дело имеет значение для совершенства законов или как интересный прецедент. Помимо этого, функционирует сеть судов по гражданским делам, суды социального страхования (Верховный и 3 региональных), суд по вопросам жилья и 12 трибуналов по делам аренды. Государственные расходы на содержание всей системы правопорядка, включая деятельность полиции, составляют около трех процентов бюджета страны.

На слушаниях главными действующими лицами выступают прокурор и адвокат. Они состязаются в красноречии и весомости приводимых фактов (свидетельства, «семи дозволенными средствами под неусыпным оком судьи и его нескольких помощников стараются убедить присяжных в правоте своей аргументации. Последнее слово за судьей, который после вынесения вердикта присяжными, сверившись со сборником законов Швеции «Рикслаген», вобравшим в себя весь продукт законотворческой мудрости — от конституции до устава акционерных обществ, определяет меру наказания. Надо сказать, что шведское судопроизводство представляет собой симбиоз европейской системы с американской. Так, присяжные не только выносят вердикт «виновен» — «не виновен», но и участвуют в обсуждении с судьей меры наказания.

«Рикслаген» — довольно любопытное явление в шведской юриспруденции. Для нас во всяком случае. Во-первых, его

продают всем желающим в любом книжном магазине. Правда, это удовольствие дорогое. Во-вторых, каждая его статья оснащена подробным официальным толкованием. Как известно, даже в самом продуманном законе можно найти двусмысленности, которые оправдывают трактовку, вносящую существенное изменение в его смысл. Чтобы ограничить поле для маневров, шведы принимают единое понимание буквы и духа законов.

Законотворчество — процесс гибкий. Закон порой не дает желаемого эффекта, и тогда его изменяют или отменяют, «Рикслаген» периодически переиздают, чтобы держать в курсе дел общественность и профессионально заинтересованных в знании законов людей. При этом очередного переиздания дорогостоящей книги не жадуют. Все изменения, по мере их появления, публикуют в виде дешевых вкладышей, которые остается только подклеить. Удобно и дешево.

Черта шведского характера — стремление все предусмотреть. Конечно же, это часто не удается, но уже сама по себе эта склонность заслуживает доброго слова. Неудивительно, что без огрехов не обходится. В 1984 году государство решило немного сэкономить на предоставлении бесплатных адвокатских услуг — всего 5 миллионов крон из выделяемых ежегодно на эти цели 80 миллионов. Результат — более трети из осужденных к тюремному заключению теперь предстают перед Фемидой без адвокатской помощи. При этом зафиксированы случаи, когда приговор, вынесенный судом низшей инстанции без адвоката, признавался ошибочным вышестоящим, на слушаниях в

котором защитник присутствовал. «Мы убеждены, — сказал заместитель генерального секретаря Союза адвокатов Швеции Матс Арде, — что такое положение совершенно неприемлемо. В интересах общества, чтобы те его члены, которм угрожает тюремное заключение, представлялись в суде адвокатами».

Уголовное право, во всяком случае в своем более или менее известном исследователям виде, ведет историю от времен античных. И хотя древность юриспруденции очевидна, говорить сегодня о большей научности, чем во времена, скажем, Великого Рима или, что больше подходит для Швеции, германского права, в определении соответствия степени наказания тяжести преступления не приходится. Как тогда, так и сегодня доля субъективности в решении дилеммы «преступления и наказания» по-прежнему велика.

Развитие цивилизации все же внесло некоторые коррективы. В древности считалось, что наказание должно быть устрашающим. Сегодня мнения разделились. Для одних электрический стул или расстрел все еще являются приемлемыми и оправданными, для других чья-либо санкционированная судом смерть — преступление против человечества.

Швеция — в числе тех, кто серьезно усомнился в необходимости чрезвычайных мер пресечения. «Скатываться» по дорожке «гнилой либеральности» страна начала давно — с 1921 года. Процесс проходил в несколько этапов. Первым актом смягчения Уголовного кодекса стала отмена смертной казни. Как результат сомнений и размышлений в 1973 году исправительные заведения и

уголовное право подверглись коренной реорганизации и гуманизации.

Безусловно, сторонники жестокости наказания могут возразить, что шведский путь не избавил страну от преступности. Мало того, она продолжает расти в абсолютном выражении. Все это верно, если не заглядывать несколько глубже.

Что ни говори, шведам многое удалось доказать. Так, их «попустительство» не привело к резкому всплеску наиболее опасных видов преступлений, к «беспределу». Замечено, что освобождающиеся преступники не держат зла на правоохранительные органы и общество, не вымещают его на своих жертвах. В шведских тюрьмах спокойно. Диких бунтов с загожниками и жертвами не бывает. Не с чего бунтовать. Статус «пахана» дополнительных привилегий не дает — каждый имеет отдельную комнатку не лучше и не хуже, чем у других, высококачественное питание, которое ничем не отличается у эков и охраны. И те, и другие в тюрьмах некоторых типов обедают даже в одной столовой. Места для зависти в шведской тюрьме нет.

Вообще шведские новации в уголовном праве, пожалуй, заслуживают самого тщательного изучения. Наши скандинавские соседи в своих экспериментах заходят так далеко, что нам, возможно, будет трудно понять. Это вполне объяснимо — они идут по этому пути не один десяток лет. Начну по порядку.

Высшая мера наказания в Швеции — пожизненное заключение. Звучит грозно. На самом же деле не так уж и страшно. Формально пожизненное заключение применяется за 14 видов преступлений:

убийство, издевательство с применением пыток, грубый захват самолетов, грубый саботаж авиадвижения, распространение ядов и болезнетворных бактерий, неоправданные переговоры с иностранной державой, шпионаж, а также еще семь правонарушений, за которые можно предстать перед судом только в военное время. Пожизненное заключение применяется также за преступление, в ходе которых предполагалось убийство, пусть даже оно не состоялось. Но это на бумаге, а на практике данная статья ни разу не применялась.

«Вечных узников» содержат в государственных тюрьмах закрытого типа. Они сидят в одиночках без права перемещения по коридору и общения с другими заключенными. На прогулки их выводят отдельно от остальных. Но условия их содержания не идут ни в какое сравнение с аналогичными условиями в наших тюрьмах и зонах.

Фактически с 1965 года, когда был заменен закон об уголовной ответственности от 1864 года, к пожизненному заключению были приговорены всего лишь 56 человек. Кроме одного, обвиняемого в шпионаже в пользу СССР, все — убийцы. В среднем за решеткой они провели по десять лет. Дело в том, что после нескольких лет отсидки заключенные получают право обратиться в суд с ходатайством об изменении меры наказания или помиловании. Как правило, пусть даже не с первой попытки, приговор заменяют заключением с четко определенным сроком. Обычно — 15 лет. Такое изменение по шведским традициям означает возможность вскоре выйти на волю.

«ПРИГОВОР ПО КОНТРАКТУ»

Тюрьма — крайняя и очень серьезная мера воздействия, оказывающая сильное влияние на психику людей. Перевоспитывающее значение тюрьмы весьма ограничено. «Тюрьмы — скорее школы преступности, — объяснила советник министерства юстиции по делам тюрем Кристина Шервинг. — Суды стремятся, где это возможно и целесообразно, не выносить приговоров с отсидкой». По статистике 1987 года шведские суды различных инстанций рассмотрели 351 тысячу дел. Из них 295 тысяч приговоров ограничивались различными суммами штрафов, десять тысяч подсудимых получили условно, оставшаяся доля приходится на оправданных и лишенных свободы.

Растущей популярностью у судей пользуется система общественного контроля. Осужденному к лишению свободы предлагается либо отправиться за решетку, либо согласиться на надзор максимум до трех лет. Осужденный остается на свободе, никто не ходит за ним по пятам, но к нему прикрепляют контролера-общественника, получающего за беспокойство некоторое материальное вознаграждение. С ним «зек» должен поддерживать постоянный контакт в любое время суток, сообщать о всех своих делах, проблемах и планах. Отступление от условий контракта, попытка скрыть некое деяние, совершенное в период надзора и впоследствии вскрывшееся, грозит пересмотром приговора и лишением свободы.

Вариант «общественного контроля» — «приговор по контракту» — правонарушителю также предоставляется право выбора между тюрьмой и свобо-

дой. Он подписывает договор с судом, по которому обязуется выполнять ряд правил и вести нормальный образ жизни. Приговор основан на принципе «сколько веревочке не виться...». Другими словами, если полиция уличает его в совершении преступления в период действия контракта, то к новому приговору автоматически присоединяется прежний. Исследование, проведенное на основании первых шести месяцев, показало, что в двух третях случаев договор соблюдался неукоснительно, в остальных — контракт расторгался, а нарушитель отправлялся в тюрьму.

В пяти городах Швеции — Эвле, Уппсале, Линчелинге, Мальме и Хельсингборге — проводится эксперимент по замене тюремного заключения общественными работами. К ним приговаривают за вождение машин в нетрезвом состоянии, кражи, драки с нанесением телесных повреждений. Работу предоставляют в различных общественных организациях: в церквях — подавать прихожанам кофе, известковать кислые озера; в музеях и спортивных клубах — чернорабочими. Идея заключается в том, чтобы преступники занимались тем, что служащие выполняют лишь по доброй воле без оплаты. Тем самым осужденные не создают конкуренцию, и программа не вызывает протестов тех, чьи заработки могли бы пострадать.

Общественными работами заменяют короткие сроки тюремного заключения — от двух недель до года. Продолжительность варьируется от 40 рабочих часов, что приравнивается примерно к 14 суткам отсидки, до 200 часов — год тюрьмы. В это время исправительные

органы осуществляют контроль за своими подопечными, гарантируя принимающей их стороне покладистость и примерное поведение.

Конечно же, все эти необычные формы наказания применяются за правонарушения, не представляющие особой опасности для общества. Воротили преступного мира: взломщики банков, торговцы наркотиками, как, впрочем, и их жертвы, убийцы, закоренелые мошенники, а также преступники поменьше, не реагирующие на гуманные формы воздействия, в общей сложности около 20 тысяч человек в год, — наказываются по всей строгости закона. Но и из них лишь семь процентов получают более года тюрьмы.

Шведы умеют считать. Тюрьмы для государства — «удовольствие» дорогое, и здесь предпочитают не расширять «ГУЛАГи» до размеров «архипелагов». Автонарушителям, например, даже если они повинны в человеческих жертвах, но были трезвы, в тюрьме делать нечего. Они быстрее выплатят компенсацию пострадавшим или их родственникам, продолжая трудиться на своем рабочем месте. Тюремный труд никогда не был производительным в полном значении этого понятия. Поэтому выгоднее сохранить человека в обществе или во всяком случае быстрее вернуть его в строй.

Еще осторожнее в Швеции обращаются с «трудной» молодежью. Мест поднадзорного содержания несовершеннолетних просто не существует. Да и до исполнения 21 года в очень редких случаях их осуждают к тюремному заключению. Здесь нет даже детдомов — заведений повышенного риска. Все дети или живут

со своими родителями, какими бы они ни были (в этом случае они постоянно встречаются с работниками социальной службы), либо их определяют в чужие семьи, где их воспитывают как собственных детей. За родителями сохраняется право встречаться с детьми в любое время.

Бурная дискуссия развернулась вокруг группы энтузиастов, взявшихся за перевоспитание «трудных» подростков морем. Представьте себе ватагу неблагополучных ребят, совершающих шестимесячный круиз под парусами по Атлантическому океану или Средиземному морю. Такой несправедливости не смогли перенести многие шведы, от природы склонные в любом деле искать рациональное зерно, прежде чем заявлять категорическое «нет». Хулиганы, потенциальные уголовники, «трутни», и вдруг им предоставляют бесплатную «путевку» под пальмы на пляжи южных морей. «Поощряете преступность!» — резюмировали возмущенно противники начинания.

Приступить к реализации идеи энтузиастам помогла шведская королева, которая приняла в их делах самое деятельное участие. Она передала в пользование воспитателей парусный скуттер, построенный в Великобритании в 1927 году, под названием «Сэр Уильям Арчибальд».

— Корабль представляет уникальную среду для перевоспитания. Невозможно ударить, если вдруг появляется такое желание. Море требует напряженной каждодневной работы, мужества, доверия к соседу и ответственности не только за себя, но и за всю команду. На море иначе нельзя. Море —

отличная школа жизни для ребят, опыт которых ограничен бесцельным блужданием по улицам и сомнительным заведениям полуподвального характера, бессмысленными попытками самоутвердиться в среде себе подобных, — сказал Рагнар Йотестам, шеф социального отдела стокгольмской коммуны, один из инициаторов программы.

— Но не подталкиваете ли вы ребят на путь мелких преступлений заманчивой перспективой бесплатно прокатиться по миру, побывать там, где их родители, работающие всю жизнь, никогда не были и, возможно, не будут?

— Работа на паруснике — дело нелегкое. Приходится выполнять все, выкладываясь без остатка. Это ничуть не лучше, чем мыть вагоны стокгольмского метро. Конечно, пока я не осмелюсь подводить итоги. Мы совершили одно такое путешествие. Необходимо посмотреть, как много из побывавших с нами вернутся к старому. Уже сейчас я знаю, что некоторые из них загорелись мечтой связать свою жизнь с морем. Мы пошли им навстречу — провели переговоры с компанией «Посейдон», занимающейся фрахтом океанских яхт и организацией туристических плаваний. Предприниматели выразили заинтересованность в приеме на работу наших подопечных, прошедших практическую школу на скуттере, — продолжил он.

В качестве профилактики преступности шведы запретили торговлю игрушками, в которых оружие — существенная часть. Соглашение было достигнуто на переговорах между промышленниками, выпускающими игрушки, Советом по делам детей, а также Сою-

зом потребителей. В перечень запрещенной продукции включены также электронные игры и даже упаковка, если она пропагандирует насилие. При этом неважно, что содержимое коробки совершенно безобидно. Компания-изготовитель обязана изменить картинки на упаковке или проститься с магазинами.

Материализованным продуктом многолетней кампании либерализации уголовно-процессуального кодекса и исправительных заведений стали тюрьмы, и в частности коммунальная в Тэбю.

«ТЮРЬМЫ СЛЕДОВАЛО БЫ РАЗРУШИТЬ, НО...»

В Швеции функционируют четыре типа тюрем. Закрытая государственная тюрьма — мощное, крепостного вида сооружение, чаще старого строения, с решетками, глухими воротами и высоченным железобетонным забором. Здесь содержатся особо опасные преступники, а также приговоренные к длительным срокам. Именно здесь в спецотделениях сидят 25 приговоренных к пожизненному заключению. Сюда же попал бы и убийца бывшего премьер-министра Швеции Улофа Пальме, если бы его удалось поймать. Открытые государственные тюрьмы представляют собой почти то же самое, но без заборов, и режим здесь облегчен.

По тем же признакам подразделяются местные коммунальные тюрьмы. Сюда попадают перед освобождением или с небольшими сроками. По закону все заключенные должны отбывать свои сроки в ближайшей к его дому тюрьме. В общей сложности в Швеции 69 тюрем.

Исправительное заведение

Свена Вальстрема, куда я наведалься, относится к категории местных закрытых тюрем: оно обнесено забором из металлической сетки. Тюрьма разместилась на живописном берегу балтийского залива недалеко от Стокгольма. «Летом здесь удивительно. Кстати, окна всех камер, свободные от омрачающих жизнь решеток, выходят на залив. Заключенные имеют возможность каждый день любоваться величием и красотой природы, черпать в ней успокоение», — философствовал Вальстрем.

Хотя решеток на окнах действительно нет, стекла не разбить. В подтверждение невозможности покинуть тюрьму этим путем Вальстрем без предупреждения грохнул своим крестьянским кулаком по окну. Никакого впечатления неожиданная силовая атака, как и следовало ожидать, на окно не произвела.

Внутреннее убранство заведения не вступало в противоречие с внешностью тюрьмы. У входной стеклянной двери на центральном посту за пультом теленаблюдения за тюрьмой сидела милостивая девушка — персонал в основном женский — с форменной бляхой на гражданской рубашке. Только эта дверь да еще та, что ведет в служебный корпус, закрыты постоянно. Стены приятного цвета с нелишенной вкуса росписью. Чистота и порядок. Небрежливое отношение к «обителю» карается отлучением от телевизора или запретом покидать камеру в течение нескольких дней. Весьма эффективное средство призвать к порядку. Когда быт устроен с тщанием, то любое ограничение воспринимается так же остро, как, например, «воспитательное» пе-

ремещение на несколько суток с нар в камере на нары в холодном и сыром карцере на хлеб и воду.

Тюрьма разделена на восемь отделений, по пять человек в каждом. Отделения имеют свою гостиную с телевизором, электроплитой и холодильником — ужин готовят сами из продуктов, выдаваемых на кухне, так как поварами работают в полном соответствии с шведским «КЗОТом» и вечера проводят с семьями. Дверь в коридор отделения закрывается только на ночь, так что перемещаться по всей тюрьме разрешается свободно.

Каждый заключенный обладает ключом от собственной камеры. После отбоя все должны разойтись по комнатам, оснащенным благоустроенными туалетами и душами. Мебель, как водится, намертво закреплена, но не лишена изящества и даже шика. Ее изготавливают из березы (вид сырья определен соответствующим постановлением о качестве тюремной обстановки) заключенные государственных тюрем закрытого типа. В камеру, даже следственной тюрьмы, обязательно проведено радио с несколькими каналами. Киоск, в котором найдется все мыслимое, чем можно скрасить жизнь, работает три раза в неделю. Библиотека, зал для игры в настольный теннис, телефон-автомат и, глазам своим не поверил, сауна — таково оснащение тюрьмы в Тэбю.

Шведские заключенные обязаны трудиться. Оплата производится по рыночным ценам. Учеба приравнивается к работе. Трудовая неделя длится 40 часов. От работы освобождены пенсионеры, инвалиды, женщины с детьми. Продукция с

маркой «Сделано в тюрьме» (конечно, такого клейма на ней не ставят) оценивается в 150 миллионов в год — от валового национального продукта она составляет доли процента. Из причитающегося заработка погашаются нанесенный преступлением ущерб, штрафы; остающееся выдается на руки тут же в тюрьме, чтобы можно было воспользоваться услугами киоска, позвонить домой или поднакопить к предстоящему освобождению.

Среди подопечных Вальстрема десять человек за примерное поведение получили право наняться на работу в городе. Утром они без сопровождения покидают тюрьму, а вечером возвращаются. По прошествии части срока, с учетом всех обстоятельств, заключенным выдаются «увольнительные». По всем тюрьмам за 1987 год в «увольнении» побывало около 42 тысяч человек. В течение двух дней они ходят на свободе опять же без охраны. Общаются с семьей или друзьями — отдыхают как могут. Только четыре процента «отпускников» проштрафились. В основном это выражалось в опоздании, но были и побеги.

«Отпуск» предоставляется некоторым преступникам из числа опасных. Во всяком случае таким правом пользовался некий Стиг Берлинг, известный в Швеции также как Юджин Сандберг. Он был приговорен к пожизненному заключению по обвинению в шпионаже в интересах Советского Союза. Однажды он злоупотребил доверием, доставив массу волнений всем прочим шведским заключенным, которых возбудившая общественность потребовала лишить права хоть изредка побывать на воле.

После восьми с половиной лет безвылазной отсидки Берлинг-Сандберг отправился на очередную побывку к жене. Утром дежурившие на улице сотрудники службы безопасности, заждавшиеся отпускника, обнаружили пустую квартиру.

— Риск? — переспросил Вальстрем. — Конечно, есть. Но немного находится желающих рисковать и привилегиями, и скорой свободой. Все эти послабления делаются под самый конец срока. Мы идем на риск, потому что убеждены: назначение тюрьмы не только в наказании лишением свободы. С самого начала отсидки мы готовим людей к освобождению, быстрой адаптации в обществе. Эти привилегии, которые таковыми не являются, помогают нам сохранить связь наших подопечных с внешним миром, найти работу — в общем, подготовиться к нелегкому расставанию с тюрьмой. Я не шучу.

У Вальстрема в штате три должности для работников социальной службы, наблюдающих за морально-психологическим состоянием заключенных и занимающихся устройством их дальнейшей жизни. Из бюро по трудоустройству регулярно наведывается чиновник, который подыскивает освобождающимся работу.

— Выпускать заключенных, не давая им крыши над головой и источника законного существования, — значит подталкивать их на преступления, — объяснил Вальстрем. — С квартирами, правда, дело туго. В этом мы часто помочь не способны.

Смутное чувство оставили несколько часов, проведенных в «застенках». Либеральность

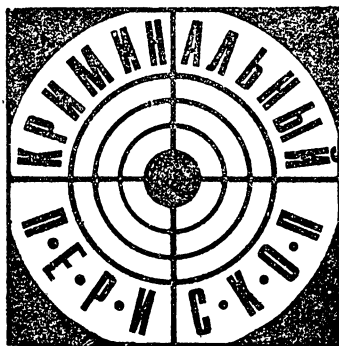

к преступникам порой возмущала. Срабатывало злителем в кровь убеждение, что только жесткость, а может, и жестокость способны пресечь преступность. Но зло порождает зло, жестокость — соответственно жестокость, жертвой которой становимся все мы. С другой стороны, как мне говорили шведы, преступники, даже самые отпетые, тоже люди. И уже только поэтому они обладают правом на достойное человека существование в исправительных заведениях.

Закручивание гаек, как показывает богатый опыт всей нашей цивилизации, не дает ожидаемого эффекта. Наказание лишь следствие преступления, а его корни залегают глубоко в несовершенстве общества. «Жесткость наказания не ведет к избавлению от преступности. Решение проблемы в

пороках общества, а значит, в нас самих», — говорила Кристина Шервинг. Шведы подходят к проблеме с другой стороны. Раз общество по-прежнему ущербно и плодит преступность, не попробовать ли гуманностью правосудия и наказания пробуждать в людях добро, дать им больше шансов выправить свою жизнь.

— Я 33 года отработал в тюрьмах с разными режимами содержания, — вспоминаются мне последние слова Вальстрема, — и могу с уверенностью сказать, что человека, какими бы комфортабельными и гуманными ни были, они лучше не делают. Тюрьмы следовало бы разрушить, но, увы, сегодня это невыполнимо. На моем веку много теоретических веяний было в моде. Современное приносит меньше вреда.

В Таиланде власти чрезвычайно обеспокоены накоплением оружия у населения. По данным полиции в настоящее время на руках у тайландцев находится более 22 миллионов стволов. (В стране проживает 56 миллионов человек.) Помимо официально разрешенного

«легального» оружия, по стране ходит множество незарегистрированного. «Торговцы смертью» наживают на этом миллионы долларов.

Организация «Международная амнистия», борющаяся за соблюдение прав человека, представила на суд общественности список 339 политических заключенных, погибших в мавританских тюрьмах, армейских казармах или полицейских участках в последние годы. Согласно документу, в котором приведены свидетельства очевидцев, с ноября 1990 года по март 1991 года в Мавритании без суда и следствия убиты 140 человек.

Подготовил
Геннадий ЧАРОДЕЕВ

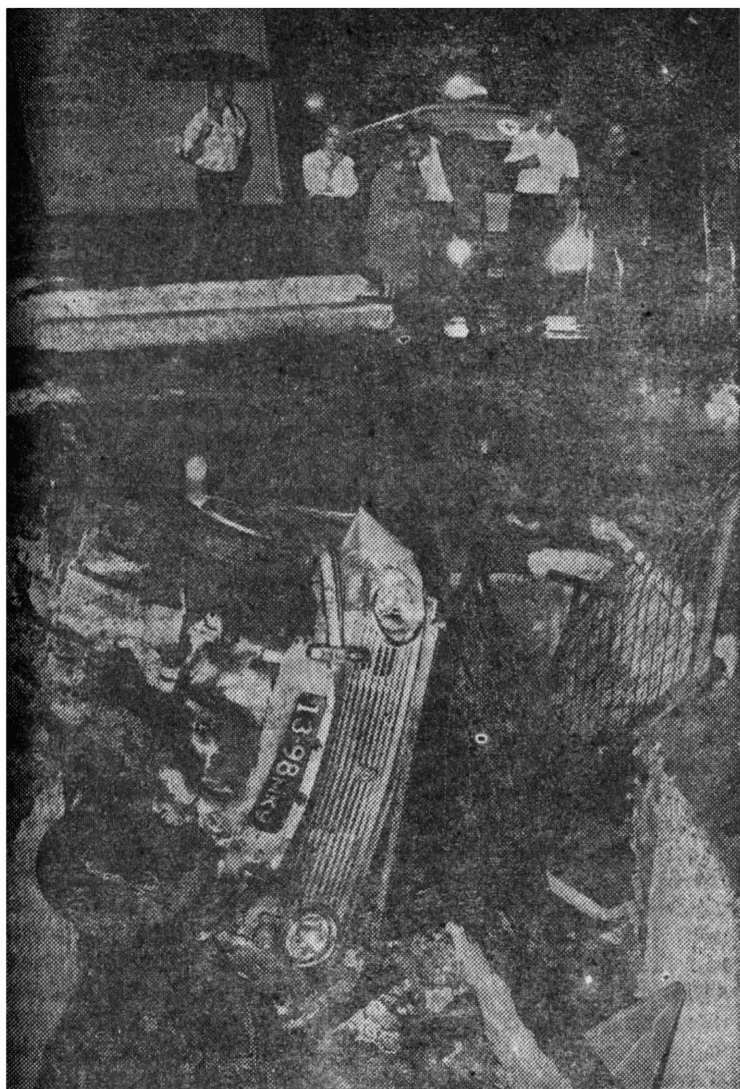
Сергей ЕФИМОВ

СТРАХОВАНИЕ НА ТРАНСПОРТЕ

Входя в вагон поезда дальнего следования, поднимаясь на борт теплохода, располагаясь в салоне самолета или междугороднего автобуса, вероятно, не каждый пассажир знает, что он автоматически становится застрахованным от несчастных случаев в пути по линии Госстраха. Документом, подтверждающим это, служит проездной билет. На линиях воздушного, железнодорожного, морского, внутреннего водного и автомобильного транспорта в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1982 года (с последующими изменениями и дополнениями) действует государственное обязательное страхование пассажиров. Правовые нор-

мы, предусматривающие страхование пассажиров, содержатся также в Воздушном кодексе, Уставе железных дорог, Уставе внутреннего водного транспорта, Уставе автомобильного транспорта.

Страхование распространяется, в основном, на пассажиров дальнего следования всех видов транспорта в пределах государственной границы СНГ. Не проводится страхование пассажиров на международных линиях, в пригородных сообщениях, а также на судах прогулочных и экскурсионных линий, паромных речных переправах и внутригородских маршрутах. Не считаются застрахованными пассажиры городского автомобильного транспорта и рейсовых автобусов, обслуживаю-

щих междугородные маршруты в пределах области, края и республики, не имеющей областного деления.

При продаже билета взимается единовременный страховой сбор 25 копеек, а с билетов, оформленных для проезда до пункта назначения и обратно, соответственно 50 копеек. При отказе от поездки и возврате билета предварительно внесенный страховой сбор возвращается пассажиру вместе с деньгами за неиспользованный билет. Пассажирские транспортные тарифы рассчитаны таким образом, что страховой сбор непосредственно включается в стоимость билетов. На некоторых видах проездных документов об этом делается специальная запись.

Исходными данными для исчисления суммы страхового сбора служит основная стоимость билета (ставка платы) за проезд без включения каких-либо доплат за скорость, предварительную продажу, доставку на дом и другие дополнительные услуги. Страховой сбор входит как в полные, так и в детские и льготные билеты. Министерству финансов России предо-

ставлено право дифференцировать ставки (размер) страхового сбора в зависимости от стоимости проезда, но не свыше 25 копеек.

Некоторые пассажиры дальнего следования считаются застрахованными и без уплаты единовременного сбора. Такое право имеют депутаты Верховных Советов республик при предъявлении соответствующего удостоверения. Один раз в год бесплатно и без уплаты страхового сбора могут проехать Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, кавалеры ордена Славы трех степеней, работники транспортных организаций, а также некоторые другие категории граждан.

Пассажир считается застрахованным с момента объявления посадки на поезд, автобус, корабль или самолет, и ответственность Госстраха прекратится только тогда, когда пассажир покинет территорию конечного пункта назначения, указанного в билете. Вместе с тем действие страхового договора будет считаться приостановленным, если пассажир вышел за пределы территории

пункта посадки или прервал поездку.

Для всех пассажиров железнодорожного, морского, каботажного, внутреннего водного и автомобильного транспорта установлена единая страховая сумма 15 000 рублей. При полной (100 процентов) утрате общей трудоспособности или смерти пассажира от несчастного случая на транспорте эта сумма выплачивается целиком. При частичной утрате общей трудоспособности, связанной с травмой, увечьем и т. п., выплате подлежит определенная часть данной суммы, равная установленному проценту утраты трудоспособности. Эти деньги выплачиваются независимо от сумм, полученных по государственному социальному страхованию или в порядке возмещения вреда.

Следует иметь в виду, что страховая сумма в случае постоянной утраты общей трудоспособности выплачивается, если она наступила в течение года со дня несчастного случая и явилась его прямым следствием. Может случиться так, что пострадавшему пассажиру был установлен процент постоянной утраты общей

трудоспособности, но при жизни он страховую сумму не получил. Тогда она выплачивается его наследникам.

Для решения вопроса о выплате страхового возмещения пострадавший должен представить в инспекцию Госстраха по месту постоянного жительства письменное заявление и подлинник акта о несчастном случае на транспорте. А наследники погибшего пассажира — еще и нотариально заверенную копию свидетельства органов загса о смерти пассажира и свидетельство нотариальной конторы о праве на наследство.

Выплата страховой суммы производится по месту жительства получателя. При наличии нескольких наследников, проживающих в разных районах или городах, выплату им всем производит одна инспекция государственного страхования по предъявлении требуемых документов. Несовершеннолетним страховая сумма перечисляется в сберегательный банк по месту жительства во вклад на их имя с уведомлением об этом органов опеки и попечительства.

Требования по выплате страховых сумм, вытека-

ющие из условий государственного обязательного страхования пассажиров, рассматриваются вышестоящими органами Госстраха или народными судами в пределах трехгодичного срока исковой давности.

Ну а как быть тем, на которых не распространяются данные условия страхования, например пассажирам пригородных электричек, речных переправ, городских автобу-

сов. Каждый из них, независимо от возраста и профессии, может оформить соответствующие договоры с Госстрахом на случай различных непредвиденных обстоятельств, которые могут возникнуть при путешествии. Инспекции Госстраха есть в каждом городе и районном центре страны, там вам помогут выбрать наиболее подходящий вид страхования.

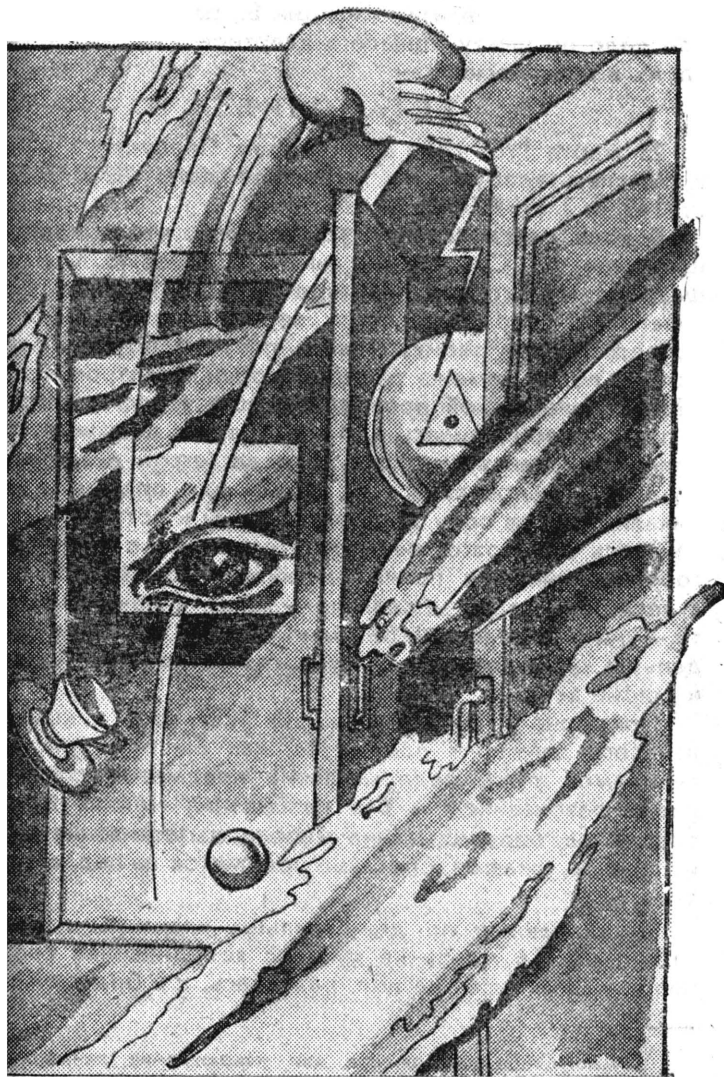
Луковицы диких нарциссов, произрастающих высоко в горах Серра да Эштрела в Португалии, стали предметом незаконного вывоза из страны. Масштабы этой контрабанды, главным образом в Италию и Голландию, приняли такие размеры, что возникла угроза исчезновения этого редкого цветка. Местные власти ввели строгие меры наказания для любителей наживы, включающие крупные штрафы и тю-

ремное заключение сроком до года. Одновременно разработана трехлетняя программа изучения условий произрастания диких нарциссов и возможности их размножения в искусственных условиях с целью в будущем выращивать их для продажи на экспорт.

На столицу Сенегала Дакар приходится 61 процент дорожно-транспортных происшествий, зарегистрированных в последнее время на территории всей страны. Среди человеческих жертв 65 процентов — погибшие. В то же время главные претензии за опасные исходы, по мнению полиции, следует отнести к «человеческому фактору», а не к состоянию дорожного покрытия или материальной части автомашин. 50 процентов дорожных происшествий происходят по вине водителей и 30 процентов — по вине пешеходов.

Подготовил
Геннадий ЧАРОДЕЕВ

**«...За отсутствием
события преступления»**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА № 27267

г. Москва

Следователь следственного отдела Перовского РУВД г. Москвы капитан милиции Б., рассмотрев уголовное дело по факту пожара в квартире 93 дома № 4 по ул. М. в гор. Москве, —

УСТАНОВИЛ:

23 марта 1987 года прокурором Перовского района г. Москвы возбуждено уголовное дело № 27267 по ст. 149, ч. 2, УК РСФСР¹.

В ходе расследования установлено, что в квартире проживает гр. С. с женой, сыном и дочерью. С начала февраля 1987 года в квартире происходят аномальные явления: в коридоре стали перерезаться телефонный провод, провод звонка, стало плохо работать радио. Только после замены радиопроводки, электропроводки звонка, телефонной проводки работа телефона, звонка и радио возобновилась. С 16 февраля в квартире стала появляться неизвестно откуда вода (струи возникали в воздухе и направлялись на людей или предметы, возникали лужи на полу, промокали стены и потолок). Затем началось самовозгорание предметов. Так, в спальне загорелась книжная полка, на кухне — бумажный пакет с кефиром, штора, в спальне — халат, в детской комнате — диван, шкаф, мебельная стенка. На следующий день на кухне загорелись шуба, газета, холщовый мешок и другие вещи.

Примерно с середины марта 1987 года в квартире началось движение предметов, как бы под действием невидимой руки, подпрыгивание предметов, сбрасывание с разбиванием и без разбивания мелких хрупких предметов, опрокидывание мебели, вытаскивание вещей из ящиков, шкафов, бросание предметов на пол, в стены, окна.

Допрошенные по делу жильцы квартиры показали также, что 16 марта на кухне с холодильника слетела пепельница и, упав на пол, разбилась, а в большой ком-

---

¹ Умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан.— Ред.

нате стал летать декоративный камень 17 марта вечером в большой комнате подсвечник разбил стекло в серванте. 18 марта в коридоре полетел флакон с дезодорантом и, ударившись о стекло кухонной двери, разбил его. Кроме этого, на полу квартиры стали появляться записки угрожающего характера с требованием денег. Записки были написаны в нецензурной форме. Объяснить данные явления жильцы не смогли.

В конце апреля 1987 года аномальные явления в квартире перестали возникать. В мае в квартире сделали ремонт.

Допрошенный сосед по дому Ф. показал, что 17 февраля в 14 часов 20 минут он зашел в квартиру С., где его неоднократно обливала вода. Вода была под давлением. Откуда текла вода, он не видел.

Допрошенный сосед по дому К. показал, что 17 февраля в 14 часов 20 минут он зашел в квартиру, где его неоднократно обливала вода. Вода была под давлением. Откуда текла вода, он не видел.

Допрошенный инспектор Перовского РУВД Д. показал, что 20 февраля вечером в квартире на кухне на его глазах воспламенился холщовый мешок, который лежал в вазе из стекла на кухонном столе. Объяснить причину воспламенения мешка он не может.

Допрошенные работники ДЭЗ-15 Перовского ПЖРО: слесарь, главный инженер, начальник ДЭЗа, диспетчер, электрик,— показали, что 17 февраля они были в квартире. Проверка чердака, перекрытий, труб водоснабжения ничего не дала. Перекрытия были сухие, трубы не подтекали. Во время нахождения их в квартире каждого из них неоднократно обливало водой, но откуда текла вода под давлением, они не видели. Объяснить увиденное также не могли. После этого они еще несколько раз были в квартире, но места, откуда была вода, не установили. Причины появления воды объяснить не могут.

Участковый инспектор 81-го отделения милиции Б. показал, что в феврале он был в квартире и видел обгоревшие вещи. В марте вновь был в квартире, и в его присутствии на полу появилась записка, адресованная ему, угрожающего характера. Откуда появилась записка, он не видел.

Допрошенный в качестве свидетеля брат хозяина

показал, что во второй половине марта он видел в квартире, как об пол ударился перочинный нож, наблюдал полет в спальне комнаты стула для пианино, бутылки с водой.

Сосед Д. показал, что 18 февраля тушил на кухне загоревшуюся штору, видел горевшую обивку дивана в детской комнате, помогал тушить горевшее одеяло соседке. В апреле в его присутствии в квартире появилась записка. Откуда она появилась, он не видел.

Допрошенные соседи В., Б. показали, что 24 марта днем в их присутствии в большой комнате квартиры о стену около двери ударилась чашка с чаем и разбилась.

Другая соседка — З. показала, что 17 февраля примерно 7 раз была облита водой, но откуда била вода, она не видела. 18 февраля 1987 года вечером, когда в квартире начались загорания вещей, в ее квартире на двери загорелось одеяло, которое она взяла у С. для просушки. Она также сообщила, что 18 февраля в 14 часов была в квартире и видела, как в большой комнате самовозгорелось полотенце, в спальне на ее глазах воспламенились занавески, стала тлеть коробка из-под термоса. Помогала тушить загоревшуюся простынь. Во время тушения была облита какой-то жидкостью.

Допрошенный Л., кандидат технических наук, показал, что 18 февраля вечером в квартире помогал тушить загоревшиеся предметы. Тушил их в холле около квартиры. На его глазах на кухне загорелся целлофановый пакет. При этом на кухне никого не было. В его присутствии в квартире облило жидкостью его жену. Жидкость была под давлением со стороны туалета. В туалете, в ванной комнате и на кухне никого не было.

Свидетели Р. и Т. показали, что 16 марта в их присутствии в квартире произошел полет пепельницы на кухне, в большой комнате полетел декоративный камень. Из спальни в большую комнату полетел металлический кувшин.

Возникшие 18 февраля очаги пожаров в квартире, кроме членов семьи, тушили пожарные, но установить причину пожаров не смогли.

18 февраля главным инженером ДЭЗ-15 был составлен акт об исправности электропроводки в квартире.

Из заключения почерковедческой экспертизы № 3078 от 22 июня следует, что тексты записок, начи-

нающихся словами: «Магия ты усатый...», «Прокурор идиот и...», «Ты, легавый, если...», «Магия твоя подруга...», «Валя, мы хотим...», «Магия вы суки....» исполнены неизвестным лицом.

Из заключения физико-химической экспертизы следует, что на обгоревших кусках ткани, древесины, изъятых из квартиры, следов легковоспламеняющихся и горючих жидкостей не обнаружено, жидкость, изъятая из квартиры, легковоспламеняющейся не является.

Допрошенные члены комиссии по аномальным явлениям в окружающей среде Комитета по проблемам охраны окружающей среды Всесоюзного Совета научно-технических обществ — Носов Н. А., Миршалис И. В., Бессмертный С. И., кандидат технических наук Фоменко В. Н., кандидат физико-математических наук Пархомов А. Г., Сучкова С. П. показали, что комиссией по аномальным явлениям изучаются возникающие в некоторых помещениях самопроизвольные перемещения вещей, самовозгорания предметов, а также появление без видимых причин источников воды и звуков (так называемые полтергейсты). В квартире ученые были и пришли к выводу, что здесь происходили аномальные явления, то есть полтергейсты.

Принимая во внимание, что в данном случае отсутствует событие преступления,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Уголовное дело за отсутствием события преступления прекратить.
2. Копию направить прокурору Перовского района г. Москвы.

Рис. М. ПАНКОВОЙ

СУДЕБНЫЕ ДРАМЫ ПРОШЛОГО

Юрий ОРЛОВ

ДАМА С ДИНАМИТОМ

В мае 1991 года весь мир облетело известие о злодейском убийстве видного политического деятеля, президента Индии Раджива Ганди. Террористка взорвала бомбу в тот момент, когда подошла к президенту. Погибнув, она увлекла за собой и Ганди... Женщина-камикадзе. Наверное, вряд ли можно придумать что-нибудь несуразнее, неестественнее такого сочетания. А между тем еще в начале ХХ века российские террористы использовали в своей борьбе именно женщин-смертниц.

Об одной такой истории нам и хотелось бы рассказать.

...В начале октября 1907 года Александр Михайлович Максимовский, начальник Главного

тюремного управления царской России, завел со своей сестрой разговор о похоронах:

— Знаешь, хочу, чтобы похороны мои были самые скромные: чтобы не было ни цветов, ни венков, а гроб чтобы везли на простых дрогах, запряженных парой лошадей.

Сестра всплеснула руками:

— И что это тебе в голову взбрело, батюшка ты мой! Тебе же и пятидесяти нет. Вон какой ты у нас молодой да ладный. О смерти ли тебе думать-то?

Максимовский не стал больше продолжать эту тему, но по его грустным глазам сестра догадалась, что он не шутит, а говорит вполне серьезно. Мысли о смерти возник-

ли у Александра Михайловича не случайно. Для этого были веские причины.

...После разгрома революции 1905 года тюрьмы России стали быстро наполняться политическими заключенными. В результате чего обстановка в местах заключения складывалась исключительно тяжелая. Из-за этого в адрес Главного тюремного управления обвинения сыпались и справа, и слева. Одни обвиняли это ведомство в том, что оно установило «либеральный» режим для заключенных, что тюрьмы превратились в «меблированные комнаты» для политических и в «рай для всех мошенников, грабителей и убийц», что тюремное начальство попустительствует побегам и беспорядкам. Другие же, наоборот, полагали, что Главное тюремное управление превратило пенитенциарные учреждения в своеобразные «застенки», где «палачи пытаются сплошь и рядом ни в чем не повинных людей и достойных граждан».

В печати появлялись подстрекательские статьи. Так, в газете «Русь» в апреле 1907 года некий Д. Герценштейн пи-

сал о том, что виной всех «тюремных столкновений и ужасов» является тюремная администрация в лице начальника Главного тюремного управления и инспекторов, которые «внушают, побуждают и приказывают». Автор статьи советовал публике и заключенным обратить свое внимание именно на этих лиц.

Подстрекательские призывы падали на благодатную почву. Вот что сообщалось в отчете Главного тюремного управления: «Когда места заключения Империи стали наполняться представителями революционных организаций всех направлений и оттенков и эти лица, несмотря на всякие протесты, были в конце концов подчинены правилам тюремного режима, чины администрации и надзора мест заключения подверглись целому ряду покушений, вызванных частью мезьтю бывших заключенных или их единомышленников за твердое исполнение правил тюремного режима, частью желанием устроить служащих в тюрьмах и добиться таким путем облегчения положения политических арестантов».

И это были не пустые слова. Это был реальный анализ положения. Против представителей тюремного ведомства велась настоящая война на уничтожение.

Вот только некоторые факты.

Январь 1907 года. На Васильевском острове в Петербурге неустановленным террористом был убит начальник санкт-петербургской временной (Дерябинской) тюрьмы Н. И. Гудима.

19 февраля того же года погиб уфимский губернский тюремный инспектор Г. С. Колбе. Дней за десять до покушения он получил угрожающее письмо, в котором сообщалось, что в случае, если отношение администрации к политическим заключенным в уфимской тюрьме не изменится, то на инспекторе будет «поставлен крест».

11 апреля 1907 года. Убит начальник одесской тюрьмы И. А. Шаферук.

28 мая 1907 года в Чите совершено покушение на начальника нерчинской каторги Ю. И. Метуса. За несколько месяцев до этого Максимовский назначил Метуса, бывшего в то время старшим инспектором

Забайкальского управления, на должность начальника каторги с тем, чтобы навести там порядок. Ревизия, проведенная Главным тюремным управлением, установила, что прежнее руководство каторги попустительствовало политическим заключенным. Например, заключенные имели в своем распоряжении большие суммы денег, устроили для себя лавку, носили свое белье, обувь и одежду, освобождались от оков, не подвергались обыскам, имели общую с обслугой кухню и библиотеку, к ним допускались родственники и т. п. Метус оправдал доверие Максимовского, он быстро устранил все нарушения режима, навел порядок. За что и поплатился жизнью.

27 июля в Кельцах был убит из засады начальник местной губернской тюрьмы Н. И. Грецкий.

13 августа в Петербурге погиб начальник одиночной тюрьмы А. А. Иванов, а 28 августа был убит начальник Алгачинской тюрьмы С. А. Барадулин.

По данным Главного тюремного управления, всего за 1907 год было

убито 140 и ранено 169 служащих и надзирателей тюрем.

Тем не менее начальник Главного тюремного управления, тайный советник Александр Михайлович Максимовский, по свидетельству современников бывший в личном общении, даже с заключенными, мягким и сердечным, проявлял исключительную твердость, когда дело касалось выполнения служебных обязанностей. Такой же твердости он требовал и от своих подчиненных. Это был подлинный слуга Государя. В одном из своих циркуляров он, например, писал: «Переживаемое ныне Россиею время великой внутренней смуты обязывает всех слуг Государя и Родины самоотверженно до конца исполнять и лежащий на них служебный долг». И далее: «Ныне в особенности чины тюремной администрации должны твердо стоять на страже установленного порядка содержания арестованных. Те лица, которые не найдут в себе силы неуклонно осуществлять эту задачу, не могут признаваться отвечающими современным условиям тюремной службы».

На предложения несколько смягчить положение политических заключенных он неизменно кратко отвечал: «Тюрьма есть тюрьма», давая понять, что никаких послаблений не будет.

Когда же ему замечали, что на него может быть совершено покушение, Максимовский отвечал: «Если по соображениям личных свойств люди станут уходить с возложенных на них постов, то кто же будет служить Родине?»

...В понедельник, 15 октября 1907 года был приемный день. Около двух часов дня в Главное тюремное управление, расположенное на углу Греческого проезда и 7-й Рождественской улицы, в числе других посетительниц вошла молодая женщина в черном закрытом платье. Она осмотрелась, а затем сразу же подошла к сидевшему за столом курьеру.

— Голубчик, доложите обо мне начальнику управления, господину Максимовскому, — негромко, но требовательно попросила она.

— По какому вы делу-с? — осведомился тот.

— Об этом я скажу лично Александру Ми-

хайловичу, — сухо ответила женщина.

— Подождите-с, — проговорил курьер и исчез за дверью.

Через некоторое время к посетительнице вышел инспектор Д. Ф. Огнев.

— Вы по какому делу к Александру Михайловичу, сударыня? — спросил он.

— Видите ли, — начала женщина, — я хочу лично говорить с начальником по делу моего родственника. Фамилия его Новоселов. Я жена его брата. Дело в том, что Новоселов находится сейчас в пересыльной тюрьме. Он приговорен к каторжным работам за покушение на грабеж артельщика у Калининского моста. У него очень слабое здоровье, и мы, родственники, хотели бы облегчить его пребывание в тюрьме. Мы намерены передавать ему домашнюю пищу, так как тюремная для него, как человека больного, очень тяжела. Начальник тюрьмы нам отказал в этой просьбе.

— И совершенно обоснованно, — сухо вато ответил Огнев. — Ваша просьба не основана на законе, и она не может быть удовлетворена.

— Но что же в таком случае делать? Как помочь больному человеку?

— Надо написать официальное прошение начальнику тюрьмы. Тюремная администрация освидетельствует Новоселова, и если врачи найдут его больным, которому требуется особый режим, то по их предписанию он будет переведен на больничную порцию. Вот и все. Я думаю, вам не стоит беспокоить по этому вопросу начальника управления.

— Я с этим категорически не согласна, — вдруг резко проговорила женщина. — И прошу вас доложить обо мне начальнику. Я знаю, что Александр Михайлович — человек очень гуманный. Он не откажет в моей просьбе. Я настаиваю на том, чтобы он принял меня.

— Хорошо, — проговорил Огнев, — я доложу о вас начальнику.

Инспектор зашел в кабинет к Максимовскому.

— Александр Михайлович, одна дама очень настойчиво просит, чтобы вы ее приняли. Я разговаривал с ней, пробовал убедить, что просьба незаконна, но она и слушать ничего не хочет.

— Что же она просит?
— спросил Максимовский.

— Она изъявила желание получить от нас разрешение на передачу осужденному на каторгу Новоселову домашней пищи. Эта просьба идет вразрез с тюремными правилами. Я полагаю, что едва ли нужно вам лично говорить с ней. Порядок подачи прошения я ей объяснил.

— Передайте посетительнице, что я ее приму, как только освобожусь. И пригласите ее в приемную перед моим кабинетом. Пусть там подождет, — сказал Максимовский.

Ждать женщине пришлось довольно долго. Однако она сидела спокойно и терпеливо. Сотрудники управления, проходившие мимо, изредка бросали на нее любопытные взгляды. Дело в том, что маленькое помещение приемной наполнилось каким-то странным терпким запахом. «Ну, и надушилась же она», — недовольно пробурчал один из сотрудников.

Около пяти часов вечера дверь кабинета раскрылась, и в приемную вышел Максимовский. Женщина поднялась ему навстречу.

— Какое у вас до меня дело, сударыня? — мягко спросил он, сделав несколько шагов навстречу.

— Я хотела бы обратиться с просьбой... — начала она, однако, не договорив, вдруг резко подняла правую руку на уровень лица Максимовского. В руке блеснул браунинг. Прозвучал выстрел. Максимовский сделал шаг вперед и упал на пол, обливаясь кровью. А женщина спокойно вышла в зал. Начальник богородицкой уездной тюрьмы Московской губернии Колтынин-Сухонин дожидался здесь представления начальнику. Услышав выстрел, он вскочил на ноги. И тут увидел женщину с браунингом в руке. Он подскочил к ней и схватил за руки. Пытаясь вырваться, женщина произвела еще пять выстрелов, однако они никому не причинили вреда. Сбегавшиеся на выстрелы чиновники управления обезоружили террористку.

...Максимовский лежал на полу. Пуля раздробила ему челюсть и прошла через голову. Из рта текла кровь, но он был еще жив.

Помощник начальника

управления М. М. Боровитинов и инспектор С. Н. Рагозин вместе с прибывшими вскоре врачами бережно уложили раненого в карету «Скорой помощи» и доставили в императорский клинический институт великой княгини Елены Павловны. Хирурги находили положение безнадежным. В 6 часов 30 минут А. М. Максимовский, не приходя в сознание, скончался на операционном столе.

А тем временем в здании Главного управления шел допрос террористки.

Она категорически отказалась назвать свое имя, ничего не объясняла и на все задаваемые ей вопросы только смеялась. При обыске у нее был обнаружен еще один браунинг с полным комплектом патронов. А на груди, под платьем, — мешочек, от которого шли шнурки в карман.

— Что это у вас на груди за мешочек? Шнурки какие-то еще? — поинтересовался один из чинов полиции.

— А вы дерните за шнурочки, тогда и узнаете весь секрет, — смеясь, ответила женщина.

Заподозрив неладное, полицейские вызвали техника, специалиста по

взрывным устройствам. Техник со всеми предосторожностями перерезал шнурки и снял мешочек. От него исходил резкий запах, напоминающий смесь миндаля и эфира. Именно этот запах сотрудники и приняли за крепкие духи. Когда мешочек вскрыли, то увидели, что он наполнен динамитом. Это было взрывное устройство новой конструкции.

— 13 фунтов динамита. Да его хватило бы на то, чтобы разнести все это здание, — сказал техник.

Обезвредив взрывное устройство, полиция снова приступила к допросам. Однако террористка либо отказывалась отвечать на вопросы, либо называла себя разными вымышленными именами и прозвищами. Установили только, что она никакого отношения к осужденному на каторгу Новоселову не имеет. Это была ее легенда, причем, как оказалось, выверенная даже в деталях.

На подмогу полицейским прибыли сотрудники охранного отделения, занимавшиеся расследованием террористических актов. Увидев арестованную, один из них удивленно воскликнул:

— Да ведь это же Евсталия Рагозинникова, уфимская мещанка. Она была одно время ученицей в Петербургской консерватории, потом связалась с революционерами, участвовала в нескольких нападениях с террористической целью. По нашим сведениям, она должна находиться на исследовании в больнице для душевнобольных св. Николая Чудотворца. Значит, сбежала оттуда. Вот те раз.

Да, действительно это была Евсталия Рагозинникова, член летучего отряда боевой дружины Петербургского района партии социал-революционеров. И именно ей после побега из клиники было поручено привести в исполнение приговор, вынесенный социал-революционерами начальнику Главного тюремного управления Максимовскому.

С места преступления Рагозинникову под усиленным конвоем доставили в охранное отделение, где ее стали допрашивать следователи.

Рагозинникова и здесь отказалась от показаний, подтвердив только, что убила Максимовского по приговору социал-революционеров за то, что

он якобы ввел на каторге наказание плетьюми. Однако это была явная выдумка, так как наказание плетьюми было введено задолго до назначения Максимовского начальником Главного тюремного управления. Не смогли следователи выяснить и цель спрятанного на теле террористки взрывного устройства. Одни полагали, что она намеревалась взорвать его в случае, если бы начальник отказал ей в приеме, другие считали, что террористка воспользовалась бы им, когда ее привели бы в охранное отделение, предварительно тщательно не обыскав.

...Следствие по террористическим актам проводилось в то время стремительно. Рагозинникову посадили в отдельную камеру. Там она вела себя спокойно, только пела революционные песни. В тот же день, вечером, весь следственный материал по факту совершения террористического акта был направлен в военную окружную суд.

Утром 16 октября 1907 года Рагозинниковой был вручен обвинительный акт, а уже в три часа дня она предстала перед

судом. Свидетелями в суд были вызваны инспектор Огнев и еще трое служащих, принимавших участие в задержании террористки.

Весь процесс занял не более часа. На все задаваемые ей вопросы Рагозинникова отмалчивалась или же откровенно смеялась судьям в лицо. Ее поведение, без всякого сомнения, свидетельствовало о том, что она психически больна. Однако вопрос о проведении экспертизы на суде даже не поднимался. Защитника у подсудимой не было.

Прокурор произнес краткую обвинительную речь. После этого небольшое резюме сделал председатель суда. Приговор вынесли быстро.

За принадлежность к преступному обществу и убийство начальника Главного тюремного управления Максимовского мещанка Евсталия Рагозинникова на основании 279 статьи 22 книги военных постановлений приговаривалась к

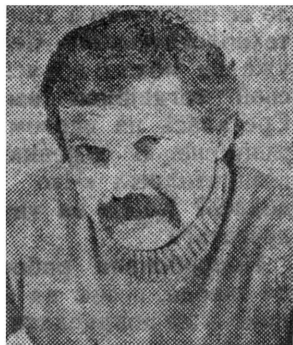
смертной казни через повешение.

Спокойно выслушав приговор, Рагозинникова низко поклонилась судьям и рассмеялась.

Приговор был приведен в исполнение немедленно.

...Максимовского похоронили на Волковом кладбище Петербурга 18 октября 1907 года. А 31 октября последовало высочайшее соизволение императора об учреждении из добровольных пожертвований особого фонда имени А. М. Максимовского для выдачи пособий членам семей сотрудников тюремного ведомства, сделавшихся жертвой террористических актов при исполнении своего служебного долга. Первое пожертвование в фонд в сумме 500 рублей поступило от сестры погибшего — Максимовской. Перед революцией общая сумма фонда превысила 50 тысяч рублей.

Деньги из фонда выдавались регулярно. ■

Кривая

ЖИЗНЬ

— Здорово мужики! — доносится с порога бесшабашный женский голос. Господи, опять в редакцию пришла эта женщина! Мужики, в предвкушении очередного «концерта», наперебой бросаются к ней, помогают снять пальто, угощают сигаретами, предлагают чай. Ухаживание она принимает привычно, с удовольствием отвечает, заразительно смеется над немудрыми шутками. Ей нравится быть объектом повышенного внимания.

Наконец чай выпит, сигарета выкурена, запас дежурных шуток истощился. Я тоскливо смотрю в потолок: почему-то объектом своих излияний и жалоб эта женщина, назовем ее, ну, скажем, Ве-

ра, выбрала меня. Чем уж я ей приглянулся, не знаю, вероятно, умением слушать, не перебивая. Женщина сразу же преображается. Она долго теревит в руках носовой платок, часто и жалостно сморкается, достает кучу каких-то бумажек и документов и истоиво смотрит на меня, как на икону. Видимо, верит в мое всемогущество. Приготовления закончены, и Вера, наверное, в сотый раз рассказывает мне о своей незадавшейся жизни. Вот она вкратце.

Окончив школу, Вера не захотела жить в деревне, бросила своих родителей - пенсионеров и приехала в Москву. Решила поступать в институт, все равно в какой. Занес-

ло ее почему-то в химикотехнологический. Сейчас уже не может объяснить свой тогдашний выбор. Срезалась на первом же экзамене. В деревню не возвратилась: «Что там делать? Коров за титьки дергать?»

Попробовала работать на заводе, потом на фабрике — не понравился жесткий график. Так и перебывалась семнадцать лет: то дворником, воспитателем в общежитии, оператором газовой котельной, потом диспетчером, лифтером... И личная жизнь не сложилась. Пообещал один москвич жениться, Вера и клюнула на прописку и жилье. А он, подлец, добился своего, да и ударился в бег. А потом Вера стала жить у холостых мужчин. Готовила еду, стирала бельишко, убирала, мыла, ну и «постельные обязанности» выполняла, конечно. Попадись ей тогда хороший человек, может быть, и стала бы Вера примерной и заботливой женой. Все задатки у нее этого были. Не встретилась! Приестся очередному ухажеру, тот ее сразу взащей со всеми манатками. Да их, впрочем, и на маленький чемоданишко не хватало.

А годы-то идут, да и ре-

беночка с одним хахалем прижила. Стали вроде бы семьей жить, собирались расписаться, да парень-то этот, шофер он был, по пьяной лавочке задавил кого-то, ну и загремел в колонию. Мать его тут же Веру с внуком своим и выперла из квартиры. Почти нагишом. Вера за свои кровные диван купила, телевизор, гардероб, еще кой-чего по мелочи — ничего не отдали.

Вера молча слезы проглотила и стала в очередной раз обустроиваться. Прописки нет, жить с сыном негде. Правда, сынка-то она быстро спихнула в деревню к любимым родителям. Пусть развлекаются на старости лет! Тут как раз еще один вариант подвернулся. Подыскали ей знакомые пару подходящую. Один «фарцовщик» средней руки под следствие попал, и светила ему тюрьма. Да на свою беду был он холостым. Несведущим поясню: по тогдашним законам человек, осужденный на срок свыше шести месяцев, терял право на прописку, а следовательно, и на жилплощадь.

Кто-то из добрых людей и научил спекулянта оформить фиктивный брак с Верой. А дальше так: он сидит, она, его жена лю-

бимая, дура послушная, стережет квартиру, а после прописывает законного мужа к себе. За эту услугу, прямо скажем, очень ценную, будет Вера все эти годы в квартире хозяйкой.

Расписались, да не выгорело у Веры ничего. Парень оказался третьим калачом, сунул кому надо, сыграл под психа-инвалида, в общем дело до тюрьмы не дошло. Значит, и услуга Верина не понадобилась. Сначала муженек разлюбезный напоминал об этом, потом стал в открытую гнать, угрозы посыпались, до кулаков дело дошло. Три года Вера продержалась, пока парень настоящую жену не привел...

Что дальше делать? С московской пропиской пристроили Веру воспитателем в строительное общежитие, дали служебную двухкомнатную квартиру, мебель кой-какую... Вера быстро сына выписала из деревни, но поработала годик, и тоска ее зеленая обуяла. Не меньше десяти лет надо так трубить, чтобы на комнату только рассчитывать. Уволилась. Сынка в деревню, вещи — в камеру хранения при общежитии, сама — диспетчером в газовой котельне.

Сначала и спала у котлов, на тюфячке каком-то, потом опять мужики стали в гости к себе приглашать. Так и покатилося все по накатанной колее. Мир не без добрых людей, показали ей комнату, пустующую в заброшенном доме. Въехала туда. Пошла за вещами в общежитие, а там уж почти все растащили. Не в первый раз....

Опять товарки помогли, прихватили Веру на день рождения к одному холостяку, Михаилу. Веселились от души, а когда стали расходиться, хозяин предложил ей остаться на ночь. Согласилась... Стали жить вместе. А чтобы трехлетняя московская прописка от первого фиктивного мужа не пропала, Вера уговорила своего нового хахалю поступить таким же макаром. Написала ему несколько расписок по поводу фиктивного их брака. Тот согласился по доброте душевной и оплатился вскоре. Вера сына-школьника привезла из деревни, родные и знакомые стали к ней похаживать. В общем, второму фиктивному мужу места в комнате не нашлось. Что называется; не вписался в интерьер. Полтора года Михаил по разным углам мыкался,

расписки Вере показывал, думал, совесть она поймет. Не тут-то было: «Я суда не боюсь — у меня ребенок маленький!» Вот и весь сказ. Не то что Вера злая была или очень подлая, нет, просто ожесточилась она от жизни такой до крайности, да и деваться, кроме трущоб, ей было некуда.

Помните сказку: «У Лисы изба была ледяная, а у Зайца — берестяная. Солнышко пригрело, лед растаял, и осталась Лиса без домика. Пошла она к Зайцу: «Пусти, Заяц, переночевать». Пустил Заяц Лису в свою избушку берестяную...» Разные звери пытались помочь Зайцу, но только Петух сумел к концу сказки выгнать Лису.

За большие деньги и Михаила научили, как ему Веру выселить. Вот как это он сделал. Предложил Вере развестись. Та подумала-подумала и согласилась: право на жилплощадь сохраняется, да разведенной и жить проще. Потом отвел ее Михаил к своему знакомому, начальнику какой-то жилищно-коммунальной конторы. Тот предложил: дескать, готов взять Веру дворником, предоставить комнату служебную в новой квартире, да

имеется здесь одна ковычка. Правило это распространяется только на лимитчиков. Вот пусть Вера со своей жилплощадью выпишется, он ее и пристроит. А для верности гарантийное письмо дал, там даже адрес будущего жилья указан, да за услугу тысячу рублей слупил. Все честь по чести.

Вера заколебалась — свой-то угол лучше чужих хором. Тут еще Михаил нажал. Приходил с работы пьяным, начал ее сына обижать крепко. Дальше — больше: то ключи отберет, то из дома на мороз выгонит. Теперь пришлось Вере с сыном слоняться по Москве. «Все опять повторится сначала!» Видя ее сомнения, Михаил предложил обратиться с вопросом в паспортную службу. Из МВД ответили невразумительно. Этот ответ и стал главным козырем Михаила: убедил-таки он Веру, что «таможня согласна». Скрыл, правда, от нее, что правила прописки в Москве отличаются от российских или других каких.

Вере некогда было таскаться по всяким конторам, и уговорил ее Михаил оформить на себя генеральную доверенность. Бумажка эта дала ему право совершать раз-

личные действия как бы от имени Веры и по ее согласию. По его подсказке женщина писала заявления, а он относил их в учреждения. Там ему объясняли, что Вера поступает очень глупо, во вред себе, но он ссылался на ее желание.

Но главное препятствие было еще впереди: куда выписываться Вере? К московским родным или знакомым нельзя, ордера на свободное помещение нет, на служебную площадь — только по запросу соответствующей организации. Михаила и эта преграда не остановила. Он заранее проконсультировался и знал, что за пределы Московской области выписывают, так сказать, за милую душу, без всяких документов. Поэтому и предложил Вере Воронеж. Там ее сестра родная жила. Успокоил же ее следующим образом. Действительно, в паспортном столе на листке убытия напишут Воронеж. На самом же деле Вера никуда из Москвы уезжать не будет, устроится, как ей и обещали, дворником и получит служебное жилье. Как только она там пропишется, знакомый Михаилу милиционер уничтожит старый листок убытия в Воронеж

и заполнит другой, с ее будущим служебным адресом в Москве.

Вера поверила столь убедительным аргументам и переехала. Ей дали для уборки запущенный участок с несколькими помойками и замызганную комнатушку с разбитым окном в аварийном доме. Она регулярно звонила Михаилу, тот регулярно ссылался на всякие препоны, а время, между тем, шло.

Наконец Вера узнала всю правду. Что лимит коммунальным конторам давно закрыт и для получения служебного жилья надо иметь московскую прописку; что не гарантийное письмо, а только ордер, выданный райисполкомом, является единственным законным основанием для получения жилплощади; что никакого знакомого у Михаила в милиции нет и что дура она набитая, которую обвели вокруг пальца.

Она бросилась в суд, но там ей отказали в иске. Право на жилье сохраняется только в течение шести месяцев с момента выезда, а голову ей дурили почти год. К тому же Михаил куда-то переехал, в комнате живут новые люди, а старый начальник РЭУ уволился и деньги не вернул. Как говаривали в

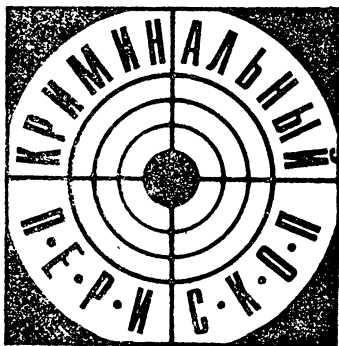
старину: и взятки гладки.

Вера до сих пор работает дворником, живет с сыном в разваливающемся доме, мучается без прописки. В деревню возвращаться не хочет. И еще она жалуется кругом на Михаила. Это он ей жизнь погубил, молодость, здоровье и красоту отнял, из комнаты выбросил, заставил убирать помойки и мыкаться в трущобах.

...Вера заканчивает свой горемычный рассказ, еще несколько раз жалостно сморкается в платок, вытирает слезы, забирает со стола свои бумажки. Я предлагаю ей чашку чая, сигарету. Она с удовольствием берет то и другое. А я думаю о ее незадачливой судьбе. И вроде бы

жалко мне ее, бабуху несчастную, а вроде бы и нет. Спору нет, обманул ее Михаил, да ведь вначале она его обмишурила. По сути дела, ее вернули в прежнее состояние: не было прописки и жилплощади до фиктивных браков — нет и сейчас. В чем же ущерб с точки зрения юридических канонов? Все строго по закону. Как и чем ей помочь — сама себе такую жизнь выбрала.

Некоторое время мы говорим с ней «за жизнь». Потом она одевается и с порога мы слышим бесшабашное: «Пока, мужики!» Вера задорно машет нам рукой и исчезает в московской круговерти. До следующего раза...

Пакистан согласился выдавать Ирану сбежавших из страны уголовных преступни-

ков, дезертиров, пытавшихся скрыться от наказания. Об этом говорится в соглашении, подписанном по окончании трехдневного заседания совместной ирано-пакистанской пограничной комиссии, проходившего в восточном иранском городе Захедан. Стороны договорились увеличить число пропускных пунктов с целью борьбы против контрабанды наркотиками и создать в приграничных районах общие рынки торговли.

Подготовил
Геннадий ЧАРОДЕЕВ

БИТЬ ИЛИ... ЛЕЧИТЬ?

На дворе март. Еще не весна, но уже и не зима. Оттепели сменяются заморозками, снегом, и вновь сугробы оседают лужами. С точки зрения криминогенной ситуации весна не простое время. Учащаются случаи нападения на женщин. Преступность из подъездов, подвалов и чердаков выходит на улицы. Замечено, что весной резко обостряются заболевания психики, нервной системы, отмечается повышенная возбудимость людей. Весна...

Известно, что приемы самообороны вообще разделяются на «зимние» и «летние». Они существенно отличаются друг от друга. Например, «летний» захват за волосы (при удержании) зимой сменяется воздействием на горло, основные удары перемещаются на открытые части тела: лицо, шею, ноги. Имеет свой «почерк» и весна, особенно ранняя. Для марта характерен гололед. Практически каждое утро вытаявшие за день лужи превращаются в маленькие катки. Лед коварен. Практически полностью на нем «выключаются» ноги. И надо быть большим «фанатом» у-шу или карате, чтобы закрутить здесь какой-нибудь «финт» ногой.

В условиях гололеда самое главное — устоять на ногах. Непросто здесь выполнить бросок, ибо собственная инерция

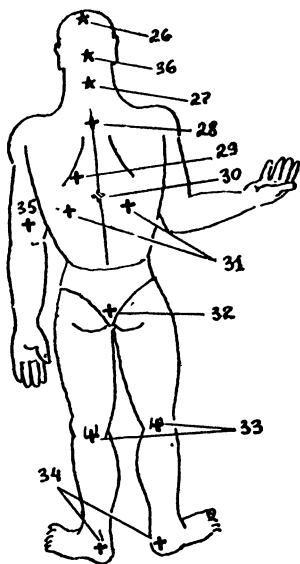
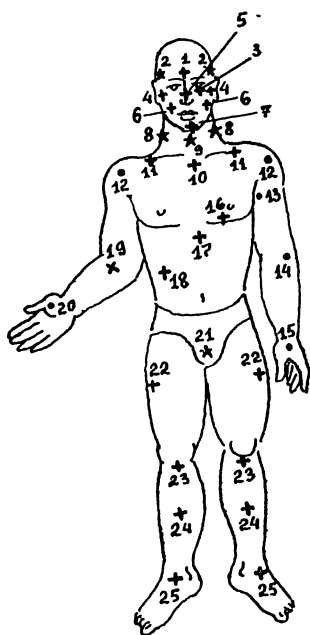
легко выводит из равновесия и вас самих.

Но лед, кроме недостатков, имеет и преимущества. Например, даже физически слабому человеку ничего не стоит на льду сбить с ног ударом под стопу более сильного противника. Непросто догонять человека, особенно если он использует не столько бег, сколько перебежку с элементами скольжения.

Сегодня мы поговорим об одном из важнейших разделов самозащиты — о так называемых «болевых точках». Это позволит вам уравнивать силы с самым могучим противником. Одно удачное воздействие (удар, толчок), и человек «отключается» иногда на целые минуты.

Что же такое «болевы́е точки»? Чаще всего это нервные центры, такие, например, как подвздошная область, глазницы и т. д. «Болевыми» являются области, где расположены жизненно важные органы (печень, почки, пах). Также сильный болевой импульс «выдают» кости и суставы. Особенно надкостница голени, стопа, локтевой сустав и т. д.

По характеру боли все болевые точки можно условно разделить на: точки «ослепляющей» (удар в лицо, в сустав), «взрывной», но достаточно быстро проходящей боли; «оста-

навливающей» (удары в надкостницу, в район печени, подвздошную область), резкой, медленно проходящей боли и «парализующей» (удары в пах, в глаза, в шею) боли. После точного воздействия на эти точки «противник» почти мгновенно и полностью теряет способность к каким-либо действиям и не контролирует свое состояние.

Мощные удары в точки «парализующей» боли являются опасными для жизни и могут привести к смерти.

Поэтому болевые зоны делятся также по степени опасности для жизни: на особо опасные, травмирующие и просто «болевые».

На рисунке, который вы ви-

дите, звездочками обозначены особо опасные для жизни зоны, точками — травмирующие, крестиками — «болевые».

Что надо помнить при изучении болевых точек?

Во-первых, **строго-настрого возбраняется их изучение на живых людях.** Для этого лучше всего подходит манекен, на котором помечены краской места воздействия.

При отсутствии манекена достаточно сделать три плаката в рост человека (спина, лицо, профиль) и повесить их на стене. Совсем не обязательно бить в них «со всей мощью». Учтите — **точное воздействие на точку вызывает необходимый эффект даже при легком тычке.**

Второе — учитесь пользоваться точками. Нет никакого смысла наносить приставшему пожилому пьянчужке удар в шею или глаза. С него вполне будет достаточно пинка в голень.

Только при опасности вашей жизни вы вправе воспользоваться своим знанием точек, обозначенных звездочкой.

Чтобы обнаружить точку, достаточно легкого нажатия пальца. И в искомом месте вы почувствуете ощущение распирания или легкое покалывание. Кстати, эти же точки используются и при самомассаже. Знание их — это не только ваше оружие, но и ваше лекарство. Например, массаж точки № 2 помогает при головных болях, а воздействие на точки № 9 и № 6 снимает приступы ангины.

Итак: что есть что?

1. Основание носа.

2. Височные области:

3. Глазное яблоко.

4. Ушные раковины.

5. Переносица.

6. Подчелюстная область.

7. Подбородок.

8. Крупные кровеносные сосуды шеи.

9. Кадык.

10. Яремная выемка.

11. Ключицы.

12. Плечевой сустав.

13. Подмышечная область.

14. Локтевой сустав.

15. Кисть.

16. Область сердца.

17. Подвздошная область.

18. Печень.

19. Сгиб локтя.

20. Основание большого пальца.

22. Бедренная мышца.

23. Коленный сустав.

24. Надкостница голени.

25. Сустав стопы.

26. Затылок.

27, 28, 30. Позвоночник.

29. Область сердца.

31. Почки.

32. Копчик.

33. Подколенный сгиб.

34. Ахиллесово сухожилие.

35. Локтевой нерв.

36. Мозжечок.

Сейчас такое время, когда многое переосмысливается, видится иначе. Мы препарируем наше прошлое, рассматриваем его под лупой в поисках истины. Все это прекрасно. Так, наверное, и должно быть. Только всегда ли; разоблачая обман или стараясь заполнить «белые пятна» нашей истории, мы стараемся отыскать именно правду? Увы, далеко не всегда. Многие журналисты просто гонятся за сенсацией. Они стараются угостить читателя чем-нибудь новеньким и вольно или невольно создают новые мифы. Перекрашивая белые пятна истории в черные, эти журналисты не утруждают себя кропотливой, исследовательской работой, подтасовывают факты, громоздят новые горы лжи. Есть и такие, которые заблуждаются искренне, большинство же, к сожалению, создают свои мифы сознательно, отыскивая врагов там, где их не было, приписывают преступления тем людям, которые их никогда не совершали.

КОГДА БОЛЬНО

«ЭТА ВЕСТЬ ПО СЕРДЦУ ПОЛОСНУЛА...»

Не избежал досадного промаха и автор журнала «Человек и закон» Сергей Куняев. В № 8 за 1989 год он высказал предположение, что великий русский поэт Есенин был лишен жизни некими враждебными силами. Не думаю, что этот журналист нарочно хотел сбить читателя с толку, навязать ему заведомо лживую точку зрения. Нет, у Куняева просто не было нужных знаний и навыков, поэтому он и ошибся. Ему простительно — не профессионал, а вот другие авторы — следователи и медики, которые печатали произведения на эту же тему в ряде изданий, должны были проявить большую ответственность при разработке своей версии трагической гибели поэта. Попытаюсь проанализировать доводы тех, кто утверждает, что Есенин был кем-то убит, с точки зрения судебной медицины и криминалистики.

Для того, чтобы установить причину смерти С. А. Есенина, надо тщательно проанализировать архивные документы — Акт судебно-медицинского исследования тела и Акт осмотра места происшествия. Как и положено при начале расследования, ознакомимся с Актом осмотра места происшествия, составленным 28 декабря 1925 года участковым надзирателем 2-го отделения ЛГМ М. Горбовым (здесь и далее стиль и пунктуация оригиналов сохранены): «...Обнаружен висящим на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея была затянута не мертвой петлей, а только правой стороной шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватил за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были

около 1¹/₂ метров, около места, где обнаружен повесившийся, лежала опрокинутая тумба, и канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре его было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез, а на левой стороне на кисти царапины, под левым глазом синяк. Одет в серые брюки, ночную белую рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам повесившийся оказался Есенин Сергей Александрович.

Итак, тело поэта обнаружено висящим в петле. Прежде всего сотрудник милиции, прибывший на место обнаружения трупа, обязан был убедиться, мог ли Есенин сам дотянуться до места, где завязана петля, мог ли завязать свободный конец петли «под самым потолком». Сегодня многие авторы утверждают, что не мог, так как в гостинице «Англетер» потолки были очень высокими. Тут-то

МЕРТВЫМ И ЖИВЫМ

они и совершают первую ошибку в доказательстве своей версии о том, что поэт был кем-то повешен. И вот почему: рост у Есенина был средний — 168 сантиметров, высота тумбочки, на которую он встал, — 1,5 метра. Прибавим поднятую руку — 60—70 сантиметров, получается как раз около 4-х метров. Действительно, если смотреть снизу, то кажется, что висел Есенин «под потолком».

Основным признаком повешения при судебно-медицинском исследовании трупа является странгуляционная борозда — след от давления петли на кожу шеи. Что же записано в Акте исследования тела? Цитирую: «На шее над гортанью красная борозда, другая тянется слева вверх, теряющаяся около ушной раковины спереди. Справа борозда идет вверх к затылочной области и тоже теряется: ширина борозды с гусиное перо». Судя по описанию, на шее поэта имелась косо восходящая снизу вверх, справа налево незамкнутая странгуляционная борозда, характерная для затягивания петли тяжестью тела. Сторонники версии убийства поэта считают, что если нет «мертвой» петли вокруг шеи, то человек не может умереть, да и хрящи гортани, мол, у Есенина были целы. На это я скажу вот что: современные судебные медики избегают понятия «мертвая петля». Существуют петли «открытые» и «закрытые». Смерть может наступить при применении любой из этих петель. Да и повреждения хрящей гортани встречаются далеко не в каждом случае повешения, как это считает доктор медицинских наук профессор-патологоанатом Ф. Морохов («Труд», № 101, 1989), тем более, что петля на шее Есенина располагалась над гортанью. При подобной локализации петли хрящи гортани, как правило, не повреждаются.

И еще о борозде на шее. Бывший следователь Э. А. Хлысталов в книге «Тайна убийства Сергея Есенина» (Москва, Феникс, 1991) недоумевает: «На первой фотокарточке мертвый поэт лежал на диване... И сколько я ни всматривался в фотокарточку, признаков наступления смерти от удушья не видел. Не было высунутого изо рта языка, придающего лицу висельника страшное выражение». Все это, мягко говоря, неправда, ибо в Акте отмечен зажатый между зубами кончик языка (на фотографии этого могло быть и не видно), что также часто встречается при повешении именно в тех случаях, когда петля располагается в верхней части шеи над гортанью.

В качестве доказательства отсутствия борозды на шее Есенина Хлысталов приводит строки стихотворения В. Князева, видевшего тело покойного в море:

В маленькой мертвецкой, у окна
Золотая голова на плахе;
Полоса на шее не видна —
Только кровь чернеет на рубахе...

Видимо, строки эти и заставили следователя спросить: «Почему у покойного поэта не видно странгуляционной борозды? Она на шее повешенного или повесившегося не исчезает, имеет ярко выраженный красно-фиолетовый цвет». Однако следователю, я думаю, надо было прежде всего заглянуть не в поэтическое произведение, а в Акт, в свое время составленный его коллегой. В этом Акте черным по белому написано: «На шее над гортанью красная борозда...» Я думаю, читатель со мной согласится, что стихотворение, даже самое искреннее, не является в данном случае доказательством по делу. Однако и другой исследователь, профессор Морохов, тоже опирается на это произведение. Особенно на последнюю строку четверостишья.

Город спит. Но спят ли те, кого
Эта весть по сердцу полоснула —
Что не стало более его,
Что свирель ремнем перехлестнула...

Профессор утверждает, что «повеситься на ремнях крайне трудно, если совсем невозможно». Замечу, это утверждение несостоятельно с судебно-медицинской точки зрения. Такие случаи есть. С помощью ремней, увы, лишил себя жизни не один человек. Но мне непонятно, почему те, кто изучает причину гибели Есенина, заговорили о ремне? Ведь в Акте осмотра места происшествия отмечено: «При снятии трупа с веревки...», «борозда шириной с гусиное перо». Да и С. Куняев в своем трагическом, пронизанном болью за судьбу поэта исследовании приводит очень интересное свидетельство Г. Устинова: «Труп держался одной рукой за трубу отопления. Есенин не сделал петли, он заматал себе шею веревкой, так же, как заматывал ее шарфом. Он мог выпрыгнуть в любую минуту». Значит, все-таки веревка, а не ремень... А теперь зададимся вопросом — можно ли «выпрыгнуть» из петли? На это дали ответ два профессора судебной медицины — Н. Миновичи в Румынии и Флейхман в Германии. Они провели ряд экспериментов на себе и доказали, что помочь себе спастись, ослабить петлю человек не может, не говоря уж о том, чтобы «выпрыгнуть» из этой петли.

«ПОСЛАНИЕ КОЛЛЕГЕ?»

Что же стало причиной смерти поэта? По мнению профессора Ф. Морохова, он был удушен, скорее всего, подушкой. Но давайте профессиональный разговор вести на профессиональном уровне. Когда дыхательные отверстия рта и носа закрывают подушкой или пиджаком, то у покойного должны произойти уплощение и некоторая деформация носа и губ. Прижатые части лица становятся бледными, меняют окраску, но ни на одной из фотографий, на которые ссылаются авторы, этих явлений не отмечено. Не описаны они и в Акте исследования трупа. Если человек задушен, на слизистой оболочке его губ, на деснах часто появляютсяссадины, кровоподтеки, ранки слизистой, даже переломы зубов, а в полости рта, глотки и в дыхательных путях — посторонние частицы. Но эти признаки в Акте также не отмечены. Как же в таком случае можно высказывать предположение, что поэта задушили подушкой? Делать подобное никто не имеет права, даже если это кому-то и очень хочется!

Некоторые авторы утверждают, что тело Есенина исследовали малоквалифицированные специалисты. Я с этим категорически не согласен. Заключение судебного медика для тех лет вполне профессионально. Тело вскрывалось грамотным, эрудированным экспертом, выпускником Военно-медицинской академии. Изменения, описанные при внутреннем исследовании, соответствуют смерти от механической асфиксии с учетом прижизненной странгуляционной борозды на шее

Нельзя согласиться и с мнением Е. Черносивтова («Ветеран» № 4, 1990), что «описание состояния мозга не соответствует описанию состояния других органов». Автор считает, что картина состояния мозга, как следует из Акта исследования трупа, составленного А. Гиляревским, «могла бы соответствовать смерти, например, от острой сердечно-сосудистой недостаточности (и то не полностью) или от отравления некоторыми быстродействующими ядами». «Убежден,— продолжает далее Черносивтов,— что бросающееся в глаза профессионалу несоответствие патологоанатомических данных исследования мозга и других внутренних органов — не небрежность и не показатель невежественности врача. Это сделано сознательно, преднамеренно. Это сделано как указание для всякого другого судмедэксперта, в руки к которому попадет данный Акт, и он поймет, что Акт этот не соответствует истине. Это послание коллеги коллеге».

Прав ли автор в своих рассуждениях? Конечно же, нет! Ибо я тот самый коллега, которому якобы и было направлено из двадцатых годов «зашифрованное письмо» судмедэксперта. Получив это письмо, утверждаю: профессиональным судебным медиком хорошо известно, что специфических изменений головного мозга, присущих лишь механической асфиксии, не имеется. Описанное в Акте состояние головного мозга поэта отнюдь не противоречит наступлению смерти именно от удушения.

Сторонников версии убийства поэта смущают повреждения, которые были обнаружены при исследовании тела Есенина.

Как же трактуют эти повреждения авторы многочисленных статей? Ф. Морохов пишет: «Как в Акте описано лицо Есенина? Следы удара в лоб тяжелым узким предметом и синяки в области глаза хорошо видны на фотографии». В одной фразе Морохов объединяет

данные из Акта: «вдавленная борозда» над переносицей и синяки на фотографии — и здесь же делает вывод: «это просто-напросто поврежденный череп». Но фотографии могут подлежать экспертной оценке только в том случае, если они соответствуют определенной методике оперативной фотографии (наличие масштаба, определенная установка света и прочее). Такими данными Морехов не располагает. В Акте же сказано четко: «кости черепа целы».

Рассмотрим «вдавленную борозду над переносицей». Поэтесса Н. Сидорина («Слово», 10, 1988) пишет: «Фотографий много, и на всех зияет абсолютно круглая дыра под правой бровью как продолжение борозды, которая, согласно акту судебно-медицинской экспертизы, произошла от «давления при повешении». Поэтому след от удара или от пули сливается с бороздой, на него не обращали внимания в течение 60 лет... посмертная маска Есенина ужасает всех, кто ее видел». Поэтессе вторит следователь Хлысталов: «...На другой фотографии поэт изображен в гробу... На лбу трупа чуть выше переносицы крупная гематома (шишка)... Гематома прижизненного происхождения». Интересно, как это следователь Хлысталов точно сумел определить, что «прижизненная»? Я тоже видел эти фотографии и заметил, что гематома на лбу покойного выступает над уровнем кожи, а «вмятина» западает. Но что это, прижизненные или посмертные повреждения? Глядя на фотографию, даже очень опытный судебный медик определенно ответить не рискует, ибо это один из самых сложных вопросов в практике судебной экспертизы.

ЭКСПЕРТ ИССЛЕДУЕТ МАСКУ

Но, а чем же мы, судебные эксперты, в данном случае располагаем? Всего лишь кратким описанием повреждения в лобной области и... посмертной маской поэта. Врач — судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории Э. И. Хомякова, имеющая специальную подготовку по медико-криминалистическим методам исследования, произвела исследование посмертной маски С. А. Есенина. И что же она установила? Цитирую ее заключение: «В области лба над переносицей (область лобной ямки) имеется углубление — вдавление слегка дугообразной формы, выпуклостью обращенное вниз влево, концы закруглены, верхний край углубления более выражен по отношению нижнего края, общей длиной 4 сантиметра... Наибольшая глубина вдавления 3,5 миллиметра». Обратите внимание — вдавление, следовательно, распространяется лишь на глубину кожи! «Таким образом, — пишет далее специалист, — при исследовании представленной гипсовой маски установлено следующее: «Каких-либо морфологических признаков, характерных для действия острых, рубящих, колото-режущих и огнестрельных орудий, на представленной маске не обнаружено. Обнаруженное углубление — вдавление в области лобной ямки образовалось в результате контакта с твердым предметом цилиндрической формы». И вот что очень важно: данных о наличии повреждений в области лобной кости не имеется. Мнение Э. И. Хомяковой совпадает с текстом Акта эксперта Гиляревского: «Кости черепа целы». Да и в сохранившейся части описания мозгового вещества признаков черепно-мозговой травмы не имеется.

Судебные медики, в отличие от исследователя-любителя, обя-

заны давать беспристрастное толкование имеющихся в их распоряжении фактов, что и сделал шестьдесят лет назад Гиляревский, а в наши дни — Хомякова. Опираясь на их исследования, можно с уверенностью утверждать: специалисты не указали на наличие черепно-мозговой травмы прижизненного или посмертного происхождения.

Тогда откуда же взялась эта «вмятина»? В Заключении Гиляревского сказано: «Вдавление на лбу могло произойти от давления при повешении». Так как авторы современных статей сомневаются в механизме происхождения этого «давления», посмотрим, что нам известно. Из Акта осмотра мы знаем: лицо поэта было обращено к трубе отопления, а вследствие бокового расположения петли головы его наклонена. Когда лоб человека долго прижат к преграде, в данном случае к трубе, то на нем образуется и кажется выпуклым из-за отека краев это вдавление. Поэтому еще раз повторю: никаких ударов, огнестрельных повреждений, никакого «выхода мозгового вещества», о котором с ужасом писали С. Кунаев и другие, быть не могло.

ОШИБКА БЫВШЕГО СЛЕДОВАТЕЛЯ И ДРУГИХ

Пойдем дальше. Э. Хлысталов размышляет: «Откровенно говоря, я не представляю, как можно написать стихотворение кровью из разрезанной вены... Пока строчку напишешь, кровью изойдешь». Вероятно, бывший следователь ненароком спутал вену с артерией... Далее он рассуждает: «...А мог ли Есенин с поврежденной веной (и мускулом) двигать этой рукой, подниматься на стол, тумбу?» Такой вопрос мог возникнуть лишь у начинающего криминалиста, к тому же не знакомого с материалами дела. Поясним — в какой момент появились повреждения на руках поэта. Вольф Эрлих вспоминает: «Перейдем к воскресенью... Побрились. Стоим около письменного стола: Сергей, я и Устинова... Вдруг Сергей говорит: «Да! Тетя Лиза, послушай! Это же безобразие! Чтобы в номере не было чернил! Ты понимаешь? Хочу написать стихи, и нет чернил! Я искал, искал так и не нашел. Смотри, что я сделал!» Засучил рукав, показывает руку, разрезано. Поднялась буча... Вслед за этим пошли: ванна, самовар, пиво, гусиные потроха, люди...»

Из этих записок видно, что Есенин разрезал себе вену накануне смерти и событие это никак с его гибелью не связано. К стати в Акте не отмечены повреждения мышц верхних конечностей. Судебно-медицинский эксперт Гиляревский указывает: «Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным и, как поверхностные, влияния на смерть не имели».

Какие же еще повреждения, по мнению частных расследователей, имелись на теле поэта? Профессор Ф. Морохов уверяет: «Есенин сначала был крепко избит, об этом же свидетельствуют кровоподтеки на легочной плевре».

Обратимся к Акту исследования: «Сердце... на наружной оболочке сзади — значительное количество точечных кровоподтеков... на легочной плевре значительное количество точечных кровоподтеков». Эти-то точечные кровоподтеки Морохов и трактует как «следы избияния», хотя точечные субплевральные кровоизлияния — пятна Тардье, описанные еще в середине XIX века, часто встречаются именно при смерти от повешения, то есть механической асфиксии.

Кстати, была ли вообще кровь на теле Есенина? Из заметок В. Рождественского узнаем: «Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным — в нем ничего не напоминало уже прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Шегольской пиджак висел туг же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки ботинок».

Вот что бросилось в глаза человеку, потрясенному видом мертвого поэта, а не потеки и лужи крови! Да и в Акте никаких указаний, что на теле покойного имеются наружные источники кровотечения, не обнаружено.

Перед судебно-медицинским экспертом, исследующим труп, извлеченный из петли в 20-е или в 90-е годы, всегда стоит вопрос: не был ли человек приведен в беспомощное состояние, а уж затем помещен в петлю? Могу с уверенностью сказать, что на теле Есенина следов, характерных для борьбы и самообороны, нет. Отсутствуют и признаки черепно-мозговой травмы, обширные повреждения, которые могли бы привести его в беспомощное состояние. Не был он и в состоянии алкогольного опьянения.

Теперь зададимся вопросами: когда наступила смерть поэта, в какое время на его шее затянулась петля? Точно определить время смерти — сложный вопрос для судебно-медицинского эксперта. Особенно в данном случае, ведь в Акте отсутствует описание трупных изменений: трупного охлаждения, состояния трупных пятен, трупного окоченения. Однако Э. Хлысталов почему-то считает, что поэт умер около 20 часов. В качестве критерия следователь приводит данные из Акта: «В желудке около 300 кубических сантиметров полужидкой пищевой смеси, издающей нерезкий запах вина».

Действительно, в последние годы в практике судебно-медицинской экспертизы применяется метод модификации секционного исследования желудочно-кишечного тракта и его содержимого при определении времени наступления смерти. В методических указаниях отмечено, что через 2,2—2,5 часа из желудка эвакуируется лишь овощная пища. Вспомним: в тот день погибший ел с друзьями гуся. Так вот, овощная пища с большим количеством мяса и умеренным количеством жира должна была уйти из желудка через 5—6 часов. Кстати, при приеме с пищей алкоголя эвакуация замедляется примерно на 1,0—1,5 часа. Значит, Есенин умер значительно позже 20 часов. И не надо было следователю Хлысталову передергивать факты даже при проведении «частного расследования». Еще Владимир Маяковский решительно выступал против развязного, обывательского отношения к памяти поэта: «Сережа» как литературный факт — не существует. Есть поэт — Сергей Есенин. О таком прошу и говорить».

О таком поэте кстати, как и о любом другом человеке, надо говорить только правду, а не копаться в обстоятельствах и причинах его трагической гибели.

Имеются ли в Акте, написанном судебно-медицинским экспертом Гиляревским, погрешности? Конечно. Но я считаю, что Акт этот вполне соответствует требованиям, предъявляемым к подобным до-

кументам в 20-х годах. Некоторым кажется подозрительным, что исследование трупа проводил лишь один человек. Однако в пункте четвертом «Положения об изменении формы предварительного дознания в случаях скоропостижной смерти», утвержденном Наркоматами юстиции, внутренних дел и здравоохранения 29 июля 1920 года, указывается: «При наличии данных или подозрений, что смерть произошла не от естественных причин, назначается подробное медицинское освидетельство трупа, причем о месте и времени его извещаются судебно-медицинские власти».

Исследование трупа Есенина проводилось в соответствии с «Временным постановлением для медицинских экспертов о порядке производства исследования трупов», утвержденным Наркоматом здравоохранения 5 мая 1919 года, которое не предусматривало обязательное комиссионное исследование трупов. Под Актом, выполненным судебно-медицинским экспертом Гиляревским, имеется подпись понятого, что тоже очень важно.

Авторы ряда публикаций упрекают доктора Гиляревского в том, что он пошел якобы на поводу официальной версии самоубийства поэта. Это утверждение неверно. Следует знать, что судебно-медицинские эксперты не решают вопрос о роде смерти: убийство, самоубийство, несчастный случай; это должен делать следователь. И все же в заключении Акта судебно-медицинский эксперт Гиляревский, не выходя за пределы своей компетенции, однозначно указал: «На основании данных вскрытия следует заключить что смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение».

Судебно-медицинские эксперты прекрасно знают, что диагностика этого вида смерти должна основываться только на совокупности общих и частных признаков, свойственных отдельным видам асфиксии. Анализ Акта позволяет считать, что смерть Есенина наступила от асфиксии, развившейся в результате сдавления органов шеи петлей. Характер странгуляционной борозды свидетельствует о том, что петля затягивалась тяжестью тела, то есть имело место повешение. Однако, настаивая на своей версии о том, что поэт был кем-то убит, и не умея ее убедительно обосновать, многие авторы требуют эксгумации тела поэта. Но, прежде чем тревожить прах покойного, надо тщательно взвесить все «за» и «против». Гробокопателям следовало бы подумать, на какие вопросы они смогут получить ответы, представить, что сохранилось в земле. Последнее слово должно принадлежать только специалистам, а не любителям сенсаций. Только профессионалы могут и имеют право решать вопрос о необходимости эксгумации. Но я надеюсь, что прах поэта тревожить не будут. И вот почему. В конце декабря 1991 года состоялось расширенное заседание специальной комиссии Есенинского комитета Союза писателей, на которой присутствовали судебно-медицинские эксперты, члены научной группы по подготовке академического собрания сочинений С. А. Есенина, авторы статей о смерти поэта. На этом заседании я познакомил присутствовавших с результатами работы специалистов по изучению документов.

Комиссия пришла к выводу, что в настоящее время нет материалов, которые могли бы опровергнуть содержание Акта вскрытия тела С. А. Есенина и заключения судебно-медицинского эксперта А. Гиляревского от 29 декабря 1925 года о причине смерти поэта.

«НЕ ВИНИТЕ НИКОГО...»

Сергей Александрович Есенин ушел из жизни в Ленинграде 28 декабря 1925 года, а через несколько лет в одиннадцатом часу утра 14 апреля 1930 года прозвучал выстрел в Лубянском проезде, в Москве. Оборвалась жизнь еще одного поэта. Ленинградская «Красная газета» сообщила: «Сегодня в 10 часов 17 минут в своей рабочей комнате выстрелом из нагана в область сердца покончил с собой Владимир Маяковский. Прибывшая «Скорая помощь» нашла его уже мертвым. В последние дни В. В. Маяковский ничем не обнаруживал душевного разлада и ничто не предвещало катастрофы.

...Сегодня утром он куда-то вышел и спустя короткое время возвратился в такси, в сопровождении артистки МХАТа. Скоро из комнаты Маяковского раздался выстрел, вслед за которым убежала артистка. Немедленно была вызвана карета «Скорой помощи», но еще до ее прибытия Маяковский скончался. Вбежавшие в комнату нашли Маяковского лежащим на полу с прострелянной грудью».

Это так называемая «официальная» версия. Но что может сегодня выглядеть достовернее «официальных версий» 30-х годов, тем более, что следственные материалы по факту смерти поэта до сих пор недоступны исследователям? О том, что дело было заведено, писала газета «Правда»: «Как сообщил нашему сотруднику следователь тов. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта. Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт еще не совсем поправился».

Известно, что последним человеком, который видел поэта живым, была 22-летняя актриса Московского художественного театра Вероника Витольдовна Полонская, торопившаяся в то утро на репетицию, которую проводил В. И. Немирович-Данченко, не терпевший опозданий В. Полонская вспоминала: «Я вышла. Прошла несколько шагов до парадной двери. Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору, не могла заставить себя войти. Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решила войти».

Днем 14 апреля тело Маяковского было перевезено в квартиру в Гендриковом переулке, где он постоянно жил. Там в 20 часов научные сотрудники Института мозга извлекли мозг поэта. Присутствовавший при этом художник Н. Ф. Денисовский был буквально потрясен этой операцией: «Чашка, черепная чашка отошла, и в ней был мозг... сказали, что очень большой мозг, понимаете ли». Весил он 1700 г. «По внешнему осмотру,— сообщили из Института мозга,—мозг не представляет сколько-нибудь существенных отклонений от нормы. Институт приступил к предварительной обработке мозга, чтобы приготовить его к микроскопическому исследованию». Вот практически все факты, которые имеют прямое отношение к смерти Владимира Маяковского.

Журналисту-исследователю В. И. Скорятину удалось собрать и проанализировать богатый документальный материал. Многие факты из жизни поэта и близких к нему людей до этого исследования, опубликованного в «Журналисте», были неизвестны. На основе собранных материалов В. И. Скорятин выдвинул собственную

версию смерти поэта: «Теперь представим, Полонская быстро спускается по лестнице. Дверь в комнату поэта открывается. На пороге — некто. Увидев в его руках оружие, Маяковский возмущенно кричит... Выстрел. Поэт падает. Убийца подходит к столу. Оставляет на нем письмо. Кладет на пол оружие. И прячется затем в ванной или туалете. И после того, как на шум прибежали соседи, черным ходом попадает на лестницу. С Мясницкой, свернув за угол, выходит на Лубянский проезд. А из ЦК уже спешат Кольцов, Третьяков. И он случайно сталкивается с ними у подворотни. Втроем они пересекают двор и, прыгая через ступеньки, поднимаются в коммуналку. Входят в комнату, где лежит Маяковский...»

Итак, на сцене появляется таинственный Некто. В. Скорятин даже называет его имя — ответственный работник ГПУ Я. Агранов, кстати, политически наиболее подходящая фигура из окружения поэта. В подтверждение версии убийства журналист приводит фотоснимок, на котором Маяковский лежит на полу, «рот открыт в крике». Возможно, об этом же снимке, показанном самим Аграновым «литераторам», вспоминала Е. Лавинская: «Это была фотография Маяковского, расprostертого, как распятого, на полу, с раскинутыми руками и ногами и широко открытым в отчаянном крике ртом». И Скорятин вопрошает: «Самоубийца кричит перед выстрелом?!» А все дело в том, что в момент смерти тело человека расслабляется, мышцы становятся мягкими. У него отвисает нижняя челюсть, рот приоткрывается, что, собственно, и зафиксировано на «зловещей» фотографии.

Теперь обратим внимание на то, что Полонская «прошла несколько шагов до парадной двери». Ясно, что парадной дверью Вероника Витольдовна называет дверь квартиры, от которой до комнаты Маяковского действительно несколько шагов, а не дверь подъезда на первом этаже. Если бы она спустилась с четвертого этажа, где жил поэт, на первый, то «убийца» Агранов успел бы пробежать путь от ванной или туалета, где якобы прятался, открыть дверь комнаты Маяковского, прицельно выстрелить, положить на пол оружие, на стол — письмо и проделать обратный путь до своего убежища. Однако актриса пишет: «Но, очевидно, я вошла через мгновение. В комнате еще стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на полу, раскинув руки. На груди было крошечное кровавое пятнышко... Глаза у него были открыты. Он смотрел прямо на меня и все силился приподнять голову. Лицо и шея — красные. Краснее, чем обычно. Потом голова упала, и он постепенно стал бледнеть».

Если Вероника Витольдовна действительно «вошла через мгновение», когда же успел совершить свое злодеяние Агранов, да еще спрятаться? Актриса наверняка столкнулась бы с ним. Но допустим, что Полонская все-таки спустилась на первый этаж к парадной двери подъезда? Могла ли женщина, которая так спешила и думала только о том, чтобы не опоздать на столь важную для нее репетицию, услышать звук выстрела, прозвучавший в квартире на четвертом этаже, понять, что он раздался именно в комнате Маяковского, взлететь обратно, пока еще «кровь не отлила от лица» и не исчезло маленькое облачко бездымного пороха? Безусловно прав Ю. А. Карабчиевский, который утверждает: «Полонская едва притворила дверь, как раздался выстрел. Вернувшись, она застала его еще живым».

Но, оказывается, Полонская была в квартире не одна! Трое «юных соседей Маяковского» в это время, как пишет Скорятин, находились в «маленькой комнатке при кухне». Естественно, услышав выстрел и выскочив в коридор, они должны были столкнуться с человеком выходящим из комнаты поэта. Однако ни актриса, ни «юные соседи» никого не видели. Во всяком случае тогда. Через много лет один из этих «юных соседей» «убийцу» увидел..

Работа А. Колоскова, опубликованная в десятом номере за 1991 год журнала «Молодая гвардия», зачеркивает выводы В. И. Скорятина. Колосков предлагает свою версию: «Маяковский действительно был убит, но убийца — не чекист Агранов, а актриса Полонская». Автор спрашивает: «Достаточно ли свидетельства одной Полонской и можно ли верить ей?» И дает ответ: «Мне довелось беседовать с некоторыми из прежних жильцов квартиры Маяковского в Лубянском проезде. Один из них сообщил, что, когда раздался выстрел, он стрелой вылетел из своей комнаты и видел Полонскую выходящей из комнаты Маяковского. Свидетель дважды с твердой уверенностью повторил, что «Полонская, когда раздался выстрел, была в комнате Маяковского». Кто именно этот свидетель, как фамилия соседа Маяковского, Колосков не сообщает. И на основании этих анонимных показаний обвиняет Веронику Витольдовну в убийстве! Обвиняет старую женщину, которая жива и находится сейчас в Доме ветеранов сцены

К сожалению, подобные сплетни были раньше. Н. Ф. Денисовский вспоминал: «Что Полонская могла стрелять — был такой разговор». Крупный исследователь творчества поэта известный славист из Швеции Б. Янгфельд считает: «На самом деле все возможно, особенно в стране, где прошлое так же непредсказуемо, как и будущее. Разумеется, насчет работы ГПУ я никаких иллюзий не питаю, но теория об убийстве Маяковского органами госбезопасности меня не убеждает...» И все-таки, все-таки... Итак — один выстрел. Подозреваемых — двое. Однако в одной из популярных телевизионных передач была показана фотография мертвого поэта и высказано предположение, что на ней видны следы двух выстрелов. Еще одна загадка?

МУЗЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ ОТКРЫВАЕТ СВОЮ ТАИНУ

Журналист В. И. Скорятин, очевидно, и не предполагал, какую услугу оказывает он нам, специалистам, в деле установления истины, упомянув о рубашке, которая была на Маяковском в момент выстрела. Он пишет: «Я осмотрел ее. И даже с помощью лупы не обнаружил никаких следов порохового ожога. Нет на ней ничего, кроме бурого пятна крови». Следовательно, рубашка сохранилась. Но это же ценнейшее вещественное доказательство!

В сентябре 1991 года заместитель директора государственного музея Маяковского М. А. Немирова обратилась к Директору НИИ судебной медицины, где я работаю, с просьбой провести исследования, связанные со смертью В. В. Маяковского. Директор Института член-корреспондент Академии медицинских наук профессор А. П. Громов ответил, что институт «располагает возможностями для проведения необходимых исследований, для чего вам следует предоставить материалы, связанные со смертью Маяковского». Организация экспертизы была поручена мне В спецхране музея заведующая сектором материальных ценностей интеллигентнейшая

Лариса Ефремовна Колесникова бережно передала специалистам две половинки рубашки бежево-розового цвета. И стало ясно: не подвела память художника Н. Ф. Денисовского, когда он через полвека после гибели поэта вспоминал: «Мы его положили на тахту. Уже рубашку снять было с него нельзя. Он уже застыл. Нам пришлось разрезать ее».

Действительно, спинка рубашки от ворота до низа разрезана ножницами. После смерти Маяковского реликвия эта хранилась у супругов Брик. В середине 50-х годов Лилия Брик передала рубашку на хранение в музей. И вот теперь, в наши дни, ее тщательно обследовали специалисты. Выяснилось: на левой стороне передней поверхности рубашки имеется одно сквозное повреждение округлой формы размерами 6×8 миллиметров. Так что речи о следах двух выстрелов на фотографии, которую показывали на телеэкране, быть не может! Еще одна сенсация лопнула, как мыльный пузырь.

К исследованию приступили и научные сотрудники Всероссийского НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации Эмиль Григорьевич Сафронский — крупный специалист по судебно-баллистической экспертизе, Ирина Петровна Кудешева — специалист в области следов выстрела и автор этих строк — судебно-медицинский эксперт.

Результаты микроскопического исследования, форма и размер повреждения, состояние краев этого повреждения, наличие дефекта ткани позволили сделать вывод об огнестрельном характере отверстия, возникшего от выстрела единичным снарядом.

Известно, что для того, чтобы определить, стрелял ли в себя сам человек или в него стреляли, необходимо установить дистанцию выстрела. В судебной медицине и криминалистике принято различать три основные дистанции: выстрел в упор, выстрел с близкого расстояния и выстрел с небольшого (дальнего) расстояния. Если 14 апреля 1930 года в комнате В. В. Маяковского выстрел был произведен с дальней дистанции, значит, кто-то стрелял в поэта.

Выстрел с каждой дистанции характеризуется особыми признаками, которые имеются прежде всего в окружности входного отверстия. Если найти и внимательно изучить эти признаки, можно определить дистанцию, с которой был произведен выстрел. Специалистам предстояла напряженная и кропотливая работа — определить на рубашке в окружности повреждения возможные следы выстрела, прозвучавшего свыше 60 лет назад!

И такие следы были найдены: линейные повреждения крестообразной формы свидетельствовали о том, что выстрел был сделан в упор, так как именно крестообразные разрывы возникают от действия отражаемых от преграды газов в момент разрушения ткани снарядом. Не полностью сгоревших следов пороха, копоти и следов опаления как в самом повреждении, так и на участке ткани, прилегающем к нему, обнаружено не было. Это также характерно для выстрела в упор.

Исследования продолжались. Надо было выявить ряд устойчивых признаков, которые характеризуют огнестрельное повреждение. Для этого был использован диффузно-контактный метод, не разрушающий объект исследования, то есть рубашку поэта. Провели исследование и на предмет выявления сурьмы, которая, как известно, является характерным элементом продуктов выстрела, а именно, элементом термического разложения капсюльного состава, редко распространенного в природе. Сурьма проявилась в виде сектора.

Интенсивность и размеры зоны сурьмы были характерны для выстрела, который был сделан в упор. Картина распределения сурьмы свидетельствовала о том, что повреждение на рубашке является входным огнестрельным. Образовалось это повреждение при выстреле из оружия, передний срез ствола которого был прижат к поверхности рубашки под некоторым углом — боковой упор.

Из какого же оружия стрелял в себя Маяковский? В. А. Катания вспоминали «...Когда я вбежал в то черное утро в его комнату, он лежал на полу, раскинув руки и ноги, с пятном запекшейся крови на сорочке, и маузер 7,65... взведенный! — лежал слева». «Красная газета» писала о «выстреле из нагана», Н. Ф. Денисовский «...на полу был браунинг». Так кто же прав? Приведу заключение наших специалистов:

«Оценивая результаты проведенных исследований, комиссия приходит к следующим выводам:

1. Повреждение на рубашке В. В. Маяковского является входным огнестрельным, образованным при выстреле с дистанции «Боковой упор» в направлении спереди назад и несколько справа налево почти в горизонтальной плоскости.

2. Судя по особенностям повреждения, было применено короткоствольное оружие (например, пистолет) и был использован мало мощный патрон».

С выводами специалистов совпадает и общезвестный факт, что согласно удостоверению № 4178/22076 у Маяковского было два пистолета: системы браунинг и системы байард — короткоствольное оружие.

В каком положении находилось тело Маяковского после выстрела? Вбежавшая в комнату Полонская запомнила: «...Он смотрел прямо на меня...» Н. Ф. Денисовский пишет: «Маяковского я застал. Он лежал на полу, схватившись левой рукой за грудь...» Из этих воспоминаний однозначно следует, что Маяковский лежал на полу лицом вверх. Однако в ленинградской программе «Пятое колесо» было высказано предположение, что после выстрела поэт упал лицом вниз. Журналист В. И. Скорятин считает, что «следы от падения лицом вниз все-таки остались». А как было на самом деле? Продолжаю цитировать заключение специалистов:

«3. Небольшие размеры пропитанного кровью участка, расположенного вокруг входного огнестрельного повреждения, свидетельствуют об образовании его вследствие одномоментного выброса крови из раны, а отсутствие вертикальных потоков крови указывает на то, что сразу после получения ранения В. В. Маяковский находился в горизонтальном положении, лежа на спине.

4. Форма и малые размеры помарок крови, расположенных ниже повреждения, и особенность их расположения по дуге свидетельствуют о том, что они возникли в результате падения мелких капелек крови с небольшой высоты на рубашку в процессе перемещения вниз правой руки, обрызганной кровью, или же с оружия, находившегося в той же руке».

Дотошный читатель может спросить: а не было ли здесь умышленной инсценировки? Ведь кто-то мог подойти к поэту, выстрелить в него в упор, а потом нанести на рубашку капли крови, которые якобы падали с руки Маяковского? Да, такую инсценировку можно проделать, но в данном случае ее не было — это подтверждает реакция на сурьму. Подобная картина встречается именно при причинении повреждения собственной рукой!

КТО ЖЕ АВТОР ПИСЬМА?

Далее. Известно, что на столе поэта осталась лежать записка, его предсмертное письмо, выполненное карандашом, почти без знаков препинания: «Всем. В том, что умираю не вините никого и пожалейте не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи простите это не способ (другим не советую) но у меня выходов нет.

Лиля — люби меня.

Товарищ правительство

Моя семья это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская...»

Прошло более шестидесяти лет, а упорные разговоры о том, что это письмо не Маяковского, не утихают. Называли даже имя человека, якобы написавшего это письмо, тем более, что датировано оно 12 апреля, а смерть поэта наступила 14, через два дня.

Письмо и образцы почерка поэта тоже были переданы специалистам. Заведующая лабораторией судебно-почерковедческих экспертиз Всероссийского НИИ судебных экспертиз Минюста Российской Федерации кандидат юридических наук Ю. Н. Погибко и старший научный сотрудник этой же лаборатории кандидат медицинских наук Р. Х. Панова пришли к однозначному выводу, что предсмертное письмо выполнено самим В. В. Маяковским, но в необычных условиях, причиной которых является психо-физическое состояние поэта, вызванное волнением. Эксперты считают, что между написанием письма и смертью прошло какое-то время. Если бы это письмо было выполнено непосредственно перед смертью, признаки необычности были бы выражены более ярко.

«...НЕ СПЛЕТНИЧАЙТЕ...»

В. И. Скорятин утверждает, что вскрытие тела Маяковского намеренно оттягивалось и было произведено лишь накануне кремации по настоятельной просьбе В. Сутырина. Это не совсем так. В первый же день в прокуратуре клиник медицинского факультета Московского государственного университета вскрытие тела поэта произвел профессор Талалаев, о чем рассказал сотруднику музея Л. Е. Колесниковой и автору этих строк академик медицины профессор В. В. Серов. Известна нам и судьба документов с записями актов вскрытий. По воспоминаниям В. Сутырина, в ночь на 17 апреля состоялось перевскрытие тела в связи с тем, что поползли слухи о якобы имевшемся у Маяковского венерическом заболевании. «Результаты вскрытия показали, — свидетельствует Сутырин, — что злонамеренные сплетни не имели под собой никаких оснований. Все это было записано в акте, а на следующий день сообщили об этом родным...» Первичное вскрытие, проведенное профессором Талалаевым, также не нашло никаких следов венерических заболеваний. И тот, кто любит посмаковать пикантные подробности жизни поэта, должны наконец замолчать. Копаться в чужом грязном белье стыдно, распространять клевету — преступление.

Давно ушли из жизни Есенин и Маяковский, оставив нам свое самое главное наследие — стихи. За это мы их чтим и всегда будем помнить. И хватит превращать эти дорогие нам имена в объект сплетен, досужих домыслов и всякого рода частных расследований!

Не тревожьте мертвых! Да и живых тоже. Им ведь больно.

СЕЗОН ДЛЯ

Нина Федоровна Потепенко повесила тяжелую сумку на крючок возле двери, достала ключ и, взглянув на часы, ахнула. Алексей скоро с работы придет, а у нее ужин не готов. Пробежала по магазинам, а что сейчас купишь? Она устало повела плечами и вздохнула. Хорошо, что ее никто не видит сейчас: ссутулившаяся, лицо серое, вытянутое, уголки губ опущены, словно обидел кто, — до чего же не похожа она на приветливую, улыбающуюся Ниночку Федоровну, как любили называть ее в школе коллеги, не молодые, разумеется, а те, кто знал ее давно, несколько лет.

Не похожа... Она попыталась улыбнуться, но невеселая гримаса только резче обозначила морщины у губ и еще больше состарила лицо. Быстро же она сдала, 57 лет, вроде бы и не возраст в наше время, да она еще год назад выглядела так, что все завидовали. Нина Федоровна плотно сжала губы, стерев с лица улыбку, и упрямо тряхнула головой. Э-э, да что теперь говорить... Похожа, не похожа, день у нее такой дурацкий получился, из рук все валится, да и на душе тоскливо. Вроде и не болит ничего, а тревожно как-то, беспокойно.

Татьяна МОСПАН

Она давно уже запретила себе поддаваться таким настроениям, вот только сегодня не могла ничего поделать. Шестое августа — день рождения ее бывшего мужа Ивана, и Нина Федоровна опять, помимо воли, возвращалась мыслями к той, прежней, жизни, раздражаясь и злясь на себя за эти воспоминания.

Она сняла сумку и толкнула дверь терраски.

Их домик-коттедж, как теперь модно называть, был крайним и стоял чуть поодаль от точно таких же хорошеньких уютных двухэтажных домиков, которые составляли целую улицу. Они приехали сюда семнадцать лет назад, когда муж демобилизовался по болезни, так и не дослужившись до звания подполковника, и их ничто не удерживало уже в пыльном Донбассе.

Здесь, в небольшом украинском городке, Нине Федоровне понравилось сразу, а больше всего их коттедж, раньше она могла только мечтать поселиться в таком. Половина домика — с терраской, большой гостиной, кухней — на первом этаже и с двумя небольшими комнатками — на втором — принадлежала им. Вторая половина — другой семье, очень приличным, милым людям.

Приехали они сюда троим: она, муж, Иван Семенович, и дочь Вера. Постом Вера уехала учиться в Москву, закончила университет, вышла замуж и осталась жить в столице.

Если бы дочь не уехала от них, может быть, все по-другому повернулось. Если бы...

Год назад все это началось. Нет, началось, конечно, давно, а в прошлом году все вывалилось наружу, потому что ровно год назад она познакомилась с Алексеем. И как с горы все покатилося. «С цепи баба сорвалась», — шептались соседи. Ну и пусть! У них своя жизнь, соседская, а у нее, Нины Федоровны, своя. И она к ним со всякими советами не лезет.

Господи, ну почему она не ушла от Ивана раньше, когда Вере было пять лет, ведь и тогда было все ясно?! Да нет, глупости, ничего ей тогда ясно не было. Это сейчас, в свои пятьдесят семь, все то, что случилось и не случилось в молодости, видится совсем по-другому — легким и простым. Кажется, вот чуть-чуть бы не так, и... Ее ведь как воспитывали? Дом, семья, ребенок — все должно быть прилично, все, как у всех, а те отношения, которые существу-

ют между мужчиной и женщиной, скрытые от посторонних глаз, те, ради которых все простишь и поймешь, в ее время обсуждать было не принято и стыдно... Да пустяки это, пустяки, о которых и говорить не приходится.

Они тогда еще в Донбассе жили, Верочке исполнилось пять лет, когда Нина Федоровна решила на развод. Она попыталась объяснить все матери, путаясь и сбиваясь, и не смогла. Молодая, наверное, была тогда, все стыдилась чего-то. А мать... «Да ты с жиру, девонька, бесишься, плохого не видела, вот бил бы он тебе морду каждый день, ты бы по-другому запела»,— выговаривала она.

Мать и заикаться про развод запретила, а тут еще все родственники горой встали. Куда? Какой такой развод, да с маленьким ребенком? Думать же надо, продолжала твердить ее мать. Ну, тяжеловатый у мужика характер (ну почему? почему они — и мать, и сестры пытались все объяснить характером Ивана!), а у кого он легкий-то? «Ты думаешь, я всю жизнь только пряники ела?» — мать и слышать ни о чем не хотела. Зять — офицер, все в дом несет, дочку любит и к жене хорошо относится, что еще надо? «На других бы посмотрела»,— не унималась мать. И Нина Федоровна сдалась. Живут же как-то люди... И если родная мать ее не понимает, то про чужих и говорить нечего. А потом еще неизвестно, что может ждать ее впереди. Вот в этом сестры были правы.

Ей тогда и тридцати лет не было. Успокоилась Нина Федоровна, утихла. Близости с мужем не искала. Жила, как другие — все прилично, хорошо, чего же еще?

А потом Иван заболел, и они переехали в этот городок. Болезнь мужа окончательно примирила Нину Федоровну с жизнью. У других мужья пьяницы, а у нее... Та, интимная, сторона жизни для нее будто и не существовала. А для соседей они были образцовой семьей. Общий быт, дом, огород надо сажать, так и велось потихоньку.

Вера приезжала на каникулы, жила с родителями месяц-полтора, но в их отношения не вникала. Она даже больше тянулась к отцу и не понимала раздражения матери. Или не хотела понимать. Скрытная девочка, не узнаешь у нее ничего. В университете все нормально, живет нормально, посылки от них получает, денег тоже вроде бы хватает — вот и все у нее новости.

Однажды, когда Вера училась уже курсе на четвертом, Нина Федоровна попыталась ей что-то рассказать про их с отцом отношения. Взрослая девочка, самой скоро замуж выходить, что ж тут непонятно,— но так и не сумела ничего толком объяснить. Помнит: дочь вся съежилась, как от удара. «Он же больной, мама!» — вырвалось у нее. Он больной, но она-то, Нина Федоровна, здоровая красивая женщина, во всяком случае тогда она была именно такой, ей-то жить надо, а не кусать по ночам подушку. «Милочка моя, вам надо... э-э я уж не знаю, вы сами решайте, но помочь я вам ничем практически не могу»,— бубнила врач-гинеколог, в очередной раз осматривая ее. Конечно, не скажет же она Нине Фе-

доровне: заведите себе любовника, если с мужем не все ладно, а не ходите ко мне без конца на прием, не отвлекайте от дела. Ее приятельница Оксана твердила примерно то же самое. Устраиваются же как-то потихоньку другие, что из себя святую-то корчат! Нет, она, Нина Федоровна, конечно же, не святая. Семья, дом... Господи, зачем все это, если рядом живут два чужих человека, зачем?

Наверное, Оксана была права. Надо было жить, как другие, глядишь, и устроилось бы все, спустилось на тормозах, во всяком случае, никогда бы не произошло то, что случилось сейчас с ней.

Год назад она познакомилась с Алексеем и поняла... Да что там, как будто и не жила раньше. Ей пятьдесят шесть, а ему... Конечно, она ненормальная, на семь лет моложе себя мужика нашла. «Ну и жила бы с ним так, кому от этого плохо? Поболтали бы соседи и забыли, брань на воротах не виснет,— ругала ее подруга.— Зачем же на развод-то подавать?»

А Нина Федоровна, действительно, как с ума сошла. Повторил ей все то, что она кричала тогда мужу, со стыда бы сейчас сгорела. Полгода Иван Семенович крепился, без конца звонил Вере в Москву, просил повлиять на мать, но плюнул в конце концов, согласился на развод.

Жить ей с новым мужем, Алексеем, оказалось негде, и он въехал в их коттедж. Сначала только заходил на время, пока Иван Семенович в госпитале лежал, а потом, когда тот выписался, остался здесь совсем.

Положение, конечно, складывалось аховое. Нине Федоровне пришлось сразу же уйти из школы, где она преподавала историю. «Ничего, как-нибудь,— твердила сама себе,— устроюсь работать вахтером». Соседи с ней едва здоровались, жалели Ивана, а мать, когда она по телефону попыталась ей все объяснить, бросала трубку. «Умирать буду, а с ним, с новым своим, пусть не приезжает»,— передали ей сестры.

Вот так они и жили почти полгода — втроем в одном доме. Нина Федоровна с новым мужем — на втором этаже, а Иван остался в гостиной на первом.

...Нина Федоровна, тяжело ступая по коридору, двинулась к кухне. «Не слышит он, что ли»,— она с раздражением толкнула плечом дверь. Мужа, то есть Ивана, здесь не было. Она продолжала про себя называть его мужем — привыкла за тридцать три года совместной жизни — и даже бояться стала, как бы при Алексее не назвать его так. Однажды это произошло, и скандал был страшный. Нет, Алексей не стал кричать на нее, он просто молча оделся и уехал к матери в деревню. А она потом моталась за ним на попутках.

Видела бы ее дочь в тот момент! «Посмотри на себя, мама, люди же кругом!» — ей казалось, что она слышит раздраженный голос дочери. Люди, люди... Ей-то какое дело, она ведь не их, она себя на посмешище выставляет.

Нина Федоровна быстро переделалась и занялась ужином.

— Иван! — крикнула она из кухни.

Обычно муж всегда появлялся из своей комнаты, когда она приходила. Ей даже иногда казалось, — дикая мысль! — что они стали сейчас ближе, с тех пор как развелись и она расписалась с Алексеем.

Теперь Иван заходил на кухню, они мирно разговаривали, ну, совсем как прежде, в хорошие времена — ведь были же у них и такие, были! Но она видела, что он все время сидел настороже, и как только хлопала дверь на терраске, мгновенно поднимался и уходил к себе — не хотел встречаться с Алексеем. Хотя внешне отношения у них были вполне нормальными.

— Странно, — Нина Федоровна поставила в духовку мясо и направилась к бывшей гостинной.

Дверь толкнула без стука. «Вот Алексей бы увидел, взъярился», — запоздало подумала она и, войдя в комнату, остановилась на пороге.

— Иван! — тихонько окликнула она лежавшего на диване. — Иван! — позвала чуть громче и двинулась к нему.

Человек на диване не шевелился. Он лежал прямо на спине, только голова, удобно покоившаяся на подушке, была слегка повернута к стене.

— Спит, — сама себе сказала Нина Федоровна, окинув взглядом комнату.

На столе, в тарелке, лежала пустая ампула рядом со шприцем. «Ага, значит, медсестра уже была, сделала укол», — подумала она.

Иван Семенович вторую неделю получал ежедневные уколы кордиамина. Опять сердце прихватило, а в госпиталь ложиться отказался. Нина Федоровна и сама могла делать ему эти уколы, научилась, но сейчас, при такой ситуации, Иван от ее услуг отказался, да и Алексей бы не понял.

Она вздохнула. А что он вообще понял бы, Алексей? Нина Федоровна помрачнела. Опять заныл висок.

А ведь вот так подумать, Иван оказался единственным человеком, который смог ее понять. Ни дочь, ни родители, ни друзья — как оплеванная перед всеми ходит, людей стесняется. А Иван сам ей предложил поселиться с Алексеем на втором этаже. Пожалел... Куда ей в такие-то годы по квартирам мотаться?! Все знакомые только руками развели: ну надо же!

Господи, никому такого не пожелаешь! Живет сама как между двух огней. Ну жалко ей Ивана, жалко, да что теперь поделаешь? «Искала, искала свое счастье и нашла... к пенсии», — зло подумала она. Она вообще стала злая, издерганная. Даже когда Иван предложил ей с новым мужем жить в доме, она не выдержала, съязвила: «Что, боишься один остаться?» «Дура ты, — ответил он, и у нее упало сердце. — Жила бы так, кто тебе мешал».

Поздно, поздно ты это сказал, Ванюша. Да и как — так? А ведь посмотреть на них со стороны, кто не знает, — нормальная с виду

семья. Она хозяйством занимается: жарит, парит все. Иван — огородом: что-то сажает, окучивает, теплицы возвел на зависть всей округе, навоз из деревни привозят, договорился с какой-то фермой. Вот только Алексей...

Нина Федоровна подошла к столику, чтобы забрать ненужную тарелку с пустой ампулой — все равно на кухню идти, прихватила еще бокал с недопитым холодным чаем, знала: Иван такой пить не будет, и уже повернулась, чтобы выйти, как ее внимание привлекла видневшаяся из-под клетчатого одеяла кисть руки мужа. Лунки ногтей отливали синевой. Или это ей так показалось?

Она остановилась, затаив на мгновение дыхание, и нерешительно сделала несколько шагов к дивану.

— Ваня, — почему-то шепотом произнесла она и опасно дотронулась до высунувшейся руки.

Ее пальцы, не ощутив привычного тепла, замерли. А через секунду она, уже не соображая, что делает, рванула на себя одеяло.

Тело мужа, лежавшее почти прямо на спине, худое и невероятно вытянутое, производило жуткое впечатление.

Нина Федоровна отшатнулась. Тарелка, которую она все еще держала в руке как поднос, грохнулась на пол, и Нина Федоровна бросилась вон из комнаты. Не-ет! Она остановилась, опомнившись, и заставила себя подойти к дивану. Резко схватила руку Ивана и попыталась уловить пульс. Раз, два, три... да это же ее сердце укает! Она наклонилась и приложила голову к груди мужа. Потом медленно выпрямилась и, шатаясь, пошла прочь. Иван Семенович был мертв.

Нина Федоровна отсутствующим взглядом окинула опустевшую комнату, стиснула пальцами виски.

Только что увезли труп Ивана. Конечно, все теперь ее осуждают, она, она одна во всем виновата.

Милиционер, молодой парень, лейтенант, кажется, что он там у нее спрашивал? А-а... ерунда какая-то. Протокол места происшествия, или как там это у них называется... Бумагу пишет, а на покойника смотреть боится. Вспомнив об этом, она скривилась, и подбородок опять задрожал. А ей все равно, уже ничего не боится.

Когда Ивана стали приподнимать, голова еще незастывшего тела откинулась назад, и открылся рот. Она испугалась, что он так и останется — с отвалившейся челюстью. «Подвязать, подвязать надо», — забормотала она и не успокоилась, пока соседка не принесла с кухни чистое полотенце. Тогда Нина Федоровна, как будто всю жизнь только этим и занималась, подвязала отвисший подбородок, осторожно обернув полотенце вокруг головы. Милиционер смотрел на нее, наверное, как на сумасшедшую.

Господи, как же она устала! Все вокруг казалось нереальным, как будто происходило где-то далеко-далеко: кто-то что-то говорил, доставал документы Ивана, а она сидела и молчала. Алексей появился, когда тело уже погрузили в машину. Она помнит, как это полное круглое лицо сделалось плоским от испуга и удивления.

Потом он тоже что-то делал, говорил, что-то спрашивал у нее.

Нина Федоровна поднялась со стула. А куда он делся, Алексей, почему оставил ее одну? Она сморщилась. Ах, да, он пошел давать телеграммы родственникам. Пусть, пусть все приезжают...

Резкий звонок в дверь вывел ее из оцепенения.

Соседка, наверное. У Алексея свой ключ есть. Она сжала губы. Видеть никого не хотелось.

В дверь опять позвонили.

Нина Федоровна, с трудом передвигая ноги, шла по коридору. Оставили бы ее все в покое, неужели не понимают..

Замок щелкнул, и дверь распахнулась.

— Мама!

На пороге терраски стояла дочь Вера, рядом с ней ее муж Дмитрий.

Нина Федоровна шарахнулась в сторону и непонимающе уставилась на дочь с зятем. Если бы перед ней появился сейчас живой Иван, она удивилась бы меньше.

— Вы получили телеграмму?— глупо спросила она, уже через секунду понимая, что никакой телеграммы дочь получить не могла.— Алексей Яковлевич тебе позвонил? — и опять она запоздало подумала, что говорит ерунду. Иван умер сегодня, несколько часов назад, а от их городка до Москвы почти сутки ехать поездом.

— Мам, ну при чем здесь твой Алексей Яковлевич? — раздраженно пожала плечами дочь.— Мне позвонил отец...

— Как вы сказали, промедол? — Нина Федоровна в строгом темно-синем костюме сидела в кабинете с золотистыми шторами напротив следователя прокуратуры — Ковалюка Евгения Георгиевича, молодого, лет тридцати с небольшим, человека.— Ему кололи кордиамин. Уже вторую неделю, кажется, могу даже точно вспомнить, с какого дня.

— Не надо,— следователь непроницаемо смотрел на нее.

— Я не понимаю...

Эту ночь Нина Федоровна почти не спала. Забывалась на короткие мгновения и тут же, измученная, просыпалась, будто что-то толкало ее. Смерть мужа, внезапный приезд дочери с зятем, удивленное лицо Алексея и еще что-то такое, что тревожило и беспокоило ее...

Едва рассвело, она поднялась. Спустилась со второго этажа на кухню да так и осталась сидеть на стуле, не в силах подняться. Очнулась, лишь услышав шаги в коридоре. Дочь с зятем проснулась.

День, слава богу, начался, и начался он с истерики Веры. Она кричала на мать, вырывала из рук Дмитрия стакан с водой, когда он попытался ее успокоить. Хорошо, хоть Алексей ничего этого не видел, уехал с утра пораньше на завод, сказал: только заскочит на работу и тут же вернется.

Нина Федоровна, отчаявшись унять дочь, махнула на все рукой: а-а, делайте, что хотите, тоже мне, помощнички. Ей лично ни-

чего не надо, без них обойдется: и в морг сама сходит, и все, что положено, делает.

Первая неожиданность поджидала ее в морге. Зять все-таки поехал вместе с ней — вроде бы как для поддержки, а Нине Федоровне это было без разницы: зять так зять, пусть хоть что-нибудь для покойного тестя сделает.

Морг находился в одноэтажном кирпичном обшарпанном здании, с виду напоминавшем барак.

Дмитрий, нетерпеливо крутя головой, указал Нине Федоровне на большую двухстворчатую дверь, больше похожую на ворота. Казалось, что из неплотно прикрытых створок потянуло каким-то необычным, непохожим ни на какие другие, запахом. Нина Федоровна, с трудом задерживая дыхание, старалась поменьше втягивать в себя этот тяжеловатый, насыщенный формалином воздух. Она вспомнила вчерашнее испуганное лицо молоденького лейтенанта милиции и выругала себя: «А еще людей осуждать...»

— Подождите-ка,— услышала она голос Дмитрия. Он толкнул одну половинку двери. Та легко подалась вовнутрь.

Нина Федоровна шагнула следом и ошпилила. Посреди громадного, прохладного даже в это южное августовское утро помещения стоял гроб, обитый чем-то бордовым. Чужое мертвое лицо с закрытыми глазами было спокойным и холодным. Нина Федоровна открыла от испуга рот, она не могла отвести от покойника взгляда. Мертвец в гробу словно притягивал ее к себе.

Внезапно сбоку открылась маленькая, незаметная в этом огромном помещении дверца, и оттуда вынырнул невысокий, кругленький человечек.

— Ваш? — кивнув на покойника, деловито спросил он.

Кое-как объяснив, что требуется, Нина Федоровна выбралась на воздух.

— С другой стороны вход, здесь хоронить выдают,— она старалась не раздражаться и говорить без злобы. Господи, ну что за человек ее зять, ничего толком не умеет. Не зря его покойник не любил.

Покойник? Она даже споткнулась от этой мысли. Что-то слишком быстро она привыкла к этому...

Но дурацкий случай с чужим мертвецом не шел ни в какое сравнение с тем, что случилось потом.

Здоровенный рыжий молодец, который открыл дверь, после того как Дмитрий минут десять непрерывно нажимал на кнопку, услышав фамилию Потапенко, хмыкнул и, не говоря ни слова, исчез. Вместо него вышел уже знакомый маленький кругленький мужчина и острыми глазками уставился на Нину Федоровну. И от этого взгляда ей почему-то стало не по себе.

— Справку, дорогуша, я выдам вам к обеду,— толстячок обращался к одной только Нине Федоровне, словно Дмитрия здесь и вовсе не было.

— А мне сказали — сразу с утра...— женщина беспомощно сжимала в руках сумочку.— А что такое? — встrepенулась она.— Ведь

вскрытие ему делать не надо, вчера и врач «Скорой помощи» так сказала.

— Ну, врач «Скорой» — это одно, а мы другое... — неопределенно пробубнил мужчина, не сводя немигающего взгляда с Нины Федоровны.

— Как же так, ведь похороны завтра... — растерянно проговорила она.

— Завтра? — маленькие глазки моргнули, он хотел еще что-то сказать, но вовремя спохватился. — В общем так, за справкой часикам к двенадцати подходите, — резиновым голосом протянул он.

А вечером того же дня Нину Федоровну вызвали в прокуратуру. Так она оказалась в кабинете с золотистыми шторами.

— Нина Федоровна, — Ковалюк старался говорить мягко, не повышая голоса, — ваш бывший муж, Потапенко Иван Семенович, умер в результате внутримышечной инъекции наркотика — промедола. Вот заключение, можете ознакомиться, — следователь протянул бумагу через стол и внимательно посмотрел на сидевшую напротив женщину, пытаясь определить, поняла она его или нет.

А она широко раскрытыми глазами смотрела на следователя, окончательно одуревшая и измученная от сегодняшних хлопот. То, что она сейчас услышала, ошеломило ее.

— Послушайте, но ведь ему же нельзя промедол. Ему кололи кордиамин, — машинально повторила Нина Федоровна и тихо ахнула: — Глупость какая, да для него любой наркотик, как... — Она испуганно замолчала. Опять вспомнился кругленький мужичонка из морга, и особенно его сверлящий взгляд. «Так вот оно что, и справку не сразу дали, и в прокуратуру...» — запоздало поняла она и даже подалась вперед от этих мыслей.

Ага, наконец-то до нее дошло! Ковалюк выжидательно молчал.

— Может, здесь какая-то ошибка? Случайно... или не та ампула? — она молящими глазами смотрела на следователя. — Да нет, не может быть... — оборвала себя на полуслове, а в следующую секунду буквально задохнулась: — Он что, специально?

— А вы сами можете делать уколы? — не давая ей опомниться, быстро спросил Ковалюк.

— Да, внутримышечные, — медленно выговорила она, пытаясь понять, куда он клонит. — Однажды, это было два года назад, Иван тоже отказался лечь в госпиталь, и я колола ему сама, шприц у Ивана свой есть. А внутривенное вливание положено делать врачу или, в крайнем случае, медсестре, — зачем-то пояснила Нина Федоровна и прикусила губу: и что она перед ним распинается, наверняка уже все выяснил.

Следователь помедлил, а потом, махнув рукой на всякие подходы, в упор спросил:

— У вас в доме был промедол?

— Вы что же, вы подозреваете меня? — голос женщины задрожал.

— Нина Федоровна, я никого не подозреваю, я выясняю об-

стоятельства смерти вашего бывшего мужа. Так вы уверены, что в доме промедола не было?

— Да откуда? — она сморщилась. — У меня лично — нет.

— Кордиамин? — она запнулась, услышав следующий вопрос следователя. — Вера доставала, сейчас же, сами знаете, как с лекарствами тяжело. Вера в Москве купила и переслала со знакомым проводником поезда. Мы так часто делаем: посылки, фрукты...

— А ваш второй муж, Алексей Яковлевич, какими лекарствами пользовался?

— Алексей? Да он вообще никакого лечения не признает. Я даже не думаю, чтобы он знал, что промедол — это наркотик, для него — что капли от насморка, что сердечные.

— А, кстати, в каких отношениях Алексей Яковлевич был с вашим первым мужем?

Нина Федоровна устало опустила плечи.

— Конечно, кстати, — пробормотала она скорее для себя, чем для следователя, и усмехнулась. — Я уже ждала этого вопроса, как только вы сказали, что... — Она судорожно сглотнула. — Они были в нормальных отношениях. Это я была как ненормальная: то с одним поцалуюсь, то с другим. Алексей с женой развелся, жил в общепитии, он ушел в чем был, все оставил своей дочке. Я собиралась снимать с ним квартиру, но Иван не захотел. Он сам, понимаете, сам разрешил прописать Алексея здесь, в доме, раз уж так получилось. Так что никакой выгоды ему от смерти моего бывшего мужа не было. — Последние слова дались ей с трудом. — И так разговоров не оберешься, по всему городу сплетни ходили, а тут еще и это...

Нина Федоровна крепилась из последних сил, чтобы не заплакать. Она судорожно всхлипнула и стерла ладонью слезы. «Где взять силы, где?» — твердила она про себя. Ее хватало сейчас только на то, чтобы по-человечески похоронить Ивана, но чтобы такое...

— Умер, бедный, во сне, лицо такое спокойное, словно уснул, а я смотрю: лунки ногтей посинели, а то так бы и лежал...

Сломленная горем женщина продолжала говорить: и про Ивана, и про него, Алексея, и про дочь, которая неожиданно приехала из Москвы в день смерти отца.

— Специально звонил ей, просил приехать, даже не просил, а кричать стал по телефону, когда Вера сказала, что не уверена, сможет ли вырваться. Перепугал их. Еще бы, он обычно такой сдержанный, а тут... И надо же, прямо в день своего рождения. А у меня с утра сердце так ныло, так ныло, — опять заплакала Нина Федоровна.

Следователь беспокойно задвигался на стуле. Дело, когда расследовались обстоятельства смерти человека, было вторым в практике Ковалюка. Вернее, даже первым, потому что тогда он работал со старшим следователем прокуратуры, под его присмотром, да и ясным все было тогда, как день. А здесь? Ну какой у него может быть контакт с этой пожилой женщиной, у нее дочь такого же

возраста, как он, а тут разбирайся в ее личных делах. Да они и смотрит-то на него как на мальчишку. Ему было жалко эту женщину. Дикость какая-то! Два мужа и одна жена в доме. Обстановка-то сложилась, кому ни расскажи, криминогенная. Не поймешь у них там ничего: старики, а какие-то шекспировские страсти разыгрались. Нет, это все-таки люди, совсем не похожие на их поколение.

Евгений подумал сейчас о своем отце. Семьдесят лет ему исполнилось, с матерью Евгения он развелся давно, лет двадцать назад, живет сейчас с новой женой, Диной Ивановной, не расписаны они вроде бы до сих пор. Так отец, чуть что не по его, собирается — и к сыну. Квартиру-то он им помог получить, да и прописан он у Евгения. Поживет день, два — одумается — и назад, к своей Дине Ивановне. Ирыся, жена Евгения, сколько нервов себе и ему из-за этих отцовых взбрыкиваний поистрепала. «Ты,— упрекала,— сам себе не принадлежишь, так и будешь всю жизнь за других все расхлебывать». Зато отцу все нипочем, натура творческая, как он любит говорить про себя, мятушаяся. Вроде бы и пить сильно не пьет, а дернет с друзьями-однополчанами рюмку-другую и пойдет куролесить. Евгений с десятого класса винные точки в городе знал, сколько раз отца оттуда уводил. А на жену свою нынешнюю как орет? Проститутка... и так далее. Смех один, какая она проститутка в шестьдесят лет! Зато у отца волосы хоть и седые, да целы все, а у Евгения в тридцать пять уже вся макушка лысая. И все запросто у отца, все отлично. По работе не повысили (он так и ушел на пенсию, проработав до 67 лет заведомо редакции областной газеты, хотя и не раз обещали ему должность редактора) — так что с того? Ладно, бог с ними, со стариками. Наверное, действительно, это люди совсем другой закваски. А тут в тридцать пять лет на приличный скандал сил не хватает, а уж чтобы сорваться и уехать куда... А ведь иногда так теща запилит, да подумаешь: себе дороже — и молчишь, молчишь..

Ковалюк встряхнул головой, словно отгонял от себя свое, личное. Растревожила его чем-то эта женщина. Веселого, что и говорить, мало.

Евгений закурил и попытался подытожить услышанное. В общем-то ничего интересного Нина Федоровна Потапенко ему не рассказала. Разве что про звонок покойного дочери в Москву. Звал приехать. К своим похоронам, что ли? Выходит, так.

Корднамин пересылала из Москвы Вера, это он потом проверит, не сложно. А вот куда делась пустая ампула из-под лекарства — это сложнее. Нина Федоровна сказала, что выронила ее вместе с тарелкой, когда подходила к дивану. А дальше? А вот дальше она не помнит. Приезжала «Скорая», милиция, были соседи, потом Вера с мужем появились. В гостиной, после того, как увезли труп, прибирались. Нет, не сама Нина Федоровна. Соседка, потом Вера. Дмитрий тоже что-то вносил, уносил. «А-а, ведро с мусором», — вспомнила Нина Федоровна. Если бы он сразу оказался на месте

происшествия, то... А что — то? Следов насильственной смерти нет, как указано в протоколе. Ковалюк еще раз перечитал исписанные лейтенантом милиции листки. Не густо. Протокол... Мог бы, между прочим, и поинтересоваться этот лейтенант насчет пустой ампулы. Даже если она разбилась при падении, как утверждала Нина Федоровна, то ведь шприц-то не разбился. А сейчас? Разбитое стекло выбросили, шприц прокипятили. И думай-гадай теперь: что там могло быть и чего там быть не могло, следов-то никаких.

«А с другой стороны,— продолжал размышлять следователь,— умер пожилой человек, старик. Болел, болел и помер». Ковалюк еще раз пробежал глазами перечень болезней усопшего. Читая — и диву даешься, как он еще жив-то был до сих пор, бедняга! В таких случаях даже вскрытие могли не делать. Где уж там искать какую-то ампулу или шприц.

Нина Федоровна удивилась в морге, когда узнала, что вскрытие все-таки было. А почему она так хорошо осведомлена? Надо побеседовать с медиками, которые дежурили вчера на «Скорой». Но ведь в таких случаях вскрытие действительно могли не делать. И даже не забирать труп в морг. Так почему же его все-таки забрали? Случайно?

«Так, так, так,— Евгений забарабанил пальцами по столу,— а в морге в тот день дежурил молодой патологоанатом и... решил сделать вскрытие. Добросовестный молодой человек. И оказалось, что причина смерти, указанная врачом в заключении, не соответствует той, что показало вскрытие. И дело завертелось. Повторный анализ подтвердил предположение патологоанатома — в крови был обнаружен наркотик.

Конечно, может, и не гуманно было вызывать сегодня в прокуратуру бывшую жену покойника, но что делать. Она ведь могла и не прийти, сославшись на нездоровье и завтрашние похороны, но пришла. «Не помню, кажется...» — Ковалюк вспомнил ее показания. Не помнит, не помнит, а шприц аккуратненько прокипятила и убрала от греха подальше.

Расплывчатое какое-то дело. Может, действительно, надоело все до чертиков покойнику — бывшая жена, ее новый муж, вот и раздобыл где-то промедол, поменял ампулы и тихо, спокойно, вроде бы как естественной смертью... Полгода прожил с «новой» семьей и понял, что невмоготу».

Нет, Евгений, конечно, поговорит и с медсестрой, и с лечащим врачом, и с дочкой покойного, соседей тоже потревожить придется, но... Тихое самоубийство, по семейным обстоятельствам. И если бы не ретивость молодого патологоанатома, то так бы все и списалось: по старости и болезни. Тем более что Иван Семенович с новым мужем общался вполне доброжелательно, как цивилизованные люди, если вообще здесь уместно такое выражение, сказала Нина Федоровна. И обманывать она вряд ли станет. Скандалы от соседей не скроешь, все на виду. А что скроешь? Следователь угрюмо посмотрел в окно. Жалел ее бывший муж, думал, наверное, тихо

уйдет, незаметно. Все предусмотрел, даже дочери в Москву позвонил. А упаковку вместе с этим самым кордианином гоже предусмотрительно выбросили вместе с мусором. Да-а...

На следующий день, с утра пораньше, Ковалюк огыскал медсестру, которая делала уколы Ивану Семеновичу Потапенко.

Полная пожилая хохлушка, разговаривая со следователем, прикладывала коротенькие ручки к могучей груди и испуганно твердила: «Та вы ж не подумайте...» Ну, приходила она к Потапенко делать уколы. Как он выглядел в последний раз? «Та, как обычно»,— певуче тянула она. Говорила она мягко, путая от волнения русские слова с украинскими. Потапенко сам ее просил, чтобы поколола его, в госпиталь не хотел ложиться. Это был последний укол; как врач назначил, так она и делала. Пустую упаковку оставила на столе. Нет, до порога он ее в тот раз не провожал. На терраске замок английский, она знает, дверью хлопнешь, и все. Иван Семенович лежал на диване, еще, помнит, про погоду ей что-то говорил. Ампула? Та как обычно. В голосе женщины послышалась неуверенность. От волнения у нее даже слезы на глазах выступили. Ну не помнит она. Бритвой полоснула, надломила верхушку. «Цвет, запах? Не приноживалась, да и,— она смутилась,— торопилась очень, в тот день внучку дочка привезла».

После этих слов медсестра задумалась и примолкла, а потом вдруг выпалила:

— Не хотела говорить... Показалось мне, будто спиртным в комнате пахло. Подивилась еще, не пьет ведь Семенович совсем, раньше ни разу не замечала. С больным ведь как,— она поймала удивленный взгляд следователя,— обо всем поговоришь, а уж пьяница кто иль нет, сразу видно. Вот я тогда и подумала: ну, значит, мало ли что.— Она всхлипнула и вытерла круглой ладошкой глаза.— Это же догадаться только надо! А я ему сама, своими руками. Как вспомню, так аж дурно делается.

Еще бы не дурно! — вколоть человеку наркотик вместо сердечного лекарства! «А мне-то, мне что за это будет?» — наконец решилась спросить она, уловив что-то тревожное для себя в глазах следователя.

И Евгений Георгиевич, что называется, популярно, ровным, четким голосом объяснил ей, как в таких случаях «дурно» с человеком могут поступить соответствующие органы, если, конечно, будет доказано... и так далее, и тому подобное. Нет, он не хотел ее испугать. Просто, может быть, кроме разговора о погоде, она запомнила и еще что-то, ведь она была последней, кто видел Потапенко живым. И если даже он сам поменял эту ампулу, то неужели человек, который решился уйти из жизни, самым обыкновенным образом будет говорить о пустяках?

— Сколько всего уколов вы ему сделали?

Она вздрогнула и, открыв рот, уставилась на следователя.

— Полный курс, как назначено,— забормотала она и вдруг

заплакала, только теперь не так, из вежливости, а по-настоящему.— Да не знаю я.

Вот тут Ковалюк удивился.

Оказалось, что с уколами этими произошла какая-то путаница. Нет, она, конечно, отмечает все, как полсжено, но, видно, запомнила что-то, пропустила. Она всегда по дням прикидывает, когда надо делать последний укол. А тут вроде бы должна закончить все ко вторнику, а оказалось, перепутала, ошиблась на один день.

— А почему вы решили, что ошиблись?

— Так ведь по ампулам. Там оставалась еще одна.

— Подождите, подождите, давайте подробнее и, пожалуйста, повнимательнее, не надо ничего выдумывать.

— Я не выдумываю,— женщина начала нервно разглаживать юбку на коленях.— И так меня уже врач предупреждал, что я то одно забуду отметить, то другое, ну я и решила не говорить. Я ведь уколы как считаю? Смотрю: четыре ампулы еще лежат, значит, четыре укола и делать осталось. А мне в поликлинике выговаривали, что это не дело, надо все по науке: сделал — записал-отметил.

— А у Потапенко?— перебил ее следователь.

— И у Потапенко, Оставалось четыре укола, значит, прикинула: вторник — последний день, а потом, гляжу, нет, не вторник, еще один делать надо.

— И когда вы это заметили?

— В субботу.

Такие вот дела. В той, последней, ампуле и был промедол. Кстати, экспертиза вскрытия показала, что в желудке покойного алкоголя не обнаружено, а медсестра твердила: пахло и пахло. А вот анализ крови показал, что лошадиная доза промедола, введенная Потапенко, была растворена в воде с небольшим добавлением спирта. Вот потому, наверное, и пахло на медсестру. Только зачем был нужен спирт — непонятно. Белый кристаллический порошок промедола хорошо растворяется и в воде. Ну, значит, изготовитель был недостаточно сведущ.

Насчет ампулы тоже еще разобраться надо. Медсестра не могла с уверенностью сказать, что эта последняя ампула ничем не отличалась от тех, что она колола раньше.

— Вроде такая же,— пробормотала она напоследок, споткнувшись о колючий взгляд следователя.

Врач поликлиники, седоватый плотный мужчина, услышав, зачем к нему пожаловал следователь прокуратуры, удивленно поднял брови. Умный мужчина — сразу смекнул, что к чему.

— Да, я уже знаю про Потапенко,— он потянулся к пачке с сигаретами.— Но дело в том, что ампулы с промедолом заметно отличаются от тех, где содержится сердечное лекарство.— Он стал что-то рисовать на листке бумаги.— Ну, во-первых, если хотите, даже по форме и размеру. Это все равно что перепутать, прошу прощения за сравнение, бутылку, скажем, шампанского с четвер-

тинкой водки. Практически исключено.— Врач хмыкнул, довольный своим сравнением, и протянул Евгению листок бумаги: — Вот смотрите.— Ковалюк увидел там изображение, напоминающее квадратную граненую фляжку, и рядом — раза в три меньшую размером узкую длинную ампулу.— А, кроме того, еще и обозначения имеются.

— А если нет никаких обозначений?

— Ну тогда...— врач развел руками.— Ошибки, конечно, бывают везде, и автоматически все что угодно можно сделать и не заметить, тем более что ампула в упаковке оставалась последней. А медсестра Ильченко, она не то, чтобы невнимательная, но...— он вздохнул и тут же спохватился: — Нет, никаких серьезных упущений она не совершила, но,— он опять замолк,— лекарство больному она однажды перепутала.— Он вопросительно посмотрел на следователя: — Но тогда откуда в той коробке взялся промедол?

И еще. В конце разговора врач, он оказался и заведующим отделением, буркнул:

— Не понимаю, зачем ему промедол понадобился. В принципе, лошадиной, ну, скажем, тройной дозы того же кордиамина было бы достаточно, чтобы...— он не договорил и расстроено махнул рукой.— А нас теперь из-за этого промедола затаскают: проверки, учет... Нет, вы не подумайте, я не эгонист какой, человек умер, но, ей-богу, не понимаю...

Следователю принесли больничную карту Ивана Семеновича, плотно исписанные странички. Кое-что из нее он тоже для себя уяснил, а потом, когда спросил об этом же у врача, тот подтвердил его выводы. Для покойного было достаточно какого-то сильного потрясения, и сердце могло бы не выдержать. Тогда и никакой наркотик не нужен.

— Вы считаете: он был способен покончить жизнь самоубийством? — напрямую спросил он врача.

Тот, помедлив, ответил:

— При таких обстоятельствах я ни за что ручаться не могу. Второй муж бывшей жены под боком, понимаете ли... А вообще-то нервная система у него была вполне в порядке, учитывая возраст и все прочее.

Нет ясности после беседы с медсестрой. И с врачом не прибавилось, скорее, наоборот. И зачем все-таки промедол — чтобы уж наверняка?.. А история, действительно, невеселая: бывший муж, бывшая жена, и во всем этом такая безысходность, такая тоска...

Ковалюк стоял в своем кабинете и, пытаясь раскурить положенную сигарету, смотрел в окно.

В дверь постучали. На пороге комнаты стояла худощавая молодая женщина лет тридцати. Вера Ивановна Соколова, дочь покойного.

Ее лицо чем-то напоминало материнское, но только напоминало. Ему не хватало мягкости и закругленности, а от резкой морщины на лбу лицо молодой привлекательной женщины казалось раздраженным и даже злым. Вера держалась отчужденно и хо-

лодно, на вопросы отвечала так немногословно и толково, что ее выдержке мог бы позавидовать любой мужчина. И главное, ничего лишнего. Она вся была как сжатая пружина, только выпрямляться, то есть расслабляться, при нем она и не подумает, это Ковалюк понял сразу. И еще Вера Ивановна была чем-то явно раздосадована и всячески пыталась это скрыть.

Да, отец звонил ей в Москву, звал приехать. А что здесь такого? Про мать и ее нового мужа она говорить не хочет и просит ее понять правильно.

— А вашего мужа отец тоже просил приехать?

Вера смутилась.

— Вам уже мать рассказала, что отец Дмитрия терпеть не мог? — вырвалось у нее и, видя, что следовательно не отвечает, она бросила: — Нет, не просил. Дмитрий приехал сам.

И все. Дальше никакого разговора не получалось. А когда Евгений попробовал развить опять эту тему, Вера неожиданно взорвалась.

— Да что вы все: приехал, не приехал. Лучше бы поинтересовались у матери с этим Алексеем, куда отцовы деньги делись. У него на книжке тысяч десять лежало,— она зло посмотрела на следователя, словно он был в чем-то виноват.

Вот оно что. Значит, доченька приехала, потому что ей папа деньги обещал дать.

Вера словно прочитала его мысли и пожала плечами.

— Да, он обещал дать нам денег на машину. Дима стоит на очереди. Отец мог бы как участник войны давно получить машину для нас,— уточнила она,— но не захотел. Он Дмитрия едва выносил. Даже называл его не Дима, не Дмитрий, а Димитрий, Ди-мит-рий,— повторила она по слогам,— прямо на какой-то церковный манер, и где он этого Дмитрия откопал? У Димы характер с гонором, отец тоже после госпиталя, ну и...— она усмехнулась,— да, вот такая у нас семейка, ничего не поделасшь.

Опять все упиралось в отношения, сводилось к отношениям, вытекало из них же. Да, Вера помнит: комнату в гостиной подметала она, а мусор выносил Дмитрий. Ну было там какое-то битое стекло. Кордяминн отцу доставала она. «Есть связи»,— почему-то смутилась Вера в конце разговора.

— А больше никаких лекарств вы ему не доставали?

— Нет! — резко вскинула она голову и посмотрела прямо в глаза следователю: — Я отца любила и жалела...— она сбилась с дыхания и медленно покачала головой.— А деньги, может, отец и пошутил, не было у него этих десяти тысяч, откуда я знаю. Я у него во всяком случае их не просила.

— Но вы поверили, что они у него есть?

Вера подумала, а потом кивнула:

— Поверила. И знаете почему? Он тогда по телефону сказал: приезжай, дескать, а то не хочу, чтобы «ему» достались. Он имел в виду, конечно, мать с этим ее, Яковлевичем.

— А почему «ему»?

— Да потому, что мать все ему отдаст. А если деньги были, то она даже как бывшая жена имеет право на какую-то часть, ведь развелись-то они недавно, значит, считается, вместе все и жили. Так ведь?

— Так, — подтвердил Евгений Георгиевич и еще подумал, что она неплохо разбирается во всех этих вопросах.

Вернувшись после выходных из деревни — ездил с Ирысей навещать дочку, которая жила летом у тещи с тестем, — Евгений застал дома отца.

— Опять с Диной Ивановной расплевался? — не выдержав, съехидничал он.

— Да нет, просто так зашел. Куда ж я теперь от своего зверинца денусь?

Дина Ивановна недавно завела дома кошку и собаку. Отец сначала заскандалил, а потом ему это даже понравилось. И теперь он уже чуть чего не переезжал «жить» к сыну. «Животных жалко, куда ж они без меня», — и даже в гости приходил с рыжим добродушным песиком, важно величая его Ричард. «Кошмарный пес», — морщилась Ирыся, но молчала, потому как отец на площадь не претендовал и ночевать всегда отправлялся домой. А Евгений веселился: ну, молодец Дина Ивановна, сроду бы так не догадался, да и отец вроде поспокойнее стал.

Шагая с отцом по вечернему городу — провожал старика домой, Евгений сам не заметил, как рассказал ему про Потапенко. У отца вот всегда так, и не захочешь, а все ему выложишь. «А ты как думал, — смеялся в ответ отец, — журналисты старой гвардии, они, брат, вопросы задавать умеют».

— И что тебе там не нравится? — сразу поймал ход его рассуждений отец.

— А тебе?

— Накручено все как-то, — Георгий Иванович пожал плечами. — И, главное, ни письма, ни записки, деньги опять же куда-то делись.

— Если только они были.

— А почему нет? Сам же говорил, что огород у него дай бог каждому. — Отец замер на мгновение, словно вдруг что-то увидел перед собой. — Ну-ка, ну-ка, еще раз про огород.

И Евгений рассказал и про огурчики ранней и поздней посадки, и про помидоры, и про цветы. «Ну прямо все лето, как в оранжеесс», — повторил он слова соседки Потапенко.

— Про цветы, бог с ними, это я не понимаю, а вот про огордик... — отец левой рукой поймал себя за ухо и стал его тереть. Евгений эту привычку помнил с детства. И даже сам, не замечая того, перенял отцовский жест. — Про огордик я тебе вот что скажу. Сейчас у нас только начало августа, полсада, считай, не убрано: и яблоки, и сливы, и огурчики, как ты говоришь, у него поздние, и всякое прочее добро.

— Это не я говорю, — вставил Евгений, — это соседка, она

сказала: припасливый Иван Семенович, еще с прошлого года кон-сервированное осталось.

— Не перебивай, — отмахнулся отец, — нет у тебя никакой выдержки. Значит, тем более, мужик он был основательный, а просто так, за здорово живешь, на тот свет отправился. Бог с ней, с женой, тут я не судья. А вот ты знаешь, к примеру, когда в деревне можно купить дом?

Евгений опешил.

— Не знаешь, — заключил отец. — А вот я знаю. Я по этим краям столько поездил-переездил. И не только по этим. Потапенко этот твой был хорошим хозяином, а хороший хозяин урожай свой посреди лета никогда не кинет. Я-то знаю. Из последнего будет вытягиваться, а что сам посеял — соберет, уж будь спокоен, свое ведь, не чужое. А почему я про дом спросил? Да потому, что ты вот попробуй посреди лета купи у хозяина дом. «Нет, — скажет, — осенью продам». А сейчас, когда и сено там еще можно покосить, и грядки не убраны, никто тебе дом продавать не станет. Не сезон.

— Ты прямо, как мой тесть, тот тоже: сезон, не сезон.

— А что ты думаешь, так оно и есть.

— Значит, если бы все это произошло в октябре, то ты бы в самоубийство Потапенко поверил?

Отец остановился и серьезно посмотрел на сына.

— В октябре? Тогда поверил бы.

Евгений возвращался домой и насмешливо крутил головой. Ну дает отец! Вот он, следовательно, завтра придет в прокуратуру и скажет своему начальнику: нет, это не самоубийство, потому как вроде бы не сезон. Не сезон для самоубийства. Смех один, выдумает же такое? «Я, конечно, всех твоих тонкостей не знаю, — сказал ему напоследок отец, — но ты следовательно, ты и ищи, а я в это самоубийство что-то плохо верю».

Евгений Ковалюк не верил в него совсем.

После этого вечера прошло две недели. И дни эти пронеслись для следователя так быстро, что он и сам не заметил.

Сегодня, вернувшись из трехдневной командировки, он, наконец-то, смог сказать себе, что дело Потапенко подходит к завершению, а главное, подшутил над собой следователь, он это же может сказать и своему начальству.

Он не зря мотался в соседнюю область. После протокола опроса главного свидетеля ему не надо было ничего выдумывать, предполагать и дотягивать.

...Он заранее договорился о встрече. Очень важно, чтобы эти двое были дома и ничего не заподозрили.

Милицейский «газик» плавно затормозил возле коттеджа на Лесной улице. Вместе с Ковалюком прибыли три милицейских работника.

Бледное лицо Нины Федоровны замерло от удивления и напряжения. А вот он, Алексей Яковлевич, держался спокойно.

— А санкция прокурора у вас есть? — с показной любезностью осведомился он, и его круглое красивое лицо расплылось в добродушной улыбке.

Обыск продолжался второй час. Нина Федоровна сидела как замороженная, стараясь не смотреть на соседей-понятых. Она болезненно морщилась и время от времени пыталась поймать взгляд Алексея.

— Ищите, ищите, — бросил он милиционеру, когда тот добрался до полки со слесарным инструментом.

Нина Федоровна заметила, как напряглось лицо Алексея. Она сразу вспомнила, что видела у него вот такой же испуганный, удивленный взгляд, когда тело Ивана увозили в морг.

Из ящика с инструментами милиционер достал небольшой сверточек. Алексей Яковлевич дернулся и тут же замер на месте, почувствовав на себе взгляд следователя.

Лейтенант отложил что-то в сторону, и у него в руках оказалась маленькая серенькая книжечка.

— Сберкнижка на предъявителя, — Ковалюк осторожно открыл ее и заглянул в последнюю запись. — Вера Ивановна неплохо знала про накопления своего отца — десять тысяч двести пятнадцать рублей.

— Как ты мог? — Нина Федоровна трясущимися губами слово выплюнула эти слова своему мужу и, обессиленная, опустила на диван, закрыв лицо руками.

— Мог, не мог, — Алексей Яковлевич Борзуненко сидел в кабинете следователя прокуратуры и брезгливо морщился. — Да мы с Ниной сами разберемся. Ну взял я эту несчастную сберкнижку, покойнику-то она все рано ни к чему. Дочка... С дочкой, я думаю, мы тоже полюбовно договоримся. Ну польстился на чужое: бес попутал, что же мне теперь... — Он изо всех сил старался держать на лице покаянное выражение. — Мы все сами уладим, по-семейному.

— По-семейному, говорите? — Ковалюк протянул Борзуненко какой-то листок. — А вот с этим как быть? — он в упор смотрел на Алексея Яковлевича. — Эта женщина во всем призналась. Есть еще показания вашего сменщика на заводе. А вот это, — следователь положил на стол еще один документ, — протокол допроса начальника дэза. На той неделе, когда «внезапно» скончался Потапенко, вам должны были разделить лицевой счет, и тогда уж, в случае непредвиденных обстоятельств, к вам обязательно подселили бы какого-нибудь жильца или даже семью, во всяком случае такие хоромы вам бы никто на двоих не оставил.

Евгений сидел с отцом на скамейке скверника и молча наблюдал, как купаются в пыли молодые воробьи.

— Он признался? — нарушил молчание отец.

— Нет еще, да только деваться ему все равно некуда. Доказательства такие, что... После твоих слов, ну, помнишь, «не се-

зон для самоубийства», — пояснил Евгений, — я стал искать доказательства, но только не самоубийства, а убийства. Поинтересовался прошлым Борзуненко. Оказалось, что семья его бывшая, где дочь, которой он, по словам Нины Федоровны, вроде бы все оставил, — это так, одни слова красивые для неустroенных в жизни женщины. Вот бедная баба — эта Потапенко, ну да сама виновата, никто ее к этому мерзавцу не тянул, сама себе выбрала. Квартиру там получала жена, она же и обставила, а он и не жил с ней почти, мотался из общежития в общежитие. Да по бабам. Последняя его пассия в соседнем городе, куда я ездил в командировку, работает медсестрой.

— Промедол оттуда?

— Да, там тоже целая история. Наркотик на строгом учете, так она больным порошок разбавляла, а остатки потихоньку подкапывала, чтобы потом продать. Ее уже стали подозревать. Борзуненко месяц назад был у этой медсестры. Она говорит, что он украл у нее промедол, знал, где она хранит припасенный товар. А приехав домой, он поменял ампулу у Потапенко. Медсестра, которая делала ему уколы, не зря сказала, что у нее произошла путаница с уколами. Он вытащил одну ампулу с кордиамином, когда Ивана Семеновича не было дома, вытянул оттуда шприцем лекарство, а потом влил в нее приготовленный раствор с промедолом. Кристаллы наркотика растворил в воде. Почему он добавил туда немного спирта, я не знаю, но скорее всего где-то услышал, что надо делать именно так. Ампулу из-под кордиамина, но теперь уже с наркотиком, снова запаял.

— А разве это можно?

— Оказывается, можно, у этого подлеца руки-то были, говорят, неплохими. Его сменщик вспомнил, что видел, как Борзуненко возился с какими-то стекляшками.

— Но ведь ампула становится немного короче, если ее сначала вскрыть, а потом снова запаковать?

— Так что с того? Кто там будет смотреть — короче, длиннее, а потом, она всего на несколько миллиметров уменьшается, заметить практически невозможно.

— А зачем же было вытаскивать ампулу, это рискованно, ведь медсестра могла заметить, взял бы уже использованную.

— Нет, использованная не подходит. Кончик стекла медсестра надсекает бритвой, а потом откальвает, а это один сантиметр и даже больше. Вот тогда действительно можно заметить, что ампула по длине намного короче.

— Да, умелец.

— Рискованно, конечно. И ведь все рассчитал. Но думаю: сделал он это не из-за сберкнижки, а из-за дома. Понимаешь, у человека, который всю жизнь не имел своего угла, мотался по общежитиям, вырабатывается своя особая философия. Это как у людей, которые долго жили в коммуналках

— Философия коммунальной кухни, — Георгий Иванович кивнул, — пожалуй, ты прав.

— Так вот, раздел лицевого счета Борзуненко не устраивал, он хотел быть хозяином. Думал: все спишут на старость и болезни Потапенко, и это вполне могло бы произойти. Вот почему он испугался, когда покойника отправили в морг, а могли бы и дома оставить, заморозку сделать, как в таких случаях практикуется. А сберкнижка...

Евгений взглянул на отца. Тот сидел мрачный на краю скамейки и носком ботинка ковырял что-то в земле.

У Евгения кольнуло сердце. Ну и болван же он! И еще хвастается, что в психологии неплохо разбирается. Морг да покойник... не любят ведь старики таких разговоров. Да это и кто хочешь не любит. Он потянул отца за рукав.

— Так что ты говорил про сберкнижку? — очнулся Георгий Иванович.

— А сберкнижка имеет уже второстепенное значение. Могли, конечно, ее и не найти, но, я думал, вряд ли этот деятель настолько кому-нибудь доверял, чтобы мог сберкнижку на предъявителя на хранение отдать.

— А почему ты был уверен, что она должна быть именно на предъявителя?

— Иначе бы не пропала. Потапенко поэтому и Веру из Москвы вызвал, может, чувствовал что, а может, просто хотел деньги подарить.

Евгений встал:

— Пойдем, Ирыся ужин приготовила. С грибами, — многозначительно протянул он и повел отца к дому.

— Самое время сейчас, — быстро отозвался тот, — сезон...

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

ОТВЕТЫ

Задача 1

В принципе работник, предупредивший администрацию об увольнении по собственному желанию, до истечения срока предупреждения может отозвать свое заявление и продолжать работать. Администрация не вправе настаивать на увольнении, за исключением случая, когда на его место приглашен другой работник, которому в соответствии с законом не может быть отказано в заключении трудового договора. Согласно статье 18 КЗоТ России, нельзя отказать в приеме на работу человеку, приглашенному в порядке перевода.

Поэтому, чтобы ответить на вопрос нашей задачи, необхо-

димо уточнить, что значит «подобрали другого работника». Если ему дали официальное письмо о переводе, Короткову придется увольняться. А если с новым претендентом на его место имеется лишь устная договоренность, Коротков сможет продолжать работать.

Задача 2

Вопрос сложный. При неудовлетворительном результате испытания администрация может уволить работника без согласования с профсоюзным комитетом и без выплаты выходного пособия. Так что отсутствие согласия профкома на увольнение Антоновой директор вправе проигнорировать. Однако освобождение от работы в период испытательного срока может быть обжаловано в суд. Именно суд и оценит законность увольнения. Если он придет к тому же выводу, что и профком, увольнение будет признано незаконным.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2, 92 г.

По горизонтали: 5. Протокол. 6. Баратрия. 8. Пиромания. 11. Тигран. 14. Отчим. 15. Пособие. 16. Насилие. 17. Вексель. 20. Корысть. 22. Багаж. 23. Битва. 26. Облигация. 27. Аннексия. 28. Кредитор.

По вертикали: 1. Хруцкий. 2. Актив. 3. Архив. 4. Хищение. 7. Юматов. 9. Магистрат. 10. Стереотип. 12. Борисов. 13. Дигесты. 18. Выжиг. 19. Барщина. 21. Квестор. 24. Обыск. 25. Билет.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 7. Нарком юстиции СССР, один из первых удостоенный звания «Заслуженный мастер альпинизма». 8. Имевший силу закона в Древнем Риме ответ императора на представленный ему для разрешения вопрос. 10. В международном праве выбор гражданства, предоставляемый населению территории, переходящей от одного государства к другому. 11. Промежуток рабочего времени. 12. Основная денежная единица в СССР. 13. Перевозка грузов без перегрузок на промежуточных станциях. 14. Главный персонаж кинофильма «Шестой». 19. Группа участников конференции, разрабатывающая или обсуждающая определенный круг вопросов. 21. Охота на диких животных по особому разрешению. 22. Родитель одного из супругов по отношению к родителям другого супруга. 23. В древнеримской мифологии бог войны — Марс, а кто в древнегреческой? 25. Председатель Петроградского ЧК, убитый эсэром в 1918 году. 27. Заседание членов выборного руководящего органа в полном составе. 28. Ученая степень, впервые присужденная в 1130 году Болонским университетом, в России присуждалась с 1819 года. 33. Преобразование, переустройство. 35. Государственная награда за военные или гражданские заслуги. 36. Крупные купцы в феодальной Руси X—XVIII веков. Далее привилегированная корпорация, которая выполняла финансовые поручения правительства. 37. Окружающая среда, обстановка. 38. Затраты, связанные с процессом обращения товаров. 39. Вооруженное нападение на другое государство с целью захвата его территории и насильственного подчинения своей власти.

По вертикали: 1. Вводная часть законодательного или иного правового акта. 2. Союз, объединение на основе договорных обязательств. 3. Специалист, производящий исследование в спорных случаях с представлением мотивированного заключения. 4. Пересмотр международного договора с согласия его участников. 5. Невыход на работу без уважительной причины. 6. Обжалование какого-либо постановления в высшую инстанцию, которая имеет право

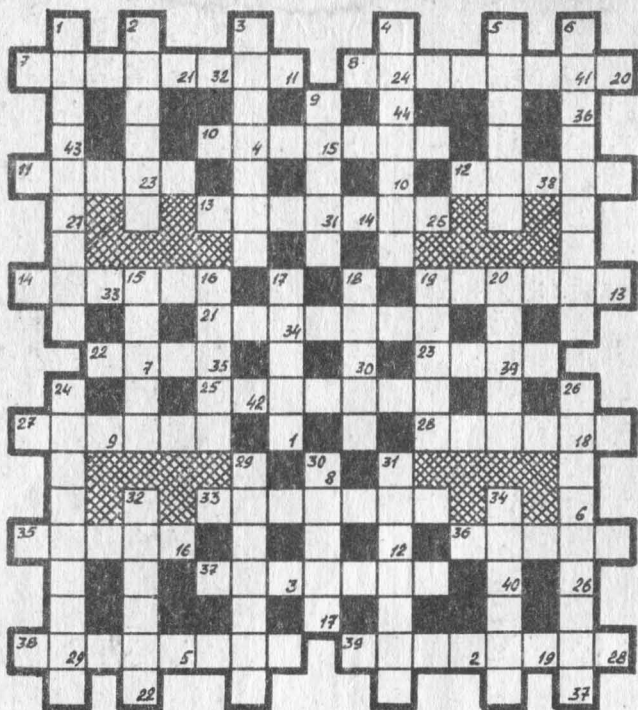
Сдано в набор 04.02.92. Подписано в печать 25.03.92.
Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 8,18.
Тираж 1 873 042 экз. Заказ 0160203. Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22
Телефон 281-68-12

Комбинат печати издательства «Преса України»
252047, Киев-47, Проспект Победы, 50.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	

пересмотреть дело по существу. 9. Самостоятельный этап трудных и длительных переговоров. 15. Правительственное учреждение по административным и судебным делам в некоторых современных государствах Ближнего и Среднего Востока. 16. Мнение, выраженное голосованием. 17. Афинский оратор (около 390—314 г. до н. э.), противник Демосфена. 18. Ссора, сопровождаемая взаимными побоями. 19. То же, что диапозитив. 20. Конторский служащий в некоторых странах. 24. Бескорыстная забота о благе других. 29. Отсрочка исполнения обязательств, устанавливаемая правительством на определенный срок. 29. Город в Испании, разрушенный бомбардировкой германской авиации в 1937 году. 30. Герой освободительной войны украинского народа, сподвижник Б. Хмельницкого, полковник. Расстрелян польскими феодалами. 31. Запрещение государственной властью ввоза или вывоза другими странами отдельных видов товаров. 32. Персонажи и актеры из популярного телесериала: Знаменский — Мартынюк, Томир — Каневский, Кибрит — ...? 34. Деятельность компетентных органов по установлению места нахождения обвиняемого, подозреваемого и других лиц, совершивших преступление.

...Если вы правильно ответите на все вопросы кроссворда, то из букв, вписанных в клетки, пронумерованные в правом нижнем углу от 1 до 44, прочтете криптограмму, в которой зашифровано известное выражение К. Маркса.

Составил В. БУХАРЕВ

Вы помните капитана милиции Любу Виртанен! Вы помните героиню романа Ларисы Захаровой и Владимира Сиренко «Три сонета Шекспира»!

Грустная история любви, трагедия чувства и долга, конечно, не забыта вами, дорогие читатели. Ведь об этом вы пишете в ваших письмах, они все продолжают поступать и в редакцию, и авторам этой трогательной и печальной криминальной драмы. Во многих письмах читатели спрашивают, станет ли сюжет романа «Три сонета Шекспира» основой киносценария, увидят ли поклонники творчества Ларисы Захаровой и Владимира Сиренко полюбившихся героев на экране.

Да, можем ответить мы сегодня.

Молодая киевская кинофирма «XXI век» сняла фильм «Личное оружие». На главные роли режиссер Анатолий Буковский пригласил красивых и талантливых актеров. Капитана Любовь Виртанен играет Лидия Ежеская, восходящая звезда нашего кино. Образ подполковника Николаева создал Андрей Градов, знакомый зрителям по многим интересным работам. В роли Натальи Разинской популярная киноактриса Нина Антонова.

Для вас мы помещаем на четвертой странице обложки журнала кадры из фильма «Личное оружие». Так выглядят на экране герои романа «Три сонета Шекспира».

